

ВРЕМЯ В ЗЕРКАЛЕ НАУКИ

**I Международная научная
междисциплинарная конференция
(19 марта 2011 г.)**

МАТЕРИАЛЫ ВЫСТУПЛЕНИЙ

(РУССКИЙ ЯЗЫК)

Киев
«Центр учебной литературы»
2011

УДК 125
В 81

СООРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ:

РОССИЙСКОЕ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ИНСТИТУТ
РИТМОЛОГИИ ЕВДОКИИ МАРЧЕНКО (ИРЛЕМ)

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ КИЕВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

КАФЕДРА ПОЛИТОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
„КИЕВО-МОГИЛЯНСКАЯ АКАДЕМИЯ”

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК УКРАИНЫ

В 81 Время в зеркале науки: 1-ая Международная научная междисциплинарная конференция (19 марта 2011 г.): Материалы выступлений. –К. Центр учебной литературы, 2011. — 408 с.

ISBN 978-611-01-0249-0

Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор, точность приведенных данных, цитат, имён собственных и других ведомостей. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать предоставленные материалы.

Материалы публикуются в авторской редакции.

*Издано при содействии
российского научно-образовательного учреждения ИрЛЕМ
(Институт Ритмологии Евдокии Марченко)*

ISBN 978-611-01-0226-1

УДК 125

Секция I

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ВРЕМЕНИ

*Бойченко М.И.,
канд. филос. наук,
доцент Киевского национального
университета имени Тараса Шевченко*

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ОТНОСИТЕЛЬНО СОЗИДАНИЯ БУДУЩЕГО

Предвидеть будущее можно по-разному, но наиболее близким к науке способом является созидание будущего, пусть даже частичное. В той степени, в которой мы контролируем свои поступки, мы увеличиваем свои шансы влиять на развитие событий — конечно, в свою очередь, если последствия этих событий нам известны и свои поступки мы осуществляем в расчете на эти последствия. Так, условия возможности будущего у Лумана определяются возможностями системного конструирования социальной реальности [Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории / Н. Луман; пер. с нем. И.Д. Газиева; под ред. Н.А. Головина. — СПб.: Наука, 2007. — 648 с.]. Если принять вслед за Дж.Г.Мидом, что любая определенная социальная деятельность состоит из элементарных частей, которые впервые были когда-то предложены конкретными людьми [Мід Дж. Г. Дух, самість і суспільство: з точки зору соціального біхевіориста: пер. з англ. — К.: Український центр духовної культури, 2000. — 374 с.], тогда, в конечном счете, на наш взгляд, можно допустить, что и социальные системы не являются чем-то абсолютно над-индивидуальным, а возникли в результате длительной эволюции в результате сочетания личных достижений миллионов и миллиардов индивидов. В таком случае объективная реальность в социальном мире — это в значительной степени систематизированная в значительных масштабах и на протяжении очень длительного периода совокупность субъективных реальностей. Конечно — в рамках той объективности, которую задают физическая, биологическая, психическая и тому подобное детерминации. Следует раз-

личать собственно социальные условия возможности социального будущего как условия внутренние и рамочные условия возможности социального будущего — от физических и биологических к психическим системам. Конечно, естественные катаклизмы или другие подобные внешние вмешательства могут внести значительные коррективы в функционирование социальных систем, однако они не могут создать новые смыслы, новые социальные коды. При штатных же условиях рамочного типа — наше социальное будущее в большей степени находится в наших же руках. Учитывая внутреннюю дифференциацию социального времени, следует говорить также и о множественности социального будущего. Действительно, каждая социальная группа или социальная организация работает на реализацию той модели социального будущего, которая более близка ее ценностям и картине реальности. Используя терминологию Лумана, каждая такая социальная группа претендует на создание собственной системной истории, в которой есть свои версии прошлого, современного и будущего. Сообщества являются лишь на первый взгляд овеществленным воплощением системных историй — в действительности каждое сообщество может поддерживать несколько системных историй, хотя появление сообщества всегда связано лишь с одной из них. Рефлексивность социального времени, которая предопределена его коммуникативной природой, создает свои условия конструирования будущего. В социальном времени рефлексия невозможна вне коммуникации, а коммуникация — вне рефлексии. Для определения будущего это означает социальную его невозможность без рефлексивно-коммуникативного созидания соответствующего горизонта будущего. Такой горизонт — не просто как абстрактное представление, а как конкретизированный повседневными поведенческими структурами смысл — должен получать постоянное коммуникативное подтверждение. Будущее не наступает «вдруг», абсолютно неожиданно: общество создает для него своеобразный коридор возможностей, который всегда восходит от имеющейся коммуникативной определенности и, возможно, опирается на опыт прошлого. Важным последствием предоставления рефлексивности не просто коммуникативного характера, а системно коммуникативного характера есть преодоление искусственного разрыва между рефлексией и естественным миром — разрыва, какой неминуем при автономизации психических систем от других естественных систем. Для личности как социального лица, участника системных коммуникаций критически важно для сохранения рефлексии сохранить свой режим активного взаимодействия с другими участниками системной коммуникации — иначе под вопросом окажется сама системность

коммуникаций, а следовательно и их рефлексивность. Если вся социальная реальность в ее актуальном состоянии является программной, тогда и будущее этой реальности должно быть программным, или во всяком случае программируемым, то есть таким, которое поддается программированию. Если современность является программной в двух режимах — запрограммированной коммуникации и программирующей коммуникации, то это касается всего социального времени, но в прошлом начинает преобладать доля запрограммированности, а в будущем — программирования, то есть будущее наиболее открыто для новых, в том числе и еще не созданных социальных программ.

*Бойченко Н.М.,
канд. филос. наук,
доцент Университета менеджмента
образования НАПН Украины*

ОБУЧЕНИЕ КАК СТАНОВЛЕНИЕ ЗНАНИЙ ВО ВРЕМЕНИ СОГЛАСНО ТЕОРИИ НИКЛАСА ЛУМАНА

Обучение можно концептуализировать разными путями, среди которых стоит остановиться на мало исследованном в отечественной науке варианте, предложенном Никласом Луманом. Обучение он понимает в стиле философии символического интеракционизма — как накопление опыта на протяжении всего времени жизни личности, причем не только в системе образования, но значительно шире, если не максимально широко, то есть вообще в результате любой социальной коммуникации, то есть базированной на личностном взаимодействии. Потому обучение связано здесь в то же время с информационной, то есть смысловой стороной вопроса, социальной, то есть ценностно-организационной стороной и временным измерением, которое выражает необратимость и селективность обучения.

Обратимся к анализу ключевого труда Н.Лумана «Социальные системы» [Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман; пер с нем. И.Д. Газиева. — СПб.: Наука, 2007. — 644 с.]. Попробуем переосмыслить логику обоснования Луманом ситуации прироста знания на особом случае — обучении в узком смысле, то есть педагогике. Луман замечает, что во время межличностного

взаимодействия ориентация на ожидание в случае разочарования означает ориентацию на отличие. Отличие исходит из случая разочарования, то есть не заключается в вопросе, разочаровывает ли ожидание. Ненадежное, то, что разочаровывает, привлекает больше внимания, чем что-то надежное, и тогда вопрос заключается в том, отказываются ли в таком случае от ожидания, меняют ли его. В ситуации разочарования относительно ожиданий можно делать разные личные выводы: если они приводят к приросту знаний, следовательно, имеем дело с учебой. Ожидания, настроенные на учебу, имеют когнитивное значение. Их готовы изменить, если реальность обнаруживает другие, неожиданные стороны. Если во время коммуникации наши ожидания не оправдались, следовательно, наше знание ситуации было неудовлетворительным. Можно считать, что оно никогда не будет удовлетворительным и полагаться на случай (это, фактически, отказ от учебы), а можно пытаться произвести новое знание, чтобы улучшить качество наших ожиданий. В педагогической ситуации ожидания не тождественны жизненным, то есть якобы не являются настоящими, что касается содержания коммуникации, но отображают лишь смоделированную педагогическими средствами жизненную ситуацию. Соответственно содержание ожиданий предлагается как своеобразные правила игры, которые следует постоянно усложнять, чтобы не потерять коммуникации (пусть даже педагогической). Причем учитель подсказывает варианты для таких усложнений, которые не являются единственно правильными, но обеспечивают гарантированный темп последующего усложнения коммуникации. При этом далеко не всегда речь идет о ретрансляции определенных социальных норм в процессе педагогической коммуникации, к чему склонны некоторые исследователи, которые, прежде всего отмечают функцию ретрансляции знаний как базовую для педагогики. Ведь в ситуации разочарования тому, кто учится, постоянно придется исходить из необходимости поиска нового знания и искать в данной ситуации наиболее уместное рациональное поведение, которое не всегда совпадает с уже известными образцами. Именно ожидания, которые не подлежат обучению, стилизуются как нормы, считает Луман. Ведь даже в случае разочарования они сохраняются вопреки фактам.

Необходимость в фиксации модальных форм ожидания часто возникает лишь в случае разочарования. Например, из-за того, что необдуманно сживаются с ситуацией, которая в определенной ситуации вызывает разочарование. Если то, что написано в учебнике, отрицает личный жизненный опыт, — чему больше верить? Теперь придется выяснять, ожидали противоположного когнитивно или

нормативно. Как правило, коррективы касаются содержания, то есть когнитивной стороны, однако педагогика не может отрицать возможностей также и нормативных уточнений и изменений. Разочарование является событием, которое привносит моменты неожиданности, и тем самым является событием, которое именно поэтому должно вернуться в нормальные структуры ожидаемого. Отличие воспроизводится, невзирая ни на что. Запущенное однажды, оно ставит себе на службу случайности, создает восприимчивость, усиливает способность различения, снова и снова требует принимать решение. Отличие становится исходным пунктом последующего образования форм, последующих символизаций, последующей переработки информации и потому усиливает ожидания, которые считаются ненадежными. Нормативное контрафактическое ожидание можно укрепить, прежде всего, благодаря тому, что тот, кто ожидает, не смотря на разочарования, имеет право и в дальнейшем придерживаться своего ожидания и публично заявлять об этом. Такова прежде всего судьба педагога, который защищает не столько содержание знаний, сколько их авторитетность. В случае разочарования тем самым не решается судьба самого ожидания, и данное предыдущее решение можно символически выразить как особенную смысловую сферу значимого, должного. В конечном итоге отличие можно сформулировать как отличие надлежащего и сущего и с помощью такой семантики снова ввести его в социальные системы. Таким образом, педагогика является одним из основных средств формирования установки на должное — пусть даже с возможными его модификациями (в виде исключения).

Это выглядит так, словно путем нормирования обеспечивается в общем и целом конформное поведение; будто имеет место прогресс в познании, которое приумножает знание и уменьшает незнание. То, что достигается сначала и непосредственно, является все же лишь выявлением новых отличий: нормативному стилю ожиданий отвечает отличие конформного поведения от поведения, которое отклоняется от нормы. Когнитивному стилю ожиданий — отличие знания и незнания. Таким образом, избранная модализация ожидания создает прежде всего лишь последующие отличия, зависящие от нее. То, что достигается, — это измененные начальные пункты обусловливающих в социальной системе, которые в таком случае, в зависимости от обстоятельств и от конкретных контекстов ожидания, могут более-менее достигать желаемых результатов.

Время, таким образом, в обучении заключается не только в изменчивости (приобретении новых знаний — неважно, субъективном или объективном), но и в постоянстве (сохранении определенной части знаний как нормативной основы для любого обучения и

для определенной конкретной учебы). То есть, постоянство познавательной составляющей опыта обеспечивает возможность приобретения новых знаний. Время невозможно представить в обучении ни как константу, ни как постоянное течение, но — именно как сочетание текучести и константности, когнитивности и нормативности, причем каждая в своем отношении не принимает другую, но делает возможной ее в другом отношении.

**Бабидорич С.Ю.,
сотрудник Института
Ритмологии Евдокии Марченко (ИрпЕМ)**

НЕПОЗНАННОЕ — ФАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ

Данный доклад является мини-сборником фактических аспектов, на первый взгляд связанных между собой лишь косвенно. Однако по мере продвижения к заключительной его части связь между ними будет просматриваться.

Самым неприспособленным существом для жизни на планете Земля является человек. По своей природе люди уступают практически всем обитателям планеты. Единственное, что позволило человеку выжить в сложных условиях — это наличие разума. Разум — характерная отличительная черта каждого человека, это целый ряд уникальных особенностей, которые позволяют четко отделить человека от всех остальных. Благодаря наличию разума человек способен: учиться на собственных ошибках, анализировать происходящее, глобализировать происходящее, планировать будущее и даже частично предсказывать его. Ни один обитатель нашей планеты кроме человека неспособен на это. Почему же так случилось? Почему человек является своего рода уникальностью? Предлагаю вашему вниманию рассмотреть ряд фактических аспектов, которые, возможно, приблизят нас к ответу на эти вопросы.

1. Под грифом «непознанное» для человечества сегодня находится очень много конкретных вопросов, которые непосредственно связаны со всем вышеизложенным. Самые актуальные из них:

1. Действительно ли мы одиноки во вселенной, или кроме нас здесь присутствуют иные формы жизни?

2. Что ждёт человечество в будущем? Каким было его прошлое?

3. Существуют ли какие-то субстанции, предопределяющие человеческую жизнь, или всё происходит случайным образом?

2. Последние исследования учёных в области ДНК указывают на некоторые поразительные схожести между функционалом работы генетического кода и законов построения человеческих языков. Это и ряд других интересных фактов о ДНК в данном разделе.

3. Результаты научных исследований в области изучения кармы и феномена реинкарнации. Ряд интересных фактов в рамках изучения данного вопроса.

Одним из самых известных исследователей в этой области является американский биохимик и профессор психиатрии — Ян Стивенсон. За 40 лет изучений в этой области он провёл множество исследований, и детально проанализировал около 3000 случаев проявления данного феномена.

4. Взгляд на труднообъяснимые наукой очевидные факты (в т.ч. рассмотрение трудов Э.Кейси).

Пытаясь рассуждать о материальном и духовном, человечество разделилось на два лагеря — противников и приверженцев присутствия духовного в нашей жизни. Однако есть один весьма занимательный факт в пользу вторых, научное обоснование которому до сих пор никто не дал. Речь пойдёт о деятельности известного американского ясновидящего и предсказателя — Эдгара Кейси. Хотя понятия «ясновиденье» и «предсказание» не признаются официальной наукой, иные термины по отношению к феномену Эдгара Кейси подобрать не представляется возможным.

5. Выводы

Каждый из нас наглядно видит и фиксирует необъяснимые процессы вокруг и внутри себя, но как бы парадоксально это не звучало — на 100 % доказать существование «жизни после смерти», и остальных «вечных вопросов», равно как и опровергнуть это нельзя.

***Бондарь О.В.,
студент Киевского
национального университета имени Тараса Шевченко***

ВРЕМЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Познание феномена времени в качестве философской категории имплицитно предполагает необходимость уяснения его природы

как идеального, имманентного социальному организму когерента социального действия. Иначе говоря, время есть не форма представления вещи во внешнем пространстве и не число движения вещей самих по себе по отношению друг к другу. Время — это абстрактная, чисто квантитативная величина активной социальной деятельности; как таковое оно существует в качестве идеального образа и схемы действия общественного целого, где объектом действия выступает внешний мир, а субъектом — общественный человек.

И поскольку понятие времени как такового всеобщего образа возникает вовсе не в акте созерцания внешнего движения, а рождается, прежде всего, как форма изменения и преобразования природного материала, идеальность социального акта, как всеобщей формы детерминации сознания и воли единичного индивида, выражающего меру превращения материальной природы в идеальную природу человека, изначальное онтологическое основание социальной природы всякого практического акта содержит возможность конституции времени. Категория времени изначально указывает потому на выражение изменения не между вещами, а между людьми посредством вещей. Иначе говоря, внутри вещи, созданной людьми, репрезентировано нечто иное, крайне отличное от ее чувственно — осязаемой формы; это нечто — всеобщая, идеальная схема общественной деятельности, опредмеченная во внешнем материале. И во времени находит свое выражение этот репрезентационный акт — представление чувственно воспринимаемых вещей в форме чистой деятельности, неопределенной и безразличной. Вещь есть конкретное воплощение времени, материализация его определенного количества; потому время, в качестве абстрактной отрицательности, не содержащей в себе никакого различия (Гегель), выступает как чисто количественный аспект существования тех всеобщих форм социальной деятельности, находящихся своё воплощение и выражение в создании человеческой культуры и цивилизации.

Поэтому и формирование понятия времени реальным общественным человеком осуществляется исключительно на основе тех вещей, которые уже вовлечены в процесс воспроизводства культурной жизни социального организма, «антропоморфизированы», превращены в активные формы функционирования его «неорганического тела». Там, где данного условия нет, где отсутствует активная творческая деятельность людей по очеловечиванию предметного материала природы, где человек ещё не выделяет себя из тотальности внешней материальной связи, — там невозможно и представление о времени (мифологическое, первобытное сознание).

Потому категория времени имеет исключительно социальную природу. Гегель в «Философии природы» указывал, что время «существуя, не существует и, не существуя, существует». Да, представленное исключительно в форме сознания, как некоторая абстрактная схема, время не есть нечто действительное. Оно становится таковым исключительно в процессе деятельности, овнешнения и опредмечивания. Время есть форма, в которой протекает человеческая деятельность. Как таковое, само по себе, оно не имеет ни реального содержания, ни самостоятельного существования — оно есть инобытие социального бытия и иноформа социальной деятельности.

В такой трактовке время действительно имеет категориальную природу. Оно является идеальным, не содержащим в себе никаких предметно-компонентных матриц, — и одновременно реальным, не зависящим от сознания какого-то ни было отдельного индивида.

Кант, как известно, истолковывал время как «трансцендентальную схему», априорную форму чувственного созерцания. Согласно Канту, время не есть свойство вещей самих по себе; это наш познавательный аппарат устроен так, что воспринимает формы внешнего мира как временные — ничего более.

Кантовское положение является ничем иным, как простой констатацией совершенно объективной психологической способности человека — осуществлять воображение, то есть превращение в образ чисто физического факта, способность воспринимать раздражение зрительного нерва как форму внешнего предмета.

Контур движения руки, ошупывающей вещь (действие), конгруэнтен схеме самой вещи; геометрия внешнего тела, фиксированного как пространственный гештальт, совпадает с пространственно-геометрической формой самой вещи, сукцессивно развернутой во времени. Схема процесса, воспроизводящего геометрию самого тела, выражает конгруэнтность формы самого тела и формы воспроизводящего её процесса. Симультанно свернутый образ вещи во внешнем пространстве и сукцессивно развернутый во времени контур вещи, образующей ориентир для движения по заданной траектории, являются изначально тождественными. Потому и загадка относительно самостоятельного существования чистого образа вещи во внешнем пространстве, образованного темпоральным движением вещи, возможно разрешить лишь тогда, когда акт чувственного восприятия вещей понимается не как пассивное созерцание, а как деятельность, соотносящая чувственные данные с реальными вещными формами, с которыми человек имеет дело во внешней действительности, где время выступает не в качестве внешней ему действительности, а как реальная мера обращения людей с предметами действительности.

Даренский В.Ю.,
канд. филос. наук,
доцент Луганского государственного
университета внутренних дел

ХРОНОГЕННОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ

Исходя из того факта, что история как такая состоит из событий, теория исторического времени может опираться на факт событийности жизненного мира человека, а основным ее вопросом является вопрос о том, каким образом событие оказывается *хроногенным*, вследствие какой своей внутренней структуры? Впрочем, собственно историческая событийность является лишь одним из видов событий, и этот вид существовал не всегда. Например, жизнь первобытной общины, а с некоторыми оговорками и любого традиционного общества вообще, нельзя назвать событийной в историческом смысле, хотя оно и преисполнено всяких событий бытового уровня. Жизнь человека в традиционном обществе представляет собой сознательное или бессознательное воспроизведение «вечных» образцов, которые сакрализируются мифоцентрическим сознанием. Здесь имеют место два типа внеисторических событий: 1) «Первособытие», данное в мифе как образец на все времена; 2) бытовые события, содержание которых имеет какой-то смысл исключительно по мере их причастности к перво-образам, данным в мифе («сказе»). Возникновение специфически исторических событий связано с появлением такого нового содержания жизни, которое уже не может быть сведено к перво-образам. История начинается тогда, когда некие чрезвычайные, беспрецедентные события ломают образ жизни, концентрировавшийся вокруг неизменных праздников годового цикла, которые воспроизводили систему ее «вечных» перво-образов. Затем со временем «ужас истории» (М. Элиаде) меняется на прямо противоположный ему «ужас вечного повторения»; возникает особый тип *Homo historicus* — человека, доминантой сознания которой становится жажда постоянных изменений, жажда нового, даже независимо от того, является ли это новое более содержательным с ценностной точки зрения, или нет. Такой тип человека, порожденный западной цивилизацией, довольно скоро приходит к самоотрицанию в обществе «одномерных» людей-потребителей, где все новое, в конце концов, сводится к моде (в широком смысле слова), а содержание жизни снова становится неизменным, — но это уже не неизменность сакральной полноты, а неизменность бессмысленного потребительского прозябания. Отсюда понятно, что История в подлинном смысле этого

слова не может быть сведена к истории одних лишь инноваций. История является особым режимом воспроизведения инвариантного содержания человеческого бытия — но режимом *акцентированной событийности* этого содержания, при котором оно словно за-ново «переоткрывается».

Событие не является простым «атомом» истории, так как оно имеет внутренне сложную структуру. «Очевидно, — писал М.А. Барг, — что простых событий в истории не существует. Мера их сложности обусловлена количеством связей и факторов, которые принимают участие в формировании событий... историческая действительность отливается в факты — «узлы» разной сложности, протяженности, эшелонированности в глубину «объема» пластов социальности, которые в них откристаллизовались. Несмотря на размытость, всех границ «развивающихся объектов», как сложные факты, события имеют довольно определенные границы во времени и пространстве» [Барг М.А. Исторический факт: структура, форма, содержание / М.А. Барг // История СССР. — 1976. — № 6. — С. 57—58]. Хотя в указанных этим автором структурах не видно специфического «механизма» *хроногенности*, тем не менее, сказанное позволяет провести различия между понятиями «исторический факт» и «историческое событие». «Факт» — это эмпирическое проявление определенной исторической тенденции, фактора. Например, если одним из факторов определенного события является экономическая ситуация, на фоне которого оно возникает как реакция на эту ситуацию (хотя и не только), то конкретные статистические данные этой ситуации являются историческими фактами, которые определяют данное событие. Особенностью события, в отличие от простого факта, является наличие в нем определенной «сюжетности», онтологической структурированности, которая не сводится к простому эмпирическому наличию «фактов». Событие возникает в том случае, когда определенный комплекс исторических сил (и «фактов», в которых они «определены») приходит в столкновение между собой и происходит их взаимная реакция, проходящая через стадию неопределенности; и, в конце концов, возникает новое соотношение этих сил и факторов, новая органическая целостность, которая может и частично воссоздавать предшествующую, — но событие как таковое состоялось, поскольку существовал момент бытийной свободы, завершившийся этой новой структурированностью. Инвариантный «сюжет», отличающий событие от элементарного эмпирического «факта» истории, может быть представлен схемой: первичная целостность → переход в неупорядоченное состояние вследствие как внешних факторов, так и внутренних противоречий → борьба, взаимная

трансформация и включение новых факторов и выпадения некоторых предшествующих → новое упорядочение комплекса факторов и сил на основе взаимодействия и компромисса между старыми и новыми структурными принципами, старыми и новыми содержательными элементами исторического бытия. При этом *интенсивность* исторического времени в целом определяется глубиной и скоростью этих трансформаций.

Эта онтологическая схема исторического события ясно соответствует онтологическому закону культуры, который состоит в преодолении Хаоса и его превращении в Порядок, Космос. Трагизм культуры в том, что Порядок не является самообеспеченным и стойким; он имеет тенденцию к саморазрушению, т. к. опосредован свободной, не полностью детерминированной деятельностью людей как субъектов культурно-исторического процесса. Порядок (Космос), в свою очередь, может быть восстановлен благодаря свободному усилию самих же субъектов истории. Тем самым, сама человеческая свобода является одновременно и причиной хаотизации, и причиной упорядочивания. Парадоксальная онтология культуры-и-истории может быть представлена схемой цикла: Космос¹ → Хаос¹ → Космос² → Хаос² → и т.д. Этот же глубинный онтологический принцип культуры моделировался в архаическом сакральном ритуале, выполнявшем функцию посвящения людей в изначальную суть бытия. В Истории он уходит в забвение вместе с ритуалами, но продолжает осуществляться стихийно, в форме исторического события. События порождают специфическое *историческое время* постольку, поскольку в них происходит преодоление саморазрушения «космоса» социального бытия людей посредством их свободных усилий, представляющих собой ту человеческую «жертву на алтарь Истории», которая теперь заменила жертвы древних ритуалов. Историческое время по своей тайной сути есть «ритуал», требующий особых исполнителей, имеющих обостренное желание «событийствовать» и готовых стать «жрецами» и «жертвами» в одном лице.

**Джигита А.Я.,
студент Прикарпатского
национального университета имени Василия Стефаныка**

ЭДМУНД ГУССЕРЛЬ: ВРЕМЯ И СОЗНАНИЕ

Метод исследования времени, которым пользовался Э. Гуссерль, в основном сводится к двум процедурам — во-первых, к

особенному наблюдению за разными длящимися объектами, длительностями и последовательностями, и, во-вторых, к фиксации определенной структуры сознания, благодаря которой может осознаваться тот или иной временной фактор. Другими словами, «Гуссерль создает такую модель сознания, которая должна иметь дело с осознанием временных различий» [Молчанов В.И. *Время и сознание* / В.И. Молчанов // *Исследования по феноменологии сознания* / В.И. Молчанов. — М.: Территория будущего, 2007. — С. 94]. При этом, с одной стороны, он разграничивает имманентное время сознания и объективное физическое время (последнее должно быть исключено из исследования), а с другой, противопоставляет свой подход тому, который присущ психологизму. Последний пытается объяснить осознание времени с помощью сведения его данности исключительно к последовательности и длительности действия некоторого внешнего раздражения, а затем к последовательности и длительности психических актов. Однако, по мнению Э. Гуссерля, это очевидная ошибка — «То, что раздражение длится, еще не означает, что ощущение ощущается как длящееся, но только то, что ощущение так же длится. Длительность ощущения и ощущение длительности — две разные вещи» [Гуссерль Э. *Феноменология внутреннего сознания времени* / Э. Гуссерль. — М.: Гнозис, 1994. — С. 14].

Как отмечает П.П. Гайденко, в своих «Лекциях по феноменологии внутреннего сознания времени» Э. Гуссерль выделяет в имманентном времени «два уровня трансцендентальной субъективности: интенциональное сознание, конституирующее предмет, и неинтенциональный поток сознания» [Гайденко П.П. *Время, длительность, вечность: проблемма времени в европейской философии и науке* / П.П. Гайденко. — М.: Прогресс-Традиция, 2006. — С. 369]. Конституирование временного предмета совершается благодаря единству временных фаз. Так, акт восприятия — это временной континуум, исходным моментом которого выступает единство первичного впечатления, или же Теперь-точки, ретенции (первичная память) — особенной модификации последней, благодаря которой она удерживается в сознании после того, как прошла и присоединяется к новой Теперь-точке, и протенции — ожидания следующей Теперь-точки. Также важную роль играет воспроизведение, или же вторичная память, которая исполняет функцию отражения ранее минувшего объекта.

Таким образом, в структуре конституирования временного объекта можно выделить три этапа. Рассмотрим их на примере звучания некоторой мелодии. На первом этапе, то есть, при непосредственном восприятии мелодии, мы ее действительно слышим, временной объект

воспринят сам по себе, мелодия выступает как объект восприятия, а ретенция обеспечивает единство всех ее прошедших моментов с границей в актуальной Теперь-точке; на другом — мелодия только что завершила свое звучание. Мы уже не воспринимаем ее как действительную, однако она все еще остается в нашем сознании, хотя и в модифицированном виде, как «только что прошедшая», а не действительная. Ее «только что прошедшее» бытие есть данным нам фактом, воспринятым. Третий этап — воспроизведение. На нем мы «пробегаем» мелодию в фантазии — «мы «как-будто» слышим сначала первый, затем второй тон и т. д.» [Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль. — М.: Гнозис, 1994. — С. 39]. Нами воспроизводятся все Теперь-точки с их ретенциями и протенциями. При этом, все они являются вспомненными, а не настоящими. С другой стороны, само воспоминание является настоящим, первично сконструированным, а позже — «только что прошедшим» воспоминанием. Важно, что ретенция, удерживая в сознания каждую Теперь-точку, конституирует абсолютные временные позиции каждой из них — в ретенции не изменяется ни их содержание, ни форма «Теперь». Претерпевает изменения только способ данности этого «Теперь» — каждая такая точка сначала выступает как актуальное Теперь, в следующий момент — как только что прошедшее Теперь и т. д. Благодаря этому при воспроизведении разных отрезков длительности, отдаленных от актуальной Теперь-точки на разное расстояние, происходит их надвигание друг на друга и объединение через идентификацию общих точек с абсолютными временными позициями. Потенциально возможным является осуществление этого процесса с отдаленной на любое расстояние от актуальной точки, и это делает возможным осознание объективного времени.

Вместе с вопросом об осознании времени Э. Гуссерль рассматривает проблему временности самого сознания, проблему темпорального потока сознания. Конституирование последнего происходит благодаря тому, что ретенция владеет двойной интенцией. Одна из них служит для конституирования определенного объекта, например, звукового тона — это первичная память. Другая, конститутивная, — для единства этой первичной памяти в потоке сознания. «ретенция есть именно то, что она есть Еще-сознание, удерживающее сознание, есть именно ретенция, ретенция протекшей тональной ретенции: в своем постоянном самооттенении в потоке она есть непрерывная ретенция непрерывно предшествующих фаз» [Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль. — М.: Гнозис, 1994. — С. 85]. Иными словами, существует единственный непрерывный поток сознания. В нем неразрывно переплетены две интенциональности, которые с необходимо-

стью сосуществуют. Благодаря одной из них конституируется имманентное объективное время, в котором имеют место длительность и изменение того, что длится. В другой — квази-временное размещение фаз потока, который с необходимостью имеет текучую Теперь-точку, фазу актуальности, и серии до-актуальных и после-актуальных фаз — это до-феноменальная и до-эмпирическая временность. Она интенционально конституируется как форма темпорально-конститутивного сознания, при чем в этом же сознании — «поток имманентного темпорально конституирующего сознания не только есть, но устроен таким удивительным и все же понятным образом, что в нем необходимо должна существовать самоявленность потока, и отсюда сам поток должен быть постижим с необходимостью в протекании. Самоявленность потока не требует второго потока, но как феномен он конституируется в себе самом» [Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль. — М.: Гнозис, 1994. — С. 88].

Подводя итоги, заметим: в философии Э. Гуссерля время рассматривается в соотношении с сознанием. Определяющую роль тут играют проблемы осознания времени и временности сознания. При этом вопрос о том, как мы осознаем время, перерастает в вопрос о темпоральности сознания. Темпоральный поток является наиболее глубоким слоем последнего.

Зинченко В.В.,
д-р. филос. наук, профессор
Украинского гуманитарного института,
зав. отделом глобалистики и геополитики
Центра европейских исследований

ОНТОЛОГИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИЧНОСТИ И ТЕМПОРАЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В НЕОМАРКСИЗМЕ

Традиционный неомарксизм рассматривается, прежде всего, в качестве социального учения. И действительно, позаимствовав у марксизма его практическое начало, неомарксизм акцентирован на действующий, исторический подход к человеку и его деятельности. Но неомарксизм не является ни в коей мере лишь критической теорией общества. Прежде всего, *это историческая онтология человека* во времени и социуме. Во всех направлениях неомарксизма человек — не пассивный объект гипостазирующего развертывания Бытия. Человек является активным создателем истории, ее основ-

ным фактором. Именно благодаря такой сущности как человек, развитие общества получает возможность *исторически-темпорального развертывания в бытии*. В неомарксизме наблюдается стремление постигнуть бытие как начальную нерасчлененную целостность субъекта и объекта, постулирования свободы и защиту человека от возможного манипулирования, негативное отношение к пассивно-наблюдательному восприятию жизни. История предстает тем полем, на котором происходит субъект-объектная встреча, нахождение человеком собственной сущности, преодоление отчуждения. Классики онтологического неомарксизма (Г.Маркузе, Е.Блох, Д.Лукач) указывают на то, что именно Гегель заложил основы онтологии и историзма неомарксистской историко-темпоральной теории и, соответственно, неомарксизма. Маркс в своем методе, в анализе исторического и общественного развития выходит из последовательного использования гегелевской категории тотальности, наиболее полно выраженной в «Феноменологии духа». В неомарксистской онтологии существует стремление преодоления дуализма бытия и сознания, материального и идеального. Фактически в сфере онтологии разные направления неомарксизма постулируют идентичность субъекта и объекта, сознания и действительности. Все, что есть в мире, является одним целым, тотальностью, которой в неомарксизме придается большое методологическое и онтологическое значение. Структурная особенность и внутренний смысл гегелевской диалектики является и основой, и, в первую очередь, концептуальным полем, на котором действует неомарксизм. Диалектика рассматривает события истории в их связях, в их имманентном, противоречивом духе. В догегелевской онтологии господствовало положение об изначальной дуальности субъективности и объективности. И связанный с этим подход о первичности субъективности привел к тому, что историчность как способ бытия субъективности или вообще не рассматривалась, или определялась с помощью противопоставления способу бытия объективности. Гегель вместо трансцендентального сознания ставит в центр основы развития *полное бытие жизни (Das Volle Sein des Lebens)*. Он не оперирует абстрактным Я как субъектом переживаний, а отмечает, что любые индивидуальные переживания и действия невозможны без соотношения и взаимосвязи с аналогичными у человечества как такового — то есть, они всегда имеют в своей основе историчность. «Гегелевская онтология является основой и фундаментом для традиции, в которой движется вопрошание об историчности» [[Marcuse H. Hegels Ontologie und die Grundlegung einer Theorie der Geschichtlichkeit. Habilitationsschrift / H. Marcuse. — Frankfurt.a.M.: EA Frankfurt, Klostermann, 1932 (S.Auflage, 1968). — S. 2].

Понятие «Бытие» в неомарксистских онтологических построениях никогда не используется в смысле «*бытие как таковое*». Хотя терминологически «*бытие как таковое*», «*чистое бытие*» и т.п. достаточно часто вспоминается в классической для неомарксистской онтологии работе Г.Маркузе «Гегелевская онтология и основы теории историчности», характеристикой и сущностью бытия всегда есть понимание его как **Gewordensein**, то есть, *бытия в его становлении*. Бытие есть *подвижностью (Bewegtheit)*. Историчность есть то, что определяет историю именно как историю, есть смыслом того, что «есть», то есть, бытия. Неомарксизм выходит из концепции Гегеля, что субъект-объектное отношение не является их взаимоотношением и противопоставлением друг другу. Для понимания мира человек должен его постигнуть (Sich aneignen). Это достигается благодаря активному творчеству человека. Субъект и объект пребывают в неразрывной связи, мир становится реальностью для человека лишь во время деятельно-предметного отношения к нему. В историко-философском плане классики неомарксизма — Д.Лукач, Г.Маркузе, Е.Блох — указывают, что основой исследования является целое («тотальность»), пытаюсь вывести его из некой единой основы. Диалектическая точка зрения на тотальность допускает выявление всех отношений и опосредствованностей бытия. Маркузе в своей основополагающей онтологической работе «Бытийное понятие человека в его историчности как исходная основа гегелевской онтологии» обращает внимание на гегелевскую категорию «жизни» в качестве понятной жизни (*φως*), которая основана на субъективном самосознании историко-темпоральным саморазвитии человека в бытии. Это то, что владеет памятью о прошлом, является *праксисом* современного и стремится к созданию бытия в будущем. Ни природа, ни общественное бытие сами по себе не являются историческими и темпоральными, но включаются в них как объекты человеческой мысли и деятельности. Маркузе отмечает, что центральным понятием, из которого возникает проблематика историчности, является бытийное понятие жизни. В связи с использованием понятия «жизнь» Маркузе характеризует этот экзистенциал: «историческое единство человека и мира, сознания и бытия» [Marcuse H. Das Problem der geschichtlichen Wirklichkeit: Wilhelm Dilthey / H. Marcuse // Die Gesellschaft. — 1931. — Bd. VIII, H. 4. — S. 367]. Смысл бытия определяется изначально единством противоположностей «**субъективности**» (*бытия-для-себя*, сознания) и **объективности** (*бытия-в-себе*, предметного бытия). Поэтому «*подвижность бытия*», в которой разворачиваются разные сферы сущего как ее способы, является основной характеристикой бытия. «В историчности жизни объединяются субъективность ра-

зума с объективностью его действия, объединяются идеализм мышления с реальностью его исторического бытия» [Marcuse H. Hegels Ontologie und die Grundlegung einer Theorie der Geschichtlichkeit. Habilitationsschrift / H. Marcuse. — Frankfurt.a.M.: EA Frankfurt, Klostermann, 1932 (S.Auflage, 1968). — S. 229].

Историческое становление имеет характер тотальности: с осуществлением самосознания мир приходит в свою действительность. То есть, в бытийном присутствии мир получает возможность действительного существования, которое осуществляется в истории. Опосредствованно все сферы сущего собраны в историческом становлении. История, историчность для неомарксистов является универсальным принципом развития бытия, которое не абстрактно, оно всегда конкретно-предметно в своей историчности. Диалектика является методом целостного, критичного, историчного мышления. В исследовании истории неомарксизм исходит не из первичности идеи или совокупности идей, а из реального человека, условий ее жизни и конкретной деятельности (практики). Те условия, в которых существует и развивается человек, социальный строй, обусловленный ими, детерминируют самого человека, его стремления. По мере развития, отхода от естественной обусловленности и необходимости, человек становится творцом собственной истории. Благодаря работе («Work»), творению («Sache Selbst») в жизнь человека входит сфера Разума, творческого поступка — «дела» (Tun). «Дело» является живым единством знания и поступка, причем под знанием подразумевается сознание [Marcuse H. Hegels Ontologie und die Grundlegung einer Theorie der Geschichtlichkeit. Habilitationsschrift / H. Marcuse. — Frankfurt.a.M.: EA Frankfurt, Klostermann, 1932 (S.Auflage, 1968). — S. 298]. Человек сущностно меняется в ходе истории, он является продукт истории, то есть, творением самого себя. История — процесс самореализации человека. Настоящим историко-темпоральным самовыражением, самореализацией является развитие действительных человеческих потребностей.

**Илляхова М.В.,
канд. филос. наук,
ст. преподаватель**

Киевского экономического института менеджмента

ХАРАКТЕРИСТИКА СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

Основная тематика социального времени касается социально-философской проблематики: внутренняя темпоральная структура,

которая детерминирована «Я», и внешняя — детерминирована обществом; замкнутый повторяющийся цикл и открытая перспектива исторического; повседневная рутина и яркие нетривиальные события; взаимоупорядочивание настоящего, прошлого и будущего. Таким образом, речь идет про некоторую систему координат, а которой существует социальная реальность и с которой необходимо соотносить любое исследование. Эта временная в своем единстве система координат задается не статичными элементами, а установлением инвариантных отношений между разными временными параметрами. Соответственно, необходимо раскрыть инвариантные характеристики социального времени, которые проявляются в его структурных измерениях.

Внутренняя темпоральность является трансцендентальным условием, благодаря которому предметы приобретают значения. То есть, время является трансцендентально-символическим фактором конституирования сущности, которая воспринимается, а сознание конституирует время «внутри себя». Таким образом, время как принцип реализации «Я» в мире имеет содержательный характер. Внутреннее сознание времени конституирует единство «Я» и мира не только в чистых актах, но и в жизненных структурах. Жизненный мир субъективный, но обусловлен не только одним субъектом, а и другими феноменами этого мира, то есть жизненный мир обусловлен социально. Соответственно, внутреннее сознание времени, в сфере познания, является субъективным измерением социального времени и определяется нами как социально-субъективное время.

Акцентируя на историчности человека, М. Хайдеггер показывает, что внутренним условием возможности историчности, как временного модуса бытия, является не что иное, как временность человеческого существования. Оно может иметь свою историю лишь постольку, поскольку оно конституируется самой историчностью бытия. Лишь благодаря тому, что человек осознает свою конечность, его существование всегда уже ориентировано на будущее, на раскрытие своих собственных возможностей. Только, исходя из собственной конечности, человек способен охватить мир в его целостности, учитывая историческую взаимообусловленность бытия и человека.

Таким образом, на основе экзистенциальной будущности человеческого существования раскрывается онтологическая структура историчности и тематизируется проблема единства времени, как понимая в контексте культурно-исторического бытия человека. Такая процедура происходит благодаря осознанию человеком собственной исторической ситуации, в которой истолкование определенных смысловых образований раскрывает бытие человека в его

исторических, соответственно временных горизонтах. Установлено, что вторым структурным измерением социального времени есть объективно-историческое, которое раскрывается как историчность мира.

Жизненный мир есть интересубъективным и имеет прагматический характер. Он данный нашему переживанию и интерпретации, где любая интерпретация основана на запасе предыдущих переживаний — как наших собственных, так и тех, которые переданы нашими предшественниками, — и этот запас в форме знания функционирует в качестве схемы соотношения. Еще наши действия модифицируют этот мир также, как и он наши действия. Естественно, что такая взаимообусловленность имеет временную структуру.

Важно подчеркнуть, что порядки действительности конституируются не через возможную онтологическую структуру их объектов, а через смысл нашего опыта. Так, можно вести речь про замкнутые смысловые сферы, каждой из которых мы можем дать акцент реальности. Значит, замкнутая смысловая сфера состоит из единичных опытов, смыслы которых соответствуют друг другу. Иначе говоря, все единичные опыты, которые относятся к одной замкнутой смысловой сфере, проявляют особенный стиль переживания, в котором они согласовываются между собой и соответствуют друг другу.

Структура времени базируется на перекрещении субъективного времени потока сознания, или внутренней длительности с ритмичной телом «биологическим временем» вообще, с временами года как мирового времени и календарем. Люди живут во всех измерениях одновременно. Но поскольку, нет абсолютной одновременности между событиями в этих измерениях, на людей наложено ожидание как непереносимое последствие такой неодновременности. Поток сознания течет независимо от последовательности природных событий, окончание которых человек обязан ожидать. В ожидании мы встречаемся с наложенной на нас структурой времени. Но на людей наложена не только неодновременность разных измерений времени, субъективным коррелятом которого есть ожидание, а и объективная структура одновременности и последовательности, которая находится за пределами влияния человека. Сама возможность совершить определенное количество планов, начать действия является очень ограниченной временем. Человек может одновременно делать только что-то одно, он должен включаться в наложенную на него последовательность событий во внешнем мире. Он должен проектировать не только свои действия, выбирать между альтернатив в иерархии ценностей, но кроме этого еще и разраба-

тывать временную последовательность своих действий по мере их срочной необходимости.

Таким образом, раскрыто три аспекта времени жизненного мира: дальнейшая длительность, необходимость и историчность. Конечность, необходимость и историческая ситуация являются неизменными, навязанными элементами присутствия в жизненном мире. Внутри навязанной структуры, неизменных границ человеческого опыта и деятельности, человек совершает усилия, сопротивляется, действует. Неизменные границы, по отношению к которым человек почти не рефлектирует в естественной установке, поскольку в повседневных событиях для этого вообще нет никакого мотива, является для него непроблематичной, понятной основой его поступков.

Установлено, что наши действия происходят на перекрещении субъективного и мирового (исторического) времени. Благодаря такому перекрещению наша социальная жизнь воспринимается как интегрированное единство измерений времени, которое объединяет не только все индивидуальные временные перспективы, но и является для всех общей. Так мы раскрыли третье структурное измерение времени — интересубъективность. Таким образом, инвариантные характеристики социального времени проявляются в таких его структурных измерениях: субъективное измерение социального времени раскрывается в переживании времени внутренней протяженности, объективно-историческое измерение социального времени — как историчность мира и интересубъективное измерение социального времени реализуется в совместной деятельности, общности ценностей и целее в процессе смыслотворчества. Таким образом, горизонты наших памяти, восприятия и планов, преломляясь через историчность и интересубъективность, задают наш способ участия в социальных событиях.

*Карповец М.В.,
аспирант Национального университета
«Киево-Могилянская академия»,
преподаватель Национального университета
«Острожская академия»*

ВРЕМЯ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Город является достаточно сложным феноменом культуры, который представляет собой как вторичную реальность к миру при-

роды, так и первичную реальность к миру человека. В целом, город ассоциируется с интенсивной скоростью жизни и, по меткому выражению А. Гуревича, «характерным символом индустриального, а особенно постиндустриального мира могли бы стать часы с секундной стрелкой, что неустанно бежит по кругу» [Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. — М.: Искусство, 1984. — С. 103]. Осмысление времени городской культуры является собой важный шаг в гуманитарных студиях, что позволяет уравновесить другой аспект рефлексии относительно города — анализ пространства. Конечно, разделения времени от пространства кажется искусственным методом, однако это дает возможность структурно и системно показать, каким образом время как продукт и категория культуры «программирует» ритм бытия города. Поэтому когда речь идет о времени города, непременно нужно иметь в виду, что кроме физического времени понимается еще и время культуры.

Время культуры — важный аспект модели мира, характеристика существования, ритма, темпа, последовательности и координации изменения состояний культуры в целом и отдельных ее элементов, а также их смысловой важности для человека. Существуют как *субъективные* формы восприятия времени, так и *объективное* представление с помощью различных образных, словесно-знаковых, символических и понятийных средств описания временных характеристик бытия. Однако субъективное восприятие времени и объективное представление о нем тесно взаимосвязаны, что проявляется не только в объективации субъективных образов, но и в воздействии важных для определенной культуры теорий о сущности времени и их восприятия людьми, принадлежащими к этой культуре.

Актуализируя стратегии человеческого бытия, город постулирует себя как мир в целостной сфере характерных ритуалов, традиций, топосов, сакрального и профанного, ценностей и смыслов. Однако этот мир существует во взаимодействии с субъектом, который является создателем как «городского пейзажа», так и самого себя. Праобразом временной организации городской жизни было формирование ранних представлений о времени в палеолите. Переход от первобытного племени до первой формы человеческой общности (прегорода) нуждался в замене биологических связей на надбиологические. Эта искусственная, культурная замена требовала больших человеческих усилий, которые были направлены на создание единого времени, переживание в котором для «архаического человека означало жить в едином ритме» [Emerson T.E. *Archaic Societies: Diversity and Complexity Across the Midcontinent* /

Т.Е. Emerson. — NY: State University of New York Press, 2009. — P. 4]. Первые ритуалы должны были «создавать и поддерживать единый ритм организованного времени» [Леві-Строс К. Первісне мислення / К. Леві-Строс. — К.: Український центр духовної культури, 2000 — С. 7]. Смысл этого заключался в подготовке к будущим действиям за пределами ритуала в обыденной жизни, так и путем наработки конкретных навыков. На этой основе формируется образ циклического времени, в котором нет движения «вперед», к чему «нового». Как отмечает Кшиштоф Помян, «идея, или образ времени, выраженная различными календарями, везде одинакова: это идея времени, что движется по кругу» [« [Помян К. Порядок часу / К. Помян. — К.: Український Центр духовної культури, 2008. — С. 4]. Как следствие, осуществляется циклическая организация пространства в виде круга, особенно для жертвоприношений. Происходит повторение того, что уже было, «нет четкого различия между прошлым, настоящим и будущим, которые слиты в конкретном опыте человека» [Анисимов А.М. Типы существования / А.М. Анисимов // Вопросы философии. — 2001. — № 7. — С. 103].

Динамика времени современного мегаполиса настолько отличается от первобытных поселений, что житель деревни или городка, что переехал в город, тяжело привыкает к его темпу. Более того, характер привыкание субъекта к времени городской жизни предполагает экзистенциальное реконструирование своего внутреннего мира в соответствии с заданными условиями внешнего мира, которые далеко не соответствуют тем ритуалам, к которым привык человек. Происходит столкновение внутреннего ощущения времени субъекта и культурного времени города, смещение масштабов и границ своего бытия, вследствие чего формулируется особое смысловое задание человека: привлечение к коллективному формированию мира города в его временном и пространственном взаимодействии.

Культурная реальность города имеет не только свою пространственную закрытость, которая географически и символически представлена стенами города, но также и временную закрытость, сущность которой проявляется в повторяемости событий, что оформляются в обыденную культуру. Анри Лефевр считал обыденность главным углом зрения, под которым следует понимать город. Он полемизировал с той традицией осмысления обыденности, которая сложилась в европейской философии во второй половине XIX — нач. XX в. (С. Кьеркегор, Ф. Ницше, Г. Зиммель, М. Шелер, позже М. Хайдеггер и Ж.-П. Сартр). Находясь под влиянием Хайдеггера, Лефевр все же возражает против тезиса о неподлинности повседневности. Время обыденности города — одновре-

менно кумулятивно и некумулятивно, прерывно и непрерывное. Кумулятивность в нем связана с «пронизанностью повседневности языком, который историзирует опыт и включает людей в процессы труда и потребления, что оборачивается реификацией и отчуждением» [Lefebvre H. *Everyday Life in Modern World* / H. Lefebvre. — New Brunswick: Transaction Publishers, 1990. — P. 324]. Однако творческие проявления телесности («жизнь без теорий», как выражается Лефевр) могут сломать эту печальную ситуацию. Погружены в повседневность тела, не только опосредствуют взаимодействие практик и репрезентаций, но и могут изменить отчуждения человека в городе. Главный вектор этих положительных сдвигов — расширение спектра желаний, которые в городах можно удовлетворить так, чтобы их населяли не только работники, но и не чуждые разнообразных страстей субъекты. В целом, «...деятельность как живой процесс опосредования может протекать, когда есть незримое человеческое пространство, где стремление и потенции могут осуществляться. Именно незримые пространственные перспективы открывают деятельности ее возможности» [Козловский В.П. *Пространство и время культуры: деятельность, бытие, телесность* / В.П. Козловский // *Бытие человека в культуре (опыт онтологического подхода)*. — К.: Наукова думка, 1991. — С. 66].

Временная организация города формирует не только разные телесные практики (равно как и тело формирует урбанистический ландшафт), а также духовные и ценностные ориентиры, касающиеся памяти городского бытия. Действительно, «чувственность человека формируется географией, точнее топографией города» [Марков Б.В. *Культура повседневности* / Б.В. Марков. — СПб.: Питер, 2008. — С. 139], но она также формируется и ритмографией. Чем быстрее и интенсивнее происходит жизнь человека в городе, тем больше вероятность постоянных стрессов и психических расстройств. Человек не только духовно, но и телесно не успевает за быстрым изменением реклам, витрин и человеческих фигур. Вполне уместно вспомнить Георга Зиммеля, который писал, что «психологическая основа, на которой выступает индивидуальность большого города, — это *повышенная нервность жизни*, происходящая от быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений» [Зиммель Г. *Великі міста і духовне життя* / Г. Зиммель // *І*. — 2003. — № 29. — Режим доступа: <http://www.ji.lviv.ua/n29texts/zimmel>]. К примеру, Пол Остер таким образом иллюстрирует «нервный» ритм бытия человека в большом городе: «Нью-Йорк для него был неисчерпаемым пространством, нескончаемым лабиринтом, и, как бы далеко он не заходил, как бы хорошо не знал расположение кварталов и улиц, его не покидало ощущение, что он за-

блудился. Причем не только в городе, но и в самом себе (...) Мир располагался вне его, вокруг него, перед ним, и скорость, с которой этот мир менялся, не позволяла ему сосредоточить внимание на чем-то в отдельности» [Emerson T.E. *Archaic Societies: Diversity and Complexity Across the Midcontinent* / T.E. Emerson. — NY: State University of New York Press, 2009. — P. 8].

Таким образом, время городской культуры играет не менее важную роль в развертывании человеческого бытия, чем пространство. Однако время в отличие от пространства менее ощутимо и местами его очень сложно рационализировать. Поэтому человек постоянно руководствуется метафорами, символами и образами, которые обуславливают специфический характер городской реальности как измерения культуры. Исследователь в таком случае должен быть сознательным, что, несмотря на эфемерность времени города для осмысления, оно постоянно «сгущается» в текстах городской культуры — прогулке, картах, витринах, рекламе и наших домах.

Кемалова Л.И.,
канд. филос. наук, член-корр.
Крымской Академии наук,
доцент, зав. кафедрой
социально-гуманитарных дисциплин
Керченского экономико-гуманитарного института
Таврического национального университета
им. В.И. Вернадского

ПАРАДОКСЫ ВРЕМЕНИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Актуальность изучения проблемы времени объясняется, прежде всего, тем, что время относится к числу важнейших философских категорий. Помимо этого, время имеет особый статус в жизни каждого из нас, поскольку осмысление времени есть осмысление бытия человека. И, наконец, интерес ко времени особенно возрастает в переломные для истории человечества эпохи при завершении определенного этапа в развитии. Наша эпоха, вне сомнения, является таковой. Ее справедливо называют эпохой информационного общества, поскольку объём и значение информации в нём существенно возрастают, что приводит к децентрализации и дестандартизации, информация становится основанием и непременным условием

любого взаимодействия. А. Тоффлер определяет информационное общество как общество, в котором фактор знания и сфера знания играют определяющую роль в общественном развитии [Toffler A. Powershift / A. Toffler. — New York: Bantam Press, 1990. — P. 264]. Информация становится главным действующим звеном в цепи социальных взаимосвязей. Это существенно изменяет временные характеристики социальных процессов.

В информационном обществе изменяется такое качество социального времени как иерархичность, поскольку человек живёт сразу в нескольких временных плоскостях, постоянно выбирая одну из них в качестве первичной. Иерархизация разных пластов социального времени — центральная черта человеческой жизни. Распределение времени человека, предсказуемость его поведения тесно связаны друг с другом. Без организации социального времени и выбора одной из плоскостей в качестве предпочтительной в данный момент невозможно планировать деятельность.

Сегодня работа с компьютером позволяет подключаться к банку данных, не выходя из собственной квартиры в любое удобное время суток; по-своему планировать свой рабочий день; экономить время жизни на перемещениях в пространстве и т. д. А это значит, что в информационном обществе создаются условия для большей независимости личного времени от времени общества.

В информационном обществе традиционно социальное время рассматривается как ценность: время ни в коем случае не следует терять; создаются стратегии планирования и организации времени: современное общество ориентировано во времени, настроено на развитие и долговременное планирование; социальные концепции времени характеризуются представлениями о среднем и длительном временном горизонте. Понятия прогресса и проекты будущего — главные в этом аспекте социального времени. Будущее, а не прошлое определяет временной горизонт современных обществ. В восприятии времени в современном обществе происходят существенные изменения: люди всё больше стараются наслаждаться настоящим. Время меньше определяется в терминах его использования, качество межличностных отношений становится более важным критерием подхода ко времени.

Можно выделить следующие *парадоксы* времени информационного общества: из-за противоречия между доступностью и закрытостью информации происходит замена действительного времени иллюзорным; возможность творчества, с одной стороны, и навязывание стереотипов мышления и поведения через компьютерные программы, с другой стороны, влечёт за собой подчинение ритмам общества в ущерб индивидуализации времени.

В информационном обществе возникают и другие временные парадоксы. Так, скорость передачи информации на первый взгляд сокращает время коммуникации. Но с другой стороны, доступность и богатство информации расширяют время человека, вписывающего новую информацию в свой духовный мир. Еще парадокс: воспринимая новую информацию и делая её достоянием своего внутреннего «я», индивид уверен, что информацию переработал именно он; с другой стороны, использование механизмов психологического восприятия делает человека объектом манипулирования со стороны собственников и производителей программных продуктов [Штомпель Л.А. Смыслы времени / Л.А. Штомпель. — Ростов на Дону, 2001. — С. 114].

Кроме перечисленных парадоксов времени информационного общества выделяется ряд особенностей, характеризующих время: однонаправленность времени превращается в разнонаправленность; центральной чертой человеческой жизни становится иерархичность времени и необходимость постоянного выбора между временными плоскостями; акцентируется внимание на личном времени, которое делается всё более независимым от времени общества.

Таким образом, информационное общество отличается повышенной чувствительностью ко времени, тем, что О.Т оффлер называл «супертемпоральностью».

*Кожемякина О.Н.,
канд. филос. наук,
доцент Черкасского государственного
технологического университета*

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ВРЕМЕНИ В ИЗМЕРЕНИЯХ ДОВЕРИЯ

Современность, определенная в терминах тотального кризиса, динамичности, взаимозависимости, неудержимости, нуждается в исследовании темпоральных измерений социального бытия. Общая ситуация «дефицита сочувствия», кризиса ответственности, массовизации общества особенно актуализирует проблему доверия как процесс динамического формирования хрупкой сети доверительного отношения человека к миру в целом, к другим, к себе. Экзистен-

циальный контекст времени, рассмотренный с точки зрения проблемы сосуществования с Другим, созависимости и взаимответственности, предопределяет обращение к анализу темпоральности не с точки зрения сопоставления с вечностью, а с позиций становления, формирования, переживания, субъективности, интерсубъективности. Ключевым во временном измерении доверия является модус выбора и формирования ожиданий (прошлое), модус переживания ожидания (настоящее), модус реализации — в виде оправдания или неоправдания доверия (будущее). Но специфическая антропология доверия определяет акцентирование на постоянной направленности в будущее, сохраняя при этом смысловую зависимость прошлого, настоящего и будущего. Доверие пронизывает все уровни социального взаимодействия, отражая как межличностные контакты, так и институциональные. Доверие связано с риском, ему не хватает абсолютной надежности и окончательной уверенности, что обусловлено как непредсказуемостью и неподконтрольностью наполненного неожиданными динамичного современного социума, так и окончательной недостижимостью сущности человека.

Доверие, базированное на принципе предоставления предпочтения, отражает отношения между Я и Другим, а точнее то, какими эти отношения могут быть в соответствии с ожиданиями, происходит ценностно-смысловое конструирование будущих действий Другого, полагание на его волю, ориентация на его добродетели (ответственность, честность, компетентность). Доверие, проверенное временем, является наилучшим подтверждением позитивного опыта оптимального социального взаимодействия.

Экзистенциальный контекст времени актуализирует проблему вынужденного доверия как проблему зависимости, беспокойства, одиночества, разочарования, кризиса идентичности. Необходимость доверия определена самой спецификой человеческого существования, доверие является ключевым экзистенциалом бытия, существовать (по М. Хайдеггеру) значит быть доверчиво близким с кем-то, довериться кому-то, быть присутствующим в сосуществовании с другими. Согласно концепции Э. Эирксона, доверие является первым положительным результатом психосоциального кризиса. На грани первого года человеческой жизни формируется или чувство базального доверия, которое в последующей жизни является онотогенетическим источником силы, или же чувство базального недоверия, которое приводит к недостаточной адаптации, ощущению незащищенности и настороженности. Причем акцентируется внимание не только на аспекте доверия ребенка к миру и другим людям, но и на специфике формирования доверия к себе, что отображает возможность ребенка без чувства тревоги опреде-

ленное время находиться без материнского внимания [Хьелл Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. — СПб.: Питер, 2003. — С. 221—222]. Фактически, с доверия начинается время отсчета социального опыта человека, определенного спецификой ответа окружающей среды на ключевые потребности человека, дилемма доверие — недоверие будет сопровождать человека на каждой стадии развития, а адекватное разрешение кризиса доверия будет способствовать оптимальному переживанию состояния фрустрации.

Экзистенциальное измерение доверия концентрируется вокруг проблемы решения кризиса доверия, поиска путей преодоления одиночества и отчуждения. Попытку преодоления одиночества в контексте формирования отношений с Другим осуществляет Э. Левинас. Его феноменология Другого, базированная на признании принципиального отличия Другого и непредопределенности специфики формирования отношений с Другим. Именно инаковость Другого, его удаленность и пребывание вовне (относительно Я) и являются теми качествами, которые определяют темпоральность, время образуется связью с Другим, а диалектика времени и есть диалектика связи с Другим, то есть диалогом, изучать который необходимо не в терминах одинокого субъекта [Левинас Э. От существования к существующему / Эммануэль Левинас // Избранное: тотальность и бесконечное / Эммануэль Левинас; [пер. с франц.] — М.; СПб.: Университетская книга, 2000. — С. 59].

Одной из важнейших категорий гуманистической феноменологии Другого Э. Левинаса есть категория ответственности, под которой понимается призвание человека в бытии, способ обнаружения высшей реальности, быть «Я» значит не иметь возможности уклониться от ответственности, что и определяет уникальность человека — никто не может вместо меня осуществить ответственность, которая превышает свободу. Такая направленность отражает отождествление Я и нравственности, причем этика в понимании Э. Левинаса является первичной относительно культуры. Ответственность рождается вместе с субъективностью субъекта как его первое привлечение, мера качества человека определяется не его возможностями, а его ответственным отношением к Другому, согласием с ним, обязательствами перед ним. Пространство между Я и Другим является бездной, но все же это бездна не-безразличной-ответственности, определение значений, которые не сводятся к систематизации, это неразрозненность самой близости к ближнему, что и образует общность между людьми [Левинас Э. Гуманизм другого человека / Эммануэль Левинас // Избранное: трудная свобода / Эммануэль Левинас; [пер. с франц.]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. — С. 594]. Таким обра-

зом, именно в ответственности происходит открытие Другого, а отношения прошлого, настоящего и будущего возможно лишь в пределах ответственности. Происходит осмысление Других с позиции времени, выстраивается своеобразная перспектива Другого во временном осуществлении. Будущее возможно лишь в сосуществовании с Другими, Другие создают время, ситуация бытия во времени — в отношениях между людьми, в интересубъективной связи [Левинас Е. Время и другой: гуманизм другого человека / Эммануэль Левинас; [пер. с франц.]. — СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. — С. 80].

Следуя традиции Э. Левинаса, можем определить доверие как темпоральность, оформленную в ожидание от-меня-к-Другому ответственной реализации от-Другого-ко-мне. Доверие в экзистенциальном контексте времени проявляется как перспектива переживания взаимозависимого-бытия и подтверждения взаимноответственного-бытия, отражая уравновешенную взаимность, синхронизацию интересов и совмещение горизонтов жизненного мира.

Мельник О.А.,
канд. психол. наук,
научный сотрудник Института социальной
и политической психологии НАПН Украины, г. Киев

ПРОБЛЕМНАЯ МНОГОАСПЕКТНОСТЬ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВРЕМЕНИ И ЕГО ПЕРЕЖИВАНИИ

Проблема представлений о времени является актуальной проблемой не только на данный момент. Она притягивала к себе внимание людей на протяжении всей истории существования человечества. Такие вопросы как: что такое время? существует ли оно объективно? возникают и на сегодняшний день. На подобного рода вопросы пытались и пытаются найти ответ. Одни исследователи считают, что время как объект не существует, другие, в свою очередь считают, что время находится вне субъекта, в виде протекаемых изменений внешнего мира. Существует и такая точка зрения, что время представляет собой понятие, которое подобно ценности момента связано с восприятием только при помощи процессов умозаключения.

Представляется возможным различать следующие понятия о времени:

4. Знание времени. Оно относится к объективному времени и способности оценивать — верно или неверно — интервалы времени. Оно относится также к истинным, ложным или иллюзорным представлениям о природе времени.

5. Переживание времени. Субъективное переживание времени — это не оценка отдельного, определенного промежутка времени, а полное осознание времени, по отношению к которому способность оценивать временной промежуток является лишь одной из множества характеристик.

6. Отношение ко времени. Каждый человек должен каким-то образом выражать свое отношение к фундаментальному временному фактору. Мы умеем или не умеем ждать и принимать решения; нам приходится выражать свое отношение ко времени в контексте общего осознания прошлой жизни и бытия в целом.

К трем упомянутым направлениям исследования следует добавить биологическую проблему, обусловленную временной природой жизни, в том числе психической жизни. Каждая жизнь имеет собственное, присущее только ей время; каждая жизнь протекает в определенном промежутке времени, в соответствии с определенной конфигурацией и периодичностью. Это жизненное время есть объективное, биологическое и качественно дифференцированное время. Время всегда играет роль в физиологических событиях (в качестве примера можно привести выброс гормонов, с которого начинается половое созревание). Время играет роль также во всех формах регуляции — не только в чисто химических формах, интенсивность которых варьирует в зависимости от температуры и других факторов, но и в таких формах, которые выказывают ритмическую организацию благодаря совместному действию стимулов, гармонически упорядоченных в своих временных взаимосвязях. Наконец, время неотделимо от того необычайного «внутреннего чувства времени», благодаря которому удается точно определять любой промежуток (например, во сне, если человек решил проснуться в определенный час, или после гипнотического внушения).

При обсуждении феноменов, связанных с переживанием времени, для нас существенны следующие моменты. Знание времени (и фактическая ориентация во времени) основывается на переживании времени, но не идентично переживанию времени как таковому. Переживание времени в качестве основы предполагает осознание константности бытия. Без этого невозможно осознание преходящего времени. Осознание преходящего времени — это переживание фундаментальной непрерывности. Переживание времени — это еще и переживание це-

ленаправленности, продвижения вперед, при котором осознание настоящего предстает как реальность между прошлым (памятью) и будущим (планом, заранее намеченной схемой дальнейших действий). Наконец, для нас реально переживание во времени того, что пребывает вне времени, то есть переживание бытия как вечного настоящего, трансцендентного всему становящемуся.

Из накопленных психологической наукой фактов следует, что психика человека существует в переживаемом времени и все психические процессы включают в себя его метрические и типологические особенности. Субъективно, переживаемое время течет. Про его протекание человек узнает из собственного опыта. В свою очередь структура временных особенностей человека определяется тем, что в его основе лежит реальная продолжительность, которая переживается. По мнению Б.И. Цуканова, она связана с ходом собственных (биологических) часов индивида и определяет особенности его отношения ко времени.

Существует мнение, в котором указывается на то, что человек не рождается с «чувством времени», его временные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит.

Если совершить исторический экскурс, то во времена существования Древней Руси до принятия христианства время представлялось как нечто данное человеку в его власть. Человек как бы являлся «владельцем времени». Время представлялось как бесконечное, бескрайнее, безграничное, не нуждающееся в контроле и слежении. С принятием христианства, его канонов представления о времени претерпевают существенные изменения. Время делится на земное и небесное. Земное время начинает восприниматься как нечто ограничивающее, бесследно уходящее, необратимое и требующее разумного распределения. Небесное время представляется как вечное, существующее всегда, бесконечное, неизменное.

Для современного человека характерно сознательное отношение ко времени. Человек легко оперирует понятиями о времени, без особых затруднений осознавая и отдаленное прошлое. Он способен предвидеть будущее, планировать свою деятельность и предопределять развитие науки, общества далеко вперед. Эта способность объясняется высокой степенью упорядоченности временных систем, которыми мы пользуемся. Теперешнее отношение ко времени характеризуется тем, что время гипостазировалось и овеществилось в человеческом сознании: время можно экономить, беречь или расходовать, его можно выигрывать и проигрывать, расточать. Со всей уверенностью можно утверждать, что современный человек — это торопящийся человек, его сознание ориентировано на категорию времени.

На нынешний момент, единого мнения относительно переживания времени в психологической науке не существует, и это скорее всего связано с разными подходами относительно определения понятия времени, его переживания и разными целями, которые ставятся перед исследователями.

**Нужный А.С.,
студент Киевского
экономического института менеджмента**

МОДЕЛЬ ВРЕМЕНИ ЗА ГРАНЬЮ СОЗНАНИЯ

Обычно Мы воспринимаем время как непрерывную линию событий, которые создают время и задают ему определенный ритм. Но тут люди скорее ведут речь о восприятии времени, чем о самом времени как таковом. Мы воспринимаем время как плоскость пространства, как поле, в котором растут и взаимосвязываются события, но, например, если в пустыне ничего не растёт, это не означает, что этой пустыни не существует. Таким образом, актуальным становится попытка анализа категорий времени, которое существует за границами человеческого восприятия.

Если человек чего-то не видит или не может осознать, это не означает, что этого нет. Эйнштейн считал, что если каким-то чудом все материальные вещи исчезнут, то и время, как элемент пространства, тоже перестанет существовать. В случае с восприятием времени людьми так и будет, так как исчезнут, в том числе и люди. Но при исчезновении материальных вещей время остаётся как элемент пространства. В таких условиях вместе с материальными вещами исчезает также восприятие времени, так как натуральное время никем и ничем воспринято быть не может, но оно остаётся в том пустом пространстве как шкала самого пространства. Примером тому может служить идеальный вакуум. Если взять сферу и создать в ней идеальный вакуум, время внутри сферы не может исчезнуть. Мы воспринимаем сферу так же во времени, ведь любая остановка и исчезновение также предполагает определенное течение времени. Так вот, внутри данной сферы, в вакууме, тоже существует время, но оно не может быть кем-то воспринято, так как там отсутствует материя. Таким образом, согласно такой модели, время существует помимо нашего восприятия. В такой сфере существует

время, так же как и пространство. Ведь вакуум начинается и заканчивается в определенных точках, то есть, как сфера существует в пространстве, так и пространство существует в середине сферы. На таком примере можно разобрать и бытие, то есть, если бытие и все материальные вещи исчезнут, то останется пространство, в котором всё существовало и время, которое определяется как элемент этого пространства.

Время и восприятие времени напрямую связано с пространством. В 1915г. Математик Г. Минковский сделал интересное открытие, которое связывает пространство и время как формы существования материи. Согласно Минковскому, мир четырехмерен в пространственно-временном смысле. Минковский подчеркивает: «Отныне пространство и время превращаются в обыкновенный мираж, и только их единство может претендовать на независимость». Пространство в свою очередь имеет свойство расширяться. Будь-то социальное, экономическое, космическое пространство или пространство как основа бытия, оно всегда находится в процессе расширения. Расширение пространства предполагает растягивание событий во времени. При этом и места между событиями, которое заполняется другими, возможно менее значимыми событиями, становится больше. Этот процесс и приводит к увеличению скорости восприятия времени. И для человека время становится более коротко. В свою очередь натуральное (внесознательное) время — это ось, которая имеет неизменные характеристики. Так как, если время бесконечно, то к нему нельзя что-то прибавить или что-то отнять. Ньютон определил, что «абсолютное, истинное или математическое время существует само по себе и в силу своей внутренней природы течет равномерно, безотносительно к чему-то внешнему и называется еще продолжительностью».

Согласно таких взглядов, рождается интересная арифметика: чем больше растягивается пространство при неизменной шкале времени, тем более насыщенным становится пространство и восприятие времени. То есть, если взять определенный отрезок времени, при котором происходит расширение пространства, то становится ясно, что этот отрезок времени ускорится в восприятии человека, так как насыщается событиями.

Расширение времени можно связать с такими понятиями как глобализация, технический прогресс, расширение вселенной и многое другое. В принципе, всё в нашем мире имеет свойство развиваться, расширяться и перерождаться. Именно время — это неизменная величина, которая имеет возможность систематизировать, регулировать и соотносить с собой бытие. Пространство и время находятся в единстве при условии борьбы. Натуральное время

обеспечивает существование бытия. Бытие обеспечивает восприятие человеком времени. Восприятие времени обеспечивает наши мнения, взгляды и понимание всех этих категорий.

**Полищук А.С.,
доцент Хмельницкой
гуманитарно-педагогической академии**

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ — ОБЩИЕ ФОРМЫ БЫТИЯ

Формирование понятия «материя» всегда сопровождалось осознанием проблемы определения общих способов и форм существования мира. Человек, пытаясь объяснить его характерные особенности, осознавал, что в мире все постоянно изменяется, превращается.

Мириады звёзд, которыми мы увлекаемся, созерцая их в ясную ночь, только кажутся нам неподвижными; в действительности они двигаются с огромными скоростями. Сегодня распространена гипотеза, что каждая звезда — это солнце с собственным «хороводом» планет. Вместе со своими спутниками планеты вращаются вокруг звезд, а звезды — вокруг своей оси и вращаются вместе со всей Галактикой вокруг её оси. В то же время наша Галактика движется относительно других галактик. Согласно последним научным космогоническим представлениям, Вселенная не является механизмом, в котором по чётко определённым орбитам двигаются его составляющие. Вселенная находится в непрерывном движении ко всё новым и новым состояниям собственного существования. В постоянном движении находится всё живое: ест, растёт, размножается, видоизменяется, погибает. В каждом живом организме происходят многочисленные внутренние изменения: пульсация энергий, информации, переработка вещества, усвоения продуктов питания, выделения шлаков и тому подобное. Всё находится в вечном изменении состояний существования, которое может происходить как в соответствии с определённой природой вещи, так и вопреки ей.

Следовательно, все предметы, которые окружают нас, имеют определённые размеры, протяжённость в разных направлениях, перемещаются друг относительно друга или вместе с Землёй относительно космических тел. Так и все объекты появляются и изменяются во времени. Пространство и время является общими формами

бытия всех материальных систем и процессов. Не существует объекта, который находился бы вне пространства и времени, как нет собственно пространства и времени вне материи, которая движется.

Пространство и время существуют объективно и независимо от сознания, но не от материи. Ярким примером этого является социальное развитие, под которым понимается такой тип изменений в обществе, который характеризуется переходом всех общественных отношений к качественно новому состоянию.

Понятием «время» характеризуют последовательность существования явлений, которые изменяют друг друга, отделенность разных этапов, длительность, темп, ритм процессов. Определяя эти понятия как формы отображения реальных свойств объективной действительности, нужно помнить, что они сформировались на основе общественно-исторической практики и познания и изменяют свое содержание в соответствии с изменениями в способах человеческого бытия.

Понятие «время», является формой отображения существующих объективно взаимодействий и взаимосвязей в мире. Только они отображают разные связи. Если пространственные связи между вещами определяются отношениями одной вещи ко второй через третью, то часовые связки — отношением последовательности изменений одной вещи к последовательности изменений второй через изменения третьей.

Адекватное употребление понятия «время» нуждается в решении проблемы выделения времени как формы существования мира и времени как формы отображения мира (понятие).

Полностью подходящее распространённое высказывание: «Время — общая форма существования мира». Оно указывает, что мир существует в форме последовательных изменений, которые взаимосвязано происходят одна после другой. Например, человек не может стать старым, если перед этим он не был рожденным и юным. Аналогично: глиняную вазу создают из глины, а не глину из вазы.

Понятие «абсолютное время», которым помечали, что время может существовать само по себе, на сегодня уступило место пониманию времени как свойства мира, который находится в процессе непрерывных изменений. Согласно такому пониманию время — это понятие о свойстве перехода изменений быть у взаимосвязи определенного следования.

Фундаментальное значение понятия «время» заключается в том, что без него никакое приведенное в порядок рассуждение невозможно. Да, натуральный ряд целых чисел складывается в последовательности: 1, 2, 3... Любое рассуждение (представление) опирает-

ся на определенное следование, то есть время. Однако не только рассуждение имеет свойство быть последовательным, повседневная практика, как известно каждому, также проходит в виде последовательных действий.

Практическое определение времени также осуществляется с помощью процедуры измерения. Например, измерение времени как определенного периода происходит через сравнение процессов. Например, если расстояние между двумя населенными пунктами турист начинает преодолевать одновременно с появлением Солнца на горизонте, а завершает одновременно с его закатом, тогда целиком подходяще говорят: «Турист прошел световой день». Для удобства зачастую пользуются отдельными стандартными процессами и явлениями, которые называют эталонами измерения, — минута, час, сутки, неделя, месяц, год и др. Особенность эталонов измерения времени сравнительно с измерениями пространства заключается в том, что как эталоны для сравнения процессов избираются завершённые изменения, которые имеют циклическую форму (начало и конец). Поэтому, считая минуты с помощью механических часов, мы определяем, сколько раз стрелка возвращалась к одному и тому же месту. Приведённые примеры применения понятия «время» через практическое его определение дают возможность увидеть, что часовые связи между процессами определяются отношением одного процесса ко второму через третий. Роль этого третьего выполняет определённый эталон измерения, с помощью которого мы обнаруживаем объективно существующие связи в мире.

Взаимосвязанность разных процессов может обнаруживать себя качественно отличительной в разных сферах бытия мира. Поэтому может идти речь об особенностях астрономического, физического, химического, биологического и социального времени.

Пространственно-временные особенности существования социального мира имеют ряд свойств, не присущих физическим, химическим и другим процессам.

Свою особенность имеет также социальное время, которое являет собой форму существования общественного бытия. Оно имеет свойства, которые характеризуют общество как качественно особенное образование. Среди них выделяют длительность, последовательность, ритмичность, темпоральность, относительно обратную сторону общественно-исторических событий, фактов, процессов. Сущность социального времени проявляется в деятельности человека, направленной на освоение природы и общества.

Рассмотрение пространства и времени даёт основания сделать такие выводы. Во-первых, пространство и время — это общие формы существования мира, ведь они характеризуют то, что свой-

ственно любому существованию в мире, включая и самого человека. Во-вторых, существование этих понятий обеспечивает способность человека осмыслено и упорядочено отображать изменения, которые происходят в мире независимо от сознания и органов чувств. В-третьих, понятие «пространство» и «время» взаимосвязаны между собой, они являются средством, с помощью которого человек отображает разнообразные свойства движения, изменений вообще, что происходит в мире. Без использования этих понятий у человека невозможно отношение к прошлому и будущему.

**Рыбак В.В.,
пенсионер**

ВРЕМЯ — ОСНОВА ОСНОВ ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ, НАУКИ И ПОЛИТИКИ

Новый научный подход к самопрограммированию человека в потоке его жизненного времени даст возможность формировать разумную и высокоморальную программу своего бытия и новых отношений в обществе.

Время жизни — это богатство даренное человеку природой, Богом или судьбой.

Время — это драгоценная монета, которой мы платим за миг счастья попасть в пространство своей мечты.

Прошлое и будущее — это наша иллюзия. Реальность жизни — это миг времени, когда мы есть свидетелями и участниками процесса перехода будущего в прошлое.

Жизнь — это движение в пространстве и во времени под влиянием работы. Любая работа имеет простую математическую формулу.

Время — это фундамент и основа для развития экономики и справедливого определения стоимости товаров, работ и услуг в условиях рыночной экономики.

Деньги — эквивалент, оценочная стоимость не товаров, работ и услуг, а стоимость человеческого времени использованного для создания товаров, работ и услуг.

Общество — это рынок где каждый из нас меняет, дарит, продает или покупает свое и чужое время через товары, работы и услуги по правилам которые часто меняются под влиянием философии,

идеологии, религии, науки, семьи, морали, культуры, средств массовой информации и т. д.

Жизнь — это движение в пространстве и времени под влиянии работы. Результаты всякой работы имеют простую математическую формулу в зависимости от троих составляющих, силы, пути и времени по формуле $R = P \times S / t$, что по сути есть уравнением с несколькими неизвестными для определения ожидаемых результатов.

Людам следует учитывать природную объективную реальность человеческой природы — это двойная мораль.

Человек в потоке жизни всегда будет участником войны двух классов. Класс тех, кто стремится декларировать и демонстрировать высокие моральные принципы в потоке своего жизненного времени (это сторонники образовано-мудрого и высокоморального класса) и их противники тех, кто декларирует, однако не демонстрирует или полностью игнорирует высокие моральные принципы (это сторонники людей криминального класса).

Сейчас современные достижения науки и техники создают условия для организации разумного пользования временем, которое дарится каждому человеку для его жизни на земле.

Светачева И.В.,
независимый исследователь,
сотрудник Института Ритмологии
Евдокии Марченко (ИрлЕМ)

ПОДХОД КО ВРЕМЕНИ КАК ВАЖНОМУ ЭВОЛЮЦИОННОМУ ФАКТОРУ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Актуальным на сегодняшний день изучение «времени» представляется не как изучение абстрактной категории в гуманитарных дисциплинах и не только физической переменной в точных науках, а как мощного, проявляющегося во всех сферах человеческой деятельности, системообразующего фактора, определяющего и направляющего эволюционное развитие человеческого сообщества.

О важности исследований времени в таком ракурсе говорят труды ряда современных ученых, деятелей науки и культуры. Изучение времени позволило ученым прийти к выводу, что объективность времени, содержащаяся в социальных действиях, неотделима

от его восприятия и концептуализации и это позволяет им утверждать, «что мало найдётся других показателей культуры, которые в такой же степени характеризовали бы её сущность, как понимание времени» [Штомпель Л.А. Собственность на временах / Л.А. Штомпель, О.М. Штомпель // Проблема времени в культуре, философии и науке. — С. 7—14].

Рассматривая отношение человечества ко времени как, определяющему уровень его культуры и самобытности фактору, представляется необходимым рассмотреть существующие на сегодняшний день в науке представления о времени как о деятельной субстанции, играющей важную роль в эволюционном развитии человечества. Деятельной в том смысле, что она непосредственно связана с человеком как существом обладающим разумом, с его мозговой деятельностью и благодаря такому союзу способна не только приводить в движение объекты и системы, но и давать начало различным психоэмоциональным и интеллектуальным состояниям человека и общества в целом. В переходе человечества от пассивно-созерцательного отношения ко времени к активно-познавательному этапу сознательной работы с ним заключается основной эволюционный скачок, начало которого можно наблюдать в данный период развития общества.

На сегодняшний день, на наш взгляд наиболее полно и системно тема времени, его прикладное значение и влияние на развитие общества и человека в частности представлена в работах Марченко Е.Д. В своих трудах Марченко Е.Д. не только раскрывает в полном объеме субстанциональную сущность времени, но и даёт методики работы со временем, описывает его свойства, виды. Большой объем публикаций знаний о времени, о способах взаимодействия с ним позволило их автору, Марченко Е.Д., создать область знаний о времени — Ритмологию, а совокупность собственных методик работы со временем как с субстанцией объединить в Метод 7 P0. Появление области знаний о времени планомерно ведет к изменению отношения человечества ко времени, а именно восприятию его как субстанции, с которой можно активно взаимодействовать. Это открывает перед человечеством большие возможности не только в росте уровня культуры, но и в восприятии себя в качестве сознательного участника эволюционного процесса.

Также прогрессивный подход к изучению времени имеют ряд современных философов, в частности Штомпель Л.А. и Штомпель О.М. Они более перспективным в значении развития человека рассматривают не пассивное, но активно-познавательное отношение человека ко времени: «Время больше не является неконтролируемым параметром общественного бытия, фатумом, господствующим

в жизнедеятельности людей, подобно року в «преднаучных» культурах, где человек ощущал своё бессилие в борьбе с судьбой... В современную эпоху выработана новая схема темпоральности, резко отличающаяся от концепций эсхатологического типа и модели времени, основанной на понятии «космоса», когда природа выступает исходной моделью для истории. Специфика новой модели времени состоит в том, что с её помощью субъект исторической деятельности получает возможность адекватно отразить объективное содержание интервала настоящего социального времени в перспективе будущего и контролировать возможные «миры» будущей практической деятельности на категориальном уровне.» [Штомпель Л.А. Собственность на время / Л.А. Штомпель, О.М. Штомпель // Проблема времени в культуре, философии и науке. — С. 7—14].

Последовательная смена состояний объекта протекает во времени и применительно к человеку представляет собой его жизнь. Управлять своими состояниями, регулировать их смену, последовательность возникновения, интенсивность проявления равно управлять собственной жизнью, её качеством, насыщенностью, осмысленностью и осознанностью. В свете рассматриваемого отношения ко времени практическое значение освоения метода 7P0 состоит в том, что «Ритмология даёт право коррекции любого события и любого состояния» [Марченко Е.Д. Из бесконечности в вечность и обратно. — СПб.: РАДАТС, 2009. — С. 20], описывает способ воздействия посредством так называемых временных субстанций, позволяющий человеку сознательно и целенаправленно не только менять свои состояния, улучшать их качество, определять последовательность, длительность, интенсивность, но и создавать их: «Она (Хладастeya) создала состояние, и состояние материи поменялось... Набор слов, набор букв, набор звуков, которые сливаются в единую вибрационную волну... Пошла вибрационная волна. Вся материя пришла в движение. Всё пространство становится активным... Каждая молекула, каждый атом, каждый кварк, каждая корпускула, каждая частица света пришла в активность» [Марченко Е.Д. Из бесконечности в вечность и обратно. — СПб.: РАДАТС, 2009. — С. 20]. Движение — это атрибут материи, связанный с любым изменением моментов объективной реальности. Изменение рассматривается как процесс, происходящий под воздействием времени как деятельной субстанции, и сейчас, благодаря новому подходу ко времени, у человека появилась возможность упорядочить этот процесс, осмыслить его и сделать осознанным.

Актуальность и значимость описываемого подхода к изучению времени заключается в том, что представлен способ перехода человека от жизни частично хаотичной (вследствие преобладания ин-

стинктивных проявлений в мотивах действий), цикличной, не вполне осмысливаемой с точки зрения причинно-следственных взаимосвязей, к осознанной, разумной и эффективной по использованию времени жизни.

**Соловьев В.С.,
канд. филос. наук,
независимый исследователь**

ПРОБЛЕМА ФИЗИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ ВРЕМЕНИ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

В докладе рассматривается философский аспект физической реальности времени. С этим связан ряд натурфилософских и методологических вопросов:

- Каким образом можно исследовать время путем наблюдения физических явлений и процессов?
- Какой должна быть система утверждений, в которых нуждается натурфилософская идеология исследования времени?
- Как влияют общие физические и естественные теории на методологию исследования времени?
- Является ли время субстанцией?
- Возможна ли общая физическая теория, которая не содержит понятия времени как независимого измерения?
- Возможна ли общая философская теория, которая не требует физической реальности времени?

7. В процессе исследования времени базовыми принципами являются **принцип физической причинности** и установления **меры времени**. Первый принцип — инструмент построения *системы последовательности событий* (как физических и космологических, так и социально-исторических), их корреляции; в сугубо философском аспекте принцип причинности является *фундаментом телеологии*. Этот принцип также предоставляет возможности *различать прошлое, настоящее и будущее* на качественном уровне. Второй принцип задает мерило исследований в той или иной области и предоставляет возможности устанавливать *иерархические взаимоотношения*.

8. Проведение исследований времени требует не только постулирования реальности времени как такового, но и утверждения о

текучности, элементарности (то есть, существования наименьшего интервала времени) а также о *начале и конце времени* (по крайней мере, в физической реальности исследуемой Вселенной).

9. Существует субъективная потребность в *согласовании общезначимых и космологических представлений о времени с философскими теориями времени*, общей целью исследований времени является преодоление методологической пропасти между естественными и гуманитарными науками относительно трактовки реальности в целом и феномена времени в частности. Но такое согласование должно избегать физикалистского редукционизма, принимая во внимание принципиальное отличие естественных наук от философии.

10. Современные натурфилософские представления о времени имеют *дуальный характер*: одни теории апеллируют ко времени как абстрактному математическому понятию; другие базируются на субстанциональности времени. Это происходит вследствие большого разницы масштабов исследуемых явлений. Следовательно, вопрос о субстанциональности времени остается открытым, но в последние годы появились предпосылки для окончательного решения этой проблемы благодаря развитию некоторых современных физических теорий (например, Теории Струн).

11. Если физические исследования приведут к выводу, что время не есть субстанцией, это будет иметь необычайно важные и радикальные последствия для общей философии и философии науки. Ведь это будет означать, что представляется возможным построить такую физическую теорию (точнее, физико-математическую модель), которая *вообще не содержит времени*, распределяя его свойства (математические) между другими переменными и функциями модели. Например, отсутствие субстанции времени может быть компенсировано за счет сложных проекций измерений многомерного пространства.

12. Любая философская теория содержит в себе время как понятие в явном или скрытом виде. Но общезначимые теории прошлого не требовали раскрытия понятия *времени как такового*, апеллируя к нем как к *аксиоматической сущности*. Это свидетельствует о том, что исторический опыт философии базируется на постулате *абсолютного времени*, что является идеализацией с точки зрения современной физики и космологии. Отмена понятий *абсолютного времени, абсолютной одновременности, а также бесконечности времени* выдвигает принципиально новые требования к современной философии. Но возникает осторожное сомнение в перспективе создания философской теории, которая вообще не содержит времени.

**Солоненко М.А.,
аспирант Института философии РАН, г. Москва**

ТРИ НАУЧНЫХ ПОХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ВРЕМЕНИ И ЕГО ВОСПРИЯТИЯ ЧЕЛОВЕКОМ

В качестве внутрифилософских антитез и объективных естественнонаучных альтернатив феноменологическим и психологическим моделям времени в науке XX века появилось множество самых различных новых моделей времени, начиная от биологического и релятивистского физического времени и заканчивая историческим и социокультурным временем (в зависимости от уровня бытия и сферы реальности, в которой время себя проявляло) [Подробнее об этом см., например: Миронов В.В. Социокультурное восприятие времени и пространства // Миронов В.В. (В соавторстве). Онтология и теория познания. — М.: Гардарики, 2005. — С. 210—217; Миронов В.В. «Нефизические» представления о времени и пространстве в естественных науках // Там же. — С. 217—225]. Так, например, выдающийся русский ученый и философ-космист В.И. Вернадский ввел в науку и философию сразу три новые модели времени: биологическое, геологическое и антропокосмическое время [Подробнее см.: Вернадский В.И. О жизненном (биологическом) времени / В.И. Вернадский // Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. — М.: Наука, 1988. — С. 297—381]. Наряду с физическим временем, эти три формы времени В.И. Вернадский считал основными, биологическое время называл определяющим, а остальные времена — от него производными. В этой связи в одной из своих незаконченных работ «Пространство и время в неживой и живой природе» Вернадский писал: «Для жизни... время выражается в трех разных процессах: во-первых, время индивидуального бытия, во-вторых, время смены поколений без изменения формы жизни, в-третьих, время эволюционное — смены формы одновременно со сменой поколений» [Вернадский В.И. Проблема времени в современной науке / В.И. Вернадский // Философские мысли натуралиста / В.И. Вернадский. — М.: Наука, 1988. — С. 231]. Все эти три основные формы биологического времени и определяют, по мысли В.И. Вернадского, три основные формы восприятия времени человеком и три главные направления в его научном и философском изучении. К таковым, по замыслу Вернадского, должно относиться: 1) изучение восприятия времени в онтогенезе; 2) изучение восприятия времени в филогенезе и 3) изучение восприятия времени в антропокосмогенезе.

В дальнейшем все эти незавершенные научные и философские идеи и разработки В.И. Вернадского о биологической и антропокосмической природе времени развивали многие отечественные и зарубежные ученые и философы, одним из наиболее ярких представителей среди которых был советский философ-антрополог Н.Н. Трубников, который признавал только антропологическое и антропокосмическое (человеческое) время во Вселенной («время человеческого бытия»), называл его основным вопросом философии и считал, что любое естественнонаучное изучение времени (изучение безотносительно к человеку и к его особой антропологической и биологической природе) является абстрактным и совершенно бессмысленным. «И если человек есть существо этого мира, — писал Н.Н. Трубников, — а не гость в нем и не пришелец из какого-то другого, если сам этот мир не есть один только мир веществ, элементарных и простейших физических частиц и их взаимодействий, то реальное человеческое время есть время произведения двух величин, есть время осуществления и самоосуществления мира» [Трубников Н.Н. Время человеческого бытия / Н.Н. Трубников. — М., 1987. — С. 245—246].

Таким образом, согласно естественнонаучным и антропокосмическим философским воззрениям В.И. Вернадского, объективное природное время многомерно и имеет многоуровневую структуру, определяемую уровнями и формами движения биологической жизни в биосфере и в ноосфере Земли и в космосе. При этом Вернадский считал, что человек воспринимает время с помощью данных ему от природы внутренних «биологических часов», а координирует себя в постоянно изменяющемся во времени планетарном и космическом мире благодаря врожденной функциональной асимметрии головного мозга, разделяющей время на «вчера—сегодня—завтра» [См., например: Вернадский В.И. Пространство и время в неживой и живой природе / В.И. Вернадский // Размышления натуралиста. Кн. 1. / В.И. Вернадский. — М.: Наука, 1975. — С. 45]. Позднее, как нам представляется, именно эти естественнонаучные идеи Вернадского легли в основу его философии антропокосмической. Философские представления Вернадского намного опередили господствовавшие в науке XX века традиционные физические, онтологические и психологические представления о времени и его восприятии человеком. Высказанные Вернадским научные идеи, на наш взгляд, предвосхитили многие современные представления о времени и впервые подвели под изучение времени и его восприятие человеком новую, фактически междисциплинарную научную методологию и серьезную философскую и естественнонаучную (и, прежде всего, биологическую) базу. Отсюда оставался только один

шаг к раскрытию роли когнитивных механизмов и биоритмов головного мозга человека в восприятии времени, чем успешно занимаются в последние годы современные отечественные и зарубежные эволюционные биологи и нейробиологи (например, Роджер Сперри, Пол Маклин, Франсиско Варела и ряд других).

Наряду с В.И. Вернадским, одним из выдающихся ученых, изучавших в XX веке проблему времени и перевернувшим все прежние традиционные представления о времени, был немецко-американский физик-теоретик Альберт Эйнштейн, создавший общую и специальную теорию относительности, а вместе с ней — новую теорию времени. Именно Альберт Эйнштейн возродил в современной физической науке линию объективного времени. Это было достигнуто ученым благодаря тому, что он связал время с пространством и с предельной скоростью движения (со скоростью света) [Подробнее см.: Эйнштейн А. Пространство-время / А. Эйнштейн // Работы по теории относительности: собрание научных трудов в 4 т. Т. 2. / А. Эйнштейн. — М.: Наука, 1966. — С. 234—244]. В результате в современной науке была создана совершенно новая, релятивистская модель времени и его восприятия.

Опираясь на теорию относительности и развивая релятивистские представления о времени, Альберт Эйнштейн считал, что в мире существует только одно единственное (а точнее — единое) объективное физическое время. Остальные времена (биологическое, психологическое, феноменологическое, историческое, социальное и т. д.) представляют собой, по мнению А. Эйнштейна, различные формы, модификации и уровни единого физического времени. Все эти различные формы и модификации времени возникают в процессе познания человеком окружающего мира и раскрывают различную степень углубления человека в мир и различную степень восприятия реального времени, каковым является, по мнению Эйнштейна, объективное физическое время. Наиболее же полно, точно и адекватно воспринимать объективное физическое время человек способен, согласно Эйнштейну, только при скоростях движения, близких к скорости света. При превышении скорости света возникают, согласно теории относительности А. Эйнштейна, различные релятивистские парадоксы и происходит искривление пространства и обратимое течение времени [Подробнее см.: Эйнштейн А. Пространство-время / А. Эйнштейн // Работы по теории относительности: собрание научных трудов в 4 т. Т. 2. / А. Эйнштейн. — М.: Наука, 1966. — С. 80, 279—281].

Таким образом, согласно Альберту Эйнштейну, время и восприятие времени человеком всегда относительны. Относительны по отношению к пространству и к скорости света. Вне связи с про-

странством и со скоростью света восприятие времени, по мнению А. Эйнштейна, невозможно в принципе. Таков вкратце смысл релятивистской концепции времени и его восприятия человеком.

Первым современным ученым и философом, который совершил радикальное переосмысление и переоткрытие всех прежних научных и философских представлений о времени и поставил проблему восприятия асимметричного нелинейного времени (времени без прошлого и будущего), стал нобелевский лауреат, бельгийский физик-теоретик Илья Пригожин. Вместо «симметричного» времени (времени с прошлым и будущим) Пригожин вводит в науку асимметричное нелинейное время (время сингулярное, точечное), имеющее в точках бифуркации множество возможных сценариев перехода исторического и эволюционного прошлого в будущее (и обратно).

Суть нелинейных представлений о пространстве и времени впервые была сформулирована Илей Пригожиным в его известной работе «Время, хаос, квант» (изданной на русском языке в 1994 году). В этой работе Илья Пригожин, в соавторстве с бельгийским философом Изабеллой Стенгерс, пишет: «Если устойчивые системы ассоциируются с понятием детерминистичного, симметричного времени, то неустойчивые системы ассоциируются с понятием вероятностного времени, подразумевающего нарушение симметрии между прошлым и будущим» [Пригожин И. Время, хаос, квант / И. Пригожин, И. Стенгерс. — М.: Прогресс, 1994. — С. 255—256]. «Будущее при нашем подходе перестает быть данным, оно не заложено больше в настоящем. Это означает конец классического идеала всеведения. Мир процессов, в котором мы живем и который является частью нас, не может более отвергаться как видимость или иллюзия, определяемая нашим ограниченным способом наблюдения» [Пригожин И. Время, хаос, квант / И. Пригожин, И. Стенгерс. — М.: Прогресс, 1994. — С. 20].

Таким образом, синергетика не отменяет симметричность как таковую, а вводит в науку симметричность более сложного порядка [Подробнее см.: Белавин В.А. Новые типы связи пространства и времени в сложных структурах / В.А. Белавин, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов // Анализ систем на рубеже тысячелетий: теория и практика. — М.: Изд-во РАН, 1999. — С. 38—40]. А это значит, что будущее (при синергетическом подходе) перестает быть заданным, оно не заложено больше в настоящем. Точно также перестает быть заданным, с точки зрения синергетики, и пространство, которое проявляет себя в неустойчивом и изменчивом мире динамично и эмерджентно (то есть всегда по-новому).

Проанализированные нами научные подходы трех великих ученых XX столетия позволяют заключить, что одной из наиболее актуальных проблем, связанных с изучением времени, была и остается в современной науке проблема восприятия времени человеком. В синтезе этих трех научных подходов мы видим один из возможных путей решения данной проблемы на междисциплинарном научном и философском уровне.

**Стрыжков И.А.,
сотрудник Института
Ритмологии Евдокии Марченко (ИрлЕМ)**

ПРОЙТИ СКВОЗЬ СТРАХ — ВОЙТИ ВО ВРЕМЯ

Выражение «Пройти сквозь страх» хорошо известно, и означает возможность «повернуться к страху лицом» и сделать его преодолимым. Контролируя страх, человек может извлечь из страха определенную пользу. Что нового в это представление вносит ритмология, позиционирующая себя как наука, которую часто относят либо к философии, либо к психологии? Новизна ритмологического взгляда на любую тему задаётся исходной «клеточкой» ритмологии — ритмом. Ритм есть носитель времени, организующий жизнь любого объекта во Вселенной. Мир существует в логике ритма, выделившего время существования данного мира. Человек может стать частью общего ритма, имея в нём свою логику жизни. Если человек не нарушает логику ритма, осознанно следует ей, он бесстрашен. Такого человека Е.Д. Марченко — основательница ритмологии — называет «ритмологичным». Если же человек потерял свой ритм, то возникает страх. Это страх потери самого себя как существа разумного. Таким образом, ритмология меняет представление о страхе, не отрицая при этом ни философские, ни психологические представления о нём. В ритмологической картине мира человек представлен как существо двойственное по своей природе, как «симбиоз» природного и разумного начала. Человек в природной своей ипостаси живёт по законам биологической эволюции, основанной на «формуле» «выживает сильнейший». В этой «логике» страх выполняет охранную функцию, предупреждая человека об опасности возможной или мнимой. В последнем случае страх становится «болезнью», и именно такой страх преодолевается, в

том числе и методами «прохождения» через него. Страх, выходящий за пределы природных реакций называют «экзистенциальным», его появление связывают, прежде всего, с осмыслением, с рефлексией человеком себя как «брошенного» на произвол сил, над которыми он не властен. Страх человека потерять опоры, оберегающие его, имеет информационную, понятийную природу. Однако и этому страху придаётся статус чувства — чувства, «снятого» в рефлексии и оформленного в понятиях. А значит, и преодоление его опирается на энергетические, чувственные механизмы человека. «Пройти сквозь страх» для человека в данном случае означает принять неизбежность потери себя и научиться принимать эту потерю достойно.

В этом случае страх даёт человеку возможность возвыситься над своими инстинктами, научиться следовать высшим человеческим ценностям (см. кьеркегоровскую диалектическую пару «страх-вера»). Если чисто человеческий страх мы стремимся пройти энергетически, то упускаем уникальную возможность извлечь из страха возможность вернуться к собственно разумной жизни, что равнозначно «жизни в ритме». Человеческий мозг способен фиксировать ритм и содержащееся в нём время. Время всегда проходит между объектами, процессами, полями. Оно приходит в ту пустоту, которая есть «ничто», противопоставляемое пространственному «нечто». И если учесть, что мозг человека есть производная времени, то только мозгу свойственно проникать туда, где происходят изменения, где постоянно что-то умирает и тут же рождается. Феномен гениальности — подтверждение этой способности мозга жить между опор, искать и находить ответы там, где привычные опоры заканчиваются. Неслучайно именно о гениях говорят как об «опережающих время». Гении, по Кьеркегору, сталкиваются со страхом, который в корне отличается от страха «пространственного»; страх гения не конкретен, он «... не похож на страх обыкновенных людей, которым страшно лишь в моменты опасности; страх его скорее лежит в предшествующем мгновении и в мгновении последующем, — это момент трепета, когда ему приходится беседовать с тем великим незнакомцем, имя которому — судьба» [Кьеркегор С. Понятие страха / С. Кьеркегор // Страх и трепет / С. Кьеркегор. — М.: Терра-Книжный клуб; Республика, 1998]. Здесь Кьеркегор максимально близко подходит к пониманию страха как временного состояния — состояния «между» прошлым и будущим. Ритмология делает следующий шаг и полагает страх как категорию «между», но уже не между прошлым и будущим, а между опорами, на которые человек полагается как на нечто неизменное. Иначе говоря, человек как двойственное — пространственно-временное —

существо мыслит себя и категориями пространства, и категориями времени. Если человек теряет свой ритм, он теряет баланс между пространственным и временным самоощущением, отсюда и возникает страх потери себя в границах пространства и времени. Этот страх есть в чистом виде мозговая субстанция, так как именно мозг связывает внутри нас время и пространство в понятии «ритм». Забыть свой ритм означает потерять себя как пришедшего в мир с разумной целью и траекторией движения к ней. Страх этой потери побуждает восстановить утерянные опоры, вернуть себя к разумному состоянию. Такое понимание страха позволяет человеку осознавать, что конкретные опоры могут уйти, но внутри самого человека всегда останется способность находить новые опоры. Такой страх позволяет человеку в состояниях неопределенности, потери внешних опор создавать в себе опоры внутренние, поддерживающие его разумное начало в любых, даже самых сложных жизненных ситуациях. Эти внутренние опоры есть то, что Кьеркегор определял как «истинную веру», об этих опорах говорят современные исследователи, прослеживающие трансформации страха от простейших форм испуга до его экзистенциальной формы. Ритмология и ритмологический подход к теме страха даёт возможность сделать шаг к обретению внутренних опор — во времени, открывая перспективу возвращения к утраченному человеком ритму. В этом смысле пройти через страх означает не победить его, а сделать источником умения «жить между», то есть — жить во времени.

*Титаренко О.А.,
студентка Киевского
национального университета имени Тараса Шевченко*

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ТЕОРИЯХ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Понятие времени играет в жизни людей важную роль, ведь оно связано с пониманием текучести настоящего и непреходящести вечного. К примеру, несколько тысяч лет тому назад господствовало характерное для мифологического типа мировоззрения мнение о цикличности времени [См. вступ. ст.: Мифы народов мира: энциклопедия. Т. 1 / под ред. Токарева]. Христианство предложило линейную концепцию времени, утверждая начало его отсчета и конец, что привело к фундаментальным изменениям в сознании людей.

Августин Блаженный весьма удачно заметил, что все мы прекрасно понимаем, когда идет речь о времени, но не можем дать ему определения. Не менее любопытно он ответил на вопрос, который ставили верующие — что было до того, как Бог создал Вселенную, чем он занималось все-то время? — этот вопрос служит если не весомым возражением тому, что религия тормоз науки, то, по крайней мере, заставляет пересмотреть её статус. На это Августин Блаженный ответил, что времени до создания Вселенной *не было*, время и Вселенная появились одновременно [см. Августин. Исповедь, 11 кн.], то есть, уже у отца церкви мы обнаруживаем, что исследование проблемы времени является необходимым для понимания окружающего мира и для прогнозирования его дальнейшего развития.

Известный немецкий теософ Якоб Бёме, также опираясь на Библейские писания, утверждает, что время возникло с падением Люцифера [см.: Дорофеев Д.Ю. Якоб Бёме [электронный ресурс] // режим доступа: http://anthropology.rchgi.spb.ru/beme/beme_b.htm.] Это не просто религиозное видение времени: Бёме подчёркивает, что с отсчетом времени нарушилась гармония покоя и началось движение, динамика. То есть, здесь мы видим, что без понятия времени нет понятие движения, а следовательно и развития, и жизни.

Иммануил Кант рассматривает время и пространство как априорные формы чувственности, то есть без понятия времени и пространства человек не может познавать окружающий мир вообще: «Время не есть что-то объективное и реальное: оно не субстанция, не акциденция, не отношение, а субъективное условие, по природе человеческого ума необходимое для координации между собой всего чувственно воспринимаемого по определенному закону...» [Кант И. Сочинения: 6 т. Т. 2. — М., 1964. — С. 400]. Таким образом, время является не только условием существования и развития всего, но и условием познания. Кант переосмысляет значение времени, отводя ему место трансцендентальной схемы, где время является и категорией, и явлением [см.: Гайденко П.П. Проблема времени у Канта: время как априорная форма чувственности и вневременность вещей у себя / П.П. Гайденко / Вопросы философии. — 2003. — № 9. — С. 134—150], тем самым, он поднимает вопрос о вневременности вещей в себе.

Эдмунд Гуссерль также связывает функционирование сознания человека и понимание сути вещей со временем. Он вводит понятие *внутреннего времени сознания*, чтобы отличить его от времени, которое используется для измерения в науке. Внутреннее время сознания является формой сознания и вместе с тем обеспечивает его целостность, что ясно видно на примере племени пираха, которое из-за хронического недосыпа, фактически, не знает ни понятия

времени, ни местоимений, а всякий его представитель меняет по несколько раз за жизнь имя, поскольку считает, что просыпается уже не он, а кто-то другой [см.: Якутенко И. Современная дикость [электронный ресурс] // режим доступа: <http://www.lenta.ru/articles/2008/05/30/wild/>].

Обращаясь к физике нужно сказать, что на сегодняшний день она достигла таких размахов в своем развитии, что ее теории могут дать фору философским концепциям как по своим масштабам, так и в плане теоретичности их обоснований, так как при рассмотрении вопросов всемирного масштаба научные работники сталкиваются с тем, что конкретная экспериментальная проверка оказывается невозможной в принципе, поскольку для получения результатов потребовались бы миллионы лет. В своем исследовании «Краткая история времени: от большого взрыва до чёрных дыр» («A Brief History of Time From the Big Bang to Black Holes») Хокинг, пытается «разгадать замысел Бога», он задается такими вопросами, которые являются важными и для науки, и для философии, а именно, имеет ли Вселенная начало, какое это начало, что было до начала и какова *сущность времени*. Здесь мы видим, что ряд философских принципов и принципов естественных наук оказываются созвучными.

Длительное время господствовало представление о времени как абсолютном, то есть одинаковом во всей Вселенной, а также представление об абсолютном пространстве. Так ньютоновские законы привели к выводам, что не существует эталона покоя, а следовательно «никакому событию нельзя приписать абсолютного положения в пространстве» [Хокинг С. Краткая история времени: вот большого взрыва к черным дыр / С. Хокинг. — СПб.: Амфора, 2001. — С. 15]. Эйнштейн своей теорией относительности привел к опровержению положения об абсолютном времени, потому что «каждый индивидуум имеет собственный масштаб времени, которое зависит от того, где этот индивидуум находится и как он движется» [Хокинг С. Краткая история времени: вот большого взрыва к черным дыр / С. Хокинг. — СПб.: Амфора, 2001. — С. 27]. Эти открытия привели к изменению представлений о пространстве и времени, так как время необходимо связанное с пространством, формирует с ним единый объект, который называется «пространством-временем». Таким образом, время стало неотделимым от пространства, оно приобрело субъективный оттенок и стало динамической величиной: «Пространство и время не только влияют на все, что происходит во Вселенной, но и сами меняются под влиянием всего, что в ней происходит» [Хокинг С. Краткая история времени: вот большого взрыва к черным дыр / С. Хокинг. — СПб.: Амфора, 2001. — С. 27]. Дальше Хокинг поднимает вопрос о том, имеют ли

пространство и время границы, или же они конечные, что было, по сути, вопросом философского и религиозного характера.

Не менее интересными является понятия черной дыры и того, что должны быть в ней — сингулярности, в которых «плотность и кривизна пространства-времени бесконечны». Даже не углубляясь в подробности, мы видим, что диалектичность мира — это уже не философские фантазмы, а, вполне возможно, реальные, физические явления, с которыми приходится считаться науке.

Итак, перейдем к пониманию времени Хокингом (см. там же, параграф 9. Стрела времени), который предлагает понятие стрелы времени, отличая три её разновидности: термодинамическую (указывает на направление времени, в котором растет энтропия); психологическую (направление времени, в котором мы ощущаем ход времени, помним прошлое, но не будущее); космологическую (направление времени, в котором Вселенная расширяется, а не сжимается). При детальном рассмотрении Хокинг приходит к тому, что термодинамическая и психологическая стрелы времени направлены одинаково, и что они не изменят своего направления на противоположное даже в черных дырах, даже при сжатии Вселенной. То есть заданное направление есть необходимое. Также для существования умной жизни *необходима* сильная термодинамическая стрела, что это вытекает из условия *отсутствия границ*, которое является причиной постоянно увеличительного *беспорядка*. Итак, мы видим, что философские (онтологические, антропологические) и религиозные принципы оказываются в корреляции с научными, где трудно провести различие между метафизикой и экспериментально-проверяемым знанием.

**Туренко В.Э.,
магистрант Института
философского образования и науки
Национального педагогического
университета имени М.П. Драгоманова**

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЛЮБВИ: ФИЛОСОФСКАЯ ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

*«всему свое время...
время любить и время ненавидеть»
Экклезиаст*

Актуальность исследования данной проблемы состоит в том, что тема любви — одна из вечных в истории человечества. Челове-

чество всегда стремилось ее постичь, узнать ее таинственность, ведь любовь управляет нами и мы стремимся любить и чтобы нас любили. Одной из таких тайн является соотношение любви и времени.

Как экзистенциал человеческого бытия, любовь имеет характеристику такую, как темпоральность [Копылова С.В. Экзистенціали людського буття: автореф. дис. канд. філос. наук 09.00.03 / Копылова С.В. — Запоріжжя, 2008. — С. 2]. Временность любви связана в первую очередь с тем, что она является трагической, ведь несет в себе аспект конечности: или умирает любовь у людей, или умирает любящий. Итальянский мыслитель современности Ф. Альберони так описывает трагичность любви «когда мы теряем свою любовь, час ожидания может превратиться для нас в годы или даже в века, а печаль за пережитыми мгновениями вечности не покидает нас всю жизнь [Альберони Ф. Любовь / Дружба и любовь: пер. с итал. / Ф. Альберони; общ. ред. А.В. Мудрика. — М.: Прогресс, 1991. — С. 191].

Стоит также отметить, что любовь как экзистенциал вырывает человека из настоящего и позволяет заглянуть в будущее [Размышления о любви (любовь как нравственное явление). — М.: Знание, 1989. — С. 6]. Благодаря этому любовь заставляет нас пересмотреть, переосмыслить всю нашу жизнь, и, в первую очередь, прошлое; даже не просто переосмыслить всю свою жизнь, а как бы заново родиться, без прошлого [Альберони Ф. Любовь / Дружба и любовь: пер. с итал. / Ф. Альберони; общ. ред. А.В. Мудрика. — М.: Прогресс, 1991. — С. 200]. Это мнение идет еще из средневековой философии, ведь восточный патрист Максим Исповедник в фундаментальных «Глава о любви» пишет, что «любовь не связана с прошлым, любовь присутствует в настоящем и будущем» [Максим Исповедник. Главы о любви / Максим Исповедникам. Избранные творения / Максим Исповедник. — М.: Паломник, 2003. — С. 156].

Однако латвийский исследователь философии любви А. Рубенис подчеркивает, что любовь невозможно перенести на лучшие времена или условия (например, материальные), любовь «здесь и сейчас» и сразу вся (не существует половинчатой любви) или ее вообще нет. Поэтому любви не бывает в будущем, любовь — это акт, касающийся исключительно настоящего. [Рубенис А. Сущность любви — тема философского размышления / А. Рубенис // Философия любви. Ч. I. / А. Рубенис; под общ. ред. Д.П. Горского; сост. А.А. Ивин. — М.: Политиздат 1990. — С. 225]. Соответственно, вполне уместны слова выдающегося древнегреческого философа Аристотеля «не любит тот, что не любит всегда» [Самое высо-

кое чувство: сборник афоризмов / сост. П.Я. Жигалов, Т.П. Жигалова, И.П. Гончарова. — Львов: Свит, 1992. — С. 73].

Если человек не чувствует любви именно сейчас — у него нет любви, любовь, как и добро невозможно перенести «на завтра» [Розин В. Природа любви: понимание и изображение любви и сексуальности в разных культурах, в работах философов, в искусстве / В. Розин, Е. Шапинская. — М., 1993. — С. 144]. Поэтому российская исследовательница философии любви Т. Кузьмина отмечает, что «любовь — это всегда событие, которое не зависит от человека, любовь «случается» на жизненном пути человека; человек в своей любви или нелюбви не свободна, она не может любить или не любить по собственному желанию» [Кузьмина Т.А. Любовь как моральный принцип / Т.А. Кузьмин // Философия любви. Ч. 1. / под общ. ред. Д.П. Горского; сост. А.А. Ивин. — М.: Политиздат, 1990. — С. 259]. Поэтому другой российский исследователь Б. Братусь отмечает, что «о любви можно сказать как о Время — это не она проходит, но мы проходим. Не она начинается, вырастает, угасает, а наши чувства, отношения, готовность сочетания, связь с ней. Мы в этом плане лишь «часовые любви» (образ Б. Окуджавы), ее надзиратели, которые принимают за полноту любви сами по себе перипетии и приключения вахты, а не тому, чему она служит, оберегает, о чем свидетельствует [Братусь Б.С. Любовь как психологическая презентация человеческой сущности / Б.С. Братусь // Вопросы философии — 2009. — № 12. — С. 35]. Поэтому «любовь есть прорыв из временного в вечное, переход в то бытийное состояние, где нет ни смерти, ни апатии, ни печали, а лишь постоянное настройки духа, истинная творчество» [Губин В.Д. Любовь, творчество и мысль сердца / В.Д. Губин // Философия любви. Ч. 1. / под общ. ред. Д.П. Горского; сост. А.А. Ивин. — М.: Политиздат, 1990. — С. 238].

Таким образом, сделав некоторые исследования по проблеме соотношения любви и времени, можем сделать следующие выводы:

1) Любовь как экзистенциал человеческого бытия помещен во временные координаты и имеет два аспекта: либо умирает предмет любви или мы становимся причиной угасания ее в нашей жизни;

2) Любовь как онтологический феномен, с философской точки зрения, никогда не проходит, ведь ею пропитана не только человеческая природа но и весь мир.

Хрипун В.И.,
канд. филос. наук,
доцент Оренбургского
государственного института искусств,
сотрудник Института
Ритмологии Евдокии Марченко (ИрЕМ)

РИТМОЛОГИЯ: СОЗНАНИЕ СПОСОБНО СОЗИДАТЬ

Человек был создан по принципу интеллекта и разума. Пренебрежение этим фактом привело к тому, что многие люди нашей эпохи выглядят биороботами, с маленькой оперативной памятью и интересами в границах только своей семьи или работы. Вывести такого человека за пределы его миропонимания сложно [Марченко Е.Д. За законами радуги. Т.1. / Е.Д. Марченко. — СПб., 2001. — С. 242]. Между тем, учёные всё настойчивее говорят о сложнейшей структуре человека. Целый ряд ученых, исходя из концепции волновой природы реальности, высказывает предположение, что образы человеческого сознания представляют собой своеобразные голограммы, возникающие в результате работы сознания. Своеобразная монадность человеческого сознания, гениально предугаданная еще Г. Лейбницем, нашла свое теоретическое оформление в концепции известного физика Д. Бома. Мир устроен таким образом, что каждая существующая вещь в целом «вкладывается» в каждую из своих составных частей. В рамках этого порядка взаимоотношения внутри целого не имеют ничего общего с локальностью во времени и пространстве. Мир представляет собой бесконечный процесс холоддвижения как скрытой основы всех материальных сущностей. Движение материи следует понимать как процесс развертывания и свертывания, когда неисчислимое множество волн развертывается и свертывается на всем бесконечном пространстве.

«Другими словами, из неуловимого свертывания в целое возникает путем развертывания весь проявленный универсум со всем множеством различных отдельных объектов» [Бом Д. Наука и духовность: необходимость изменений в культуре / Д. Бом // Человеч. — 1993. — № 1. — С. 11]. Современная физика предполагает, что каким-то образом все существующее внутренне соотносено с целым. Аналог внутренней взаимосвязи можно найти в сознании. В сознании мы держим все, что вокруг нас, и содержание сознания определяет, что мы есть на данный момент времени и как мы будем реагировать на мир. Но какова связь сознания и мира?

Философия имеет огромную историю осмысления познавательных возможностей человека, глубины и безмерности тайн, открываемых ему в познании: от анаксагоровского «нуса», гераклитовского «логоса», платоновского «мира идей» и гегелевского «саморазвивающегося духа» до «потоков сознания» У. Джемса и «космического сознания» Ф. Бекка. Сегодня в научном познании это представлено в понятии «информационного поля». Предположения о существовании информационного поля обрели реальную почву после открытия и теоретического подтверждения физиками ЭПР — парадокса, (Парадокс Энштейна — Подольского — Розена), суть которого состоит в том, что разлетающиеся в разные стороны осколки сложного ядра мгновенно имеют информацию друг о друге, и что, по утверждению Ф. Капры «проливает свет на фундаментальную взаимосвязь и нераздельную слитность Вселенной» [Капра Ф. Дао физики: исследование параллелей между современной физикой и мистицизмом Востока / Ф. Капра. — СПб., 1994. — С. 289]. Любые изменения организованности физической среды влечет за собой изменение ее плотности, которое передается в пространстве мгновенно на любые расстояния. По этой причине наша мысль или информация переносятся мгновенно. Учёные пришли к выводу, что «мозг представляет собой космическую систему, которая берет для своей работы энергию непосредственно из Вселенной, ... мозг связан с биосферой планеты и... со всей Вселенной двумя каналами связи — энергетическим и информационным» [Дубров А.П. Парапсихология и современное естествознание / А.П. Дубров, В.Н. Пушкин. — М., 1989. — С. 80]. Операции внутри мозга с информацией осуществляются на основе волновых процессов — «мозг человека отзывается на вибрации космоса... активность человеческого мозга (воображение, интуиция) представляет собой одну из этих вибраций» [Фомина З.В. Проблема человеческой духовности: онтологические и аксиологические аспекты / З.В. Фомина. — Саратов, 1997. — С. 139]. Фундаментальные теоретические исследования в области физики, математики, человеческой психики и мозга обнаруживают поразительную корреляцию результатов: в структуре внутреннего духовного мира человека, как и в мире, есть единый принцип, который условно можно было бы назвать принципом монадности, или целостности — «мудрое сияние этнически ликует принятым импульсом целостности, трансформирующимся в цельность» (Е.Д. Марченко).

С точки зрения науки основы материального мира и то, что происходит в сознании человека, представляют собой лишь вероятностные процессы бесконечных взаимодействий и взаимопре-

вращений. Традиционная модель познания не может объяснить факты гениальных научных открытий.

Ритмология, создателем которой является удивительный человек, носитель уникальных знаний Евдокия Дмитриевна Марченко, не только объясняет, как происходят свертки и развертки миров, какова роль сознания человека в этих событиях, как устроен мозг и что такое мысль. Имея взгляд на сознание человека и мир из лучевой непроявленной Вселенной, она легко разъясняет принцип единства человека и мира. Основой этого единства является время, с точки зрения ритмологии живое и активное. Осознанно работать со временем может только мозг человека, который способен выходить за информационные поля в торсионные и поэтому приобретает невиданные возможности. Во множестве опытов и экспериментов продемонстрированы возможности мозга и сознания по материализации событий своей жизни и по их аннигиляции. Метод работы со временем, который предлагается в ритмологии, имеет название — Метод 7P0. Метод 7P0 предлагает нам процесс конструирования своего собственного бытия. Научному миру потребуются немалое время для осмысления, понимания и применения на практике знаний ритмометода 7P0, когда « ритмология станет жизненной необходимостью» (Е. Д. Марченко).

Цыба В.Н.,
аспирант Национального университета
«Киево-Могилянська академия»

СТРУКТУРЫ ВРЕМЕНИ И ПОНИМАНИЯ В ГЕРМЕНЕВТИКЕ ВИЛЬГЕЛЬМА ДИЛЬТЕЯ

Целью моего выступления является доказательство тезиса о том, что проникновение в смысловые пласты пришлого зависит от модели интерпретации темпоральной структуры сознания. Наш главный вопрос звучит так: возможна ли достаточная связь между прожитым пережитым во времени и понятием?

Истоки данной проблематики можно отыскать в трудах Вильгельма Дильтея (1833—1911), одного из родоначальников герменевтики. Его тезис предельно глубок: структуре предмета понимания должна быть симметрична структура познавательных способностей, схваченная и выраженная с помощью категорий.

Важнейшей из них становится категория «жизнь», поскольку именно в ее предикативном поле дано указание на необходимую взаимосвязь личных переживаний так, как она воспроизводит объективации форм жизни в культуре. Их осознание требует общего принципа понимания, который Дильтей резюмирует так — «жизнь познает жизнь» (*Leben erfasst Leben*) [Дильтей В. Сущность философии / В. Дильтей. — М.: Интрада, 2001. — С. 109]. Попытаемся представить тезис Дильтея в виде дедукции, основанием которой будет допущение о том, что условием понимания является соотношение темпоральности сознания:

- (1) возможность познания прошлого есть необходимое условие любого акта познания;
- (2) познание прошлого включено в структуру психической жизни субъекта познания;
- (3) целостность структуры психической жизни придает единство сознания;
- (4) временность субъективного сознания определяется через взаимосвязь его переживаний;
- (5) временной фактор субъективного познания объективных событий является достаточным условием реконструкции живой длительности бытия.

Отметим, что посылка (4) в толковании Дильтея оказывается эпистемической предпосылкой, т.е. скрытым допущением, отталкиваясь от которого рассуждение двигается к выводу о полноте смыслового раскрытия фактов прошлого через факты актуального сознания. Но это и не удивительно, ведь сама «жизнь есть взаимосвязь частей в целом», а переживание в таком случае — «единство, части которого связаны общим значением» [Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе / В. Дильтей // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. / В. Дильтей; под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. — М.: Три квадрата, 2004. — С. 278, 283]. Немецкий мыслитель исходит из того, что темпоральная составляющая познания должна учитывать различие между прошлым и будущим, в то время как понятие «настоящего» получает довольно неоднозначную трактовку.

Важно подчеркнуть, что трехуровневая темпоральная структура у Дильтея центрирована на модусе настоящего. Хотя моменты времени хронотопно соразмерны, однако настоящее обеспечивает наполнение реальностью других сегментов континуума. Так, событие прошлого дано в припоминании, тогда как явление длящееся — в актуальном чувстве (желания, страха и т. д.). В режиме настоящего

время, как выражается Дильтей, «протекает без задержек», чем и проливает свет на ранее упоминавшиеся слова о его «несуществовании». «Не существовать» для времени значит быть незаметным, но не утрачивать содержательной насыщенности. Значимо то, что можно пережить заново как важное, содержательное событие, рубрикуя последовательность дальнейших субъективных состояний. Поэтому значение обретает новый, «свежий» личностный оттенок, не утрачивая при этом своей витальной окраски, а ценность позволяет описывать проявления жизни (историю) вне жесткой каузальной определенности, не упуская из виду вовлеченность в естественный мир. Ценности рождаются как реакция на аффицирование индивида вещами мира, который пытается защититься ответным подчинением вещей своей воле. Итак, значение, ценность и целостность соразмерно действительны во времени.

Теперь мы можем наложить структуру временности на психическую структуру понимания. Принцип структурной взаимосвязи объясняется так: в переживании содержание и акт пребывают в двойном логическом отношении — единства и модификации. Схваченное в воспоминании событие прошедшего дня наслаивается на приятные и неприятные моменты, чувство радости и вины за причиненные страдания, ретроспективное удержание в памяти знакомых лиц, повторное ожидание обещанного звонка и т.п., делает психический предмет симметричным его временной модификации.

Вопрос, который возникает при этом, заключается в следующем: возможно ли вообще объективное познание фактов прошлого при конъюнкции посылок (2) и (4)? Поскольку временной характер жизни показывает, что постижение является лишь постижением явления, а не стоящей за ним сущности, то дедукцию Дильтея можно скорректировать за счет допущения дополнительных предпосылок:

(2') переживание прошлого опыта невозможно без соотнесения с эмпирическими формами объективированной жизни;

(4') временность сознания предполагает, что когнитивные акты основаны на единстве в сознании репродуктивной и продуктивной способности представления.

В итоге получаем вывод

(5) временной фактор субъективного познания объективных событий является достаточным условием реконструкции живой длительности бытия

Важность историзации Дильтеем сознания, на наш взгляд, состоит в том, что впервые была дана модель субъективного постижения временного, наполненная актуальной ценностью переживания.

Секция II

ПОЛИТИКА И ВРЕМЯ

Андрущенко М.А.,
аспирант Киевского
национального университета имени Тараса Шевченко

ХРОНОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТЭНФОРДСКОЙ МОДЕЛИ КРИЗИСА РАЗВИТИЯ

Стэнфордский проект кризиса развития берет свое начало с регулярной работы семинара, организованного Комитетом сравнительной политологии Американской ассоциации политической науки в конце 1968 года, темой которого было политическое развитие и исследование причинности развития при Институте политических исследований Стэнфордского Университета под руководством Г. Алмонда. По итогам проекта было издано коллективную монографию «Кризис, выбор и изменение. Исторические исследования политического развития» (1973) [*Crisis, Choice, and Change: Historical Studies of Political Development*. 1975. Little, Brown. (edited with Scott Flanagan and Robert Mundt)]. Ее редакторами наряду с Г. Алмондом были С. Флэнаган и Р. Мундт.

В вводной главе «Подходы к каузальности развития» этой фундаментальной работы Г. Алмонд рассматривает четыре основных каузальных модели и теории, на которых они зиждутся — рационального выбора, лидерства, социальной мобилизации, а также структурный функционализм. Условно-схематически подходы к каузальности развития можно выразить в форме простой таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1

ПОДХОДЫ К КАУЗАЛЬНОСТИ РАЗВИТИЯ

	Стабильность	Развитие
Детерминированность	Структурный функционализм	Теория социальной мобилизации
Выбор	Теория рационального выбора	Теория лидерства

По мнению Г. Алмонда, *структурный функционализм* хорош для изучения стабильного функционирования политики, однако, он не подходит для исследования кризисов, так как характеризуется чрезмерным детерминизмом. В *теории социальной мобилизации* ученый делает акцент на изменении, качественном переходе от одного состояния к другому, что обусловлено действиями мобилизующих, модернизирующихся элит. *Теория рационального выбора* также способствует оценке причинности развития, в том числе исторической и эволюционной причинности. Наконец, четвертая теория, которую использует Г. Алмонд — теория лидерства, которая предполагает, что лидеры предлагают некие альтернативы соревнующиеся между собой. Таким образом, производится отбор этих альтернатив, а на ключевые позиции выдвигаются именно те лидеры, которые, соответственно, эти альтернативы и предлагают.

Необходимо подчеркнуть, что для хронополитики, по нашему мнению, наиболее эвристическим потенциалом обладает вторая глава «*Модели и методы исследования*», в которой С. Флэнаган трансформирует методологическую схему Г. Алмонда в операционную модель кризиса и изменения, которую можно отобразить в таблице (см. табл. 2).

Таблица 2

ЧЕТЫРЕХФАЗНАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССОВ КРИЗИСА И ИЗМЕНЕНИЯ

Фаза	Составляющие фаз
I. Предшествующая политическая система (antecedent political system)	Характеристики среды и функционирования политики СИНХРОНИЗАЦИЯ (synchronization)
II. Изменение среды и функционирование системы	Социально-экономические изменения Агенты мобилизации требований Изменения внешней среды — Поляризация требований — Управленческие изменения ДЕСИНХРОНИЗАЦИЯ (dissynchronization) Ускорители кризиса
III. Формирование коалиции и разрешение кризиса (coalition formation and crisis resolution)	КРИЗИС Прорыв (breakthrough successful/attempted) Формирование коалиции и политического курса
IV. Связи развития (developmental linkages) и последующая система (consequent political system)	Структурные изменения Перераспределение ресурсов Установление связей со средой РЕСИНХРОНИЗАЦИЯ (resynchronization)

По нашему мнению, эта модель процессов кризиса и изменения и ее исследовательский аппарат для хронополитики интересны, в первую очередь, тем, что в обобщенной модели кризиса используются разнообразные и разномасштабные моменты политической динамики — от отдельных действий политиков до разновекторных действий политических сообществ. Такая модель доказывает, что проблема перехода от одного масштаба политической темпоральности к другому в принципе поддается разрешению.

На первой фазе находится предшествующая система (*antecedent system*), которая пребывает в состоянии синхронизации (*synchronization*). Эту фазу С. Флэнаган легко описывает средствами структурного функционализма.

Вторая же фаза характеризуется изменениями экзогенных и эндогенных параметров политики. Это независимые переменные — внешние и внутренние по отношению к политической системе. Внешние касаются всего, что находится вне политики — международные события, экономические проблемы, демографические, экологические и энергетические кризисы. Внутренние изменения связаны непосредственно с действиями политиков и граждан в рамках политики. Ученый выделяет также управленческие изменения (*changes in government performance*). Политика требует качественного уровня управляемости, если он нарушается, то происходят системные сбои, которые ведут к кризису политической системы. В данной схеме агентами мобилизации требований выступают S, а чаще институты (организации, группы интересов), которые на внутренние/внешние изменения политики реагируют общесистемными требованиями, что затрагивают всех. В результате изменений политики происходит поляризация требований, что ведет, в свою очередь, к их асимметрии. Происходит поляризация системы, в результате чего наступает «десинхронизация и ускорение кризиса» (*dissynchronization and acceleration of crisis*).

Третья фаза характеризуется прорывом (успешным или предпринятым). По мнению С. Флэнагана, на этом уровне возникают связи трех типов — структурные (*structural*), распределительные (*allocational*) и средовые (*environmental*). Подобные связи появляются, когда они подготовлены формированием коалиций и их политического курса (успешного/безуспешного). Таким образом, появляется некий промежуточный результат, который, во-первых, является победным, а во-вторых, в качестве такого победного результата или любого другого результата даже проигравшие готовы его принять, поскольку он лучше, чем нарастающий кризис.

Четвертая фаза связана с тем, что найденные здесь связи начинают укрепляться путем структурных изменений, перераспреде-

ния ресурсов, освоения среды. Эти процессы управляются, политика регулярно получает на входе и на выходе как раз то, что требуется для ее адекватного функционирования. В конечном итоге, начинается ресинхронизация (resynchronization), которая ведет к формированию качественно новой политической системы, что пребывает в состоянии относительной стабильности и уравновешенности.

Необходимо подчеркнуть, что Стэнфордская модель кризиса развития является перспективным исследовательским инструментом решения хронополитической проблемы эффектов соединения темпоральных явлений разного масштаба и сложности.

Багинский А.В.,
аспирант Киевского
национального университета имени Тараса Шевченко

КОНСОЛИДАЦИЯ ДЕМОКРАТИИ: ИЗМЕРЕНИЕ ВРЕМЕНЕМ

Демократизация в современном мире является восходящим трендом. Результаты исследовательского проекта «Polity IV» показывают, если в 1946 году в мире насчитывалось 20 демократических политических режимов, то в 2009 году — 92 страны классифицированы как демократии [Polity IV Project: Political Regimes Characteristics and Transitions, 1800-2009 // <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>].

Впрочем, национальные и исторические особенности демократических тенденций в случае каждой страны требуют более подробного рассмотрения отдельных этапов демократизации.

Ключевым этапом демократизации является консолидация демократии. В политической науке впервые данное понятие появилось в работе Г. О’Доннелла и Ф. Шмиттера «Переходы от авторитарного правления» (1986). В ней учёные считают условием консолидации демократии «институционализацию новых норм и структур режима, расширение его легитимации и устранение преград, которые на первоначальном этапе делают это становление сложным» [O’Donnell G., Schmitter Ph. Transitions from authoritarian rule: Tentative conclusions about uncertain democracies / G. O’Donnell, Ph. Schmitter. — Baltimore: The Johns Hopkins University, 1991. — Vol. 3. — с.73]. В более общем плане, консолидация демократии означает ситуацию отсутствия весомых альтернатив демократиче-

скому развитию в обществе. Она становится своеобразной «точкой невозвращения» к авторитаризму и «игрой по единым правилам» («the only game in town»).

Опыт демократизации показал, что консолидация демократии — это процесс, важной характеристикой которого является временная длительность. Чем больше времени требует консолидация демократии, тем большими будут преграды и противоречия для установления демократического политического режима в стране. Сравнительный анализ «волн демократизации», предложенный С. Хантингтоном, показывает, что в современном мире глобальных вызовов, в рамках третьей «волны демократизации», консолидация демократии происходит более интенсивно [Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. — М.: РОССПЭН, 2003. — 386 с.].

Первая «волна демократизации» — наиболее длинная и охватывает период с середины XIX столетия по 1926 год. Временные характеристики (фактически, весь период — это сто лет) и условия (отсутствие авторитарного прошлого) способствовали консолидации демократии в США. Этот период намного больше, чем длительность демократической консолидации в Японии («вторая волна» демократизации), где перестройка общества происходила в процессе замены традиционных политических институтов на демократические институты форсированными темпами, и которая достигла состояния демократической консолидации не более, чем за два десятка лет. Не менее стремительно развивалась демократия в некоторых странах Центрально-Восточной Европы после распада СССР, где политические режимы стали демократически консолидированными не более, чем за одно десятилетие (третья «волна демократизации»).

Опыт стран Центрально-Восточной Европы показал три скорости консолидации демократии в условиях третьей «волны демократизации»:

Первая скорость — высокий темп — достижение «точки невозвращения» на протяжении 5 лет в результате формирования демократического консенсуса политических элит, интенсивных и последовательных экономических реформ, высокой демократической политической культуры общества, в том числе исторической приверженности населения к демократии, положительного внешнего влияния (Чехия, Венгрия, Словения, страны Прибалтики).

Вторая скорость — средний темп — консолидация демократии происходила около 10 лет, что связано с неоднородностью политических элит, медленным формированием демократических политических институтов, более низким уровнем экономического развития (Болгария и Румыния).

Третья скорость — замедленный темп — демократическая консолидация достигалась за 15 и более лет. Среди разнообразных социальных причин замедления, весомыми барьерами консолидации демократии могут быть военные и этнические конфликты, религиозные расколы в обществе (Хорватия, Сербия, Черногория, Македония).

За 20 лет независимости Украина так и не смогла консолидироваться на основе демократической, или авторитарной модели. Украинское государство принадлежит к, так называемым, гибридным политическим режимам, которые совмещают демократические процедуры с авторитарными средствами реализации политической власти.

Гибридные политические режимы — наиболее сложные с точки зрения изучения закономерностей их политического развития. Электоральные циклы в гибридных политических режимах не обязательно отображают поступательное движение к демократии, поскольку являются краткосрочными. В то же время, каждый электоральный цикл в Украине сопровождается высокой вероятностью «откатов» и «рецидивов» в сторону авторитаризма, что происходит намного чаще, чем это постулируется в теориях зарубежных транзитологов.

Демократизация в Украине — долгосрочная тенденция, и её изучение связано с внедрением новых методов исследования политического времени, которые, в том числе, системно обоснованы в работах украинских представителей темпоральной политологии [Андрущенко М.А., Якубин А.Л. Политическое время: микро-, мезо- и макроуровни / М.А. Андрущенко, А.Л. Якубин // Политическая наука. — 2009. — N 1. — С. 60-107].

Не менее важным является изучение социокультурных факторов демократизации, которые остаются мало исследованными в современной политической науке, но могут лучше объяснить особенности становления демократии в аспекте национального развития каждого отдельного общества [Багинский А.В. Политическая символика как средство коммуникации / А.В. Багинский // XVI Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» — М.: Издательство МГУ, 2009. — С.205—207].

Исследование консолидации демократии в контексте её перспективы для гибридных политических режимов станет возможным благодаря увеличению масштаба измерений политического времени, акценту на долгосрочных тенденциях политического развития, сравнениям социокультурных особенностей разнообразных политических режимов в рамках мировой политики.

**Бульдович П.В.,
студент Киевского национального
университета имени Тараса Шевченко**

ОСОБЕННОСТИ БЮДЖЕТОВ СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

В рамках марксистской доктрины бюджет времени можно определить как распределение всего временного фонда суток (недели, месяца, года и т.д.) на разные виды деятельности, осуществляемой разными группами людей. С определенными предостережениями эта дефиниция приемлема для адекватного понимания сущности данного явления и сегодня. Все виды деятельности, как правило, можно объединить в определенные группы, исходя из их социально-экономического и культурного содержания. Среди таких групп можно выделить: 1) оплачиваемая работа и виды деятельности, связанные с ней; 2) домашний труд и удовлетворение бытовых потребностей; 3) удовлетворение физиологических потребностей; 4) свободное время (образование, общественная деятельность, отдых, развлечения и др.) [Бюджеты времени: документированные свидетельства обиды жизни людей (В. Д. Патрушев) // Социология в России: Учеб. пособие для студентов вузов / Г.М. Андреева, В.Н. Амелин, Я.У. Астафьев и др.; Отв. редакторша В.А. Ядов; Сост.: З.Т. Голенкова, В.А. Ядов; РАН. Ин-т социологии. 2-ое изд., перераб. и доп. М., 1998. 695 с.с. 235-240]. Следует сказать, что такая типизация блоков деятельности не исчерпывающая, и отдельный интерес представляют те ее виды, которые практически не поддаются официальной фиксации, документированию. Идет речь о деликвентной, девиантной, криминальной и других формах противоправной общественной деятельности индивидов, которая составляет предмет отдельного исследования. Бюджет времени имеет структурированный характер, в рамках которого каждому виду деятельности отвечает определенный хронологический отрезок. Конституирование такого бюджета является следствием и одновременно предпосылкой рационализации общественной жизни и предусматривает эффективное и оптимальное, официально определенное использование времени. Институализация последнего, в свою очередь, направлена на рост производительности, накопления ресурсов прогресса. Таким образом, линейно-кумулятивный характер времени, в частности в европейском и европеизированном историческом пространстве Нового времени обеспечивается с помощью организации того же времени [Панарин А.С. Философия политики. — М., 1996. с.15]. Чем большей становится динамика производительности, тем

более схематизируемым, матричным становится использование времени. Такая тенденция с необходимостью имеет неотвратимый характер: без рационального устройства времени невозможна организация общества, основанная на критерии производительности. Но часовое нормирование так или иначе ведет к типизации структур повседневности, если употреблять терминологию А. Шюца. Поэтому организация времени в обществе есть одновременно и залогом его восходящего развития (прогрессу), и средством интеграции, и, в конце концов, эффективным инструментом управления этим обществом. Из такой позиции бюджет времени уже выступает как диспозитив, в первую очередь, политической власти, которая распределяет его императивно на все общество.

Важным аспектом в рамках проблемы бюджета социального времени является вопрос о свободном времени, который еще К. Маркс определял как настоящее богатство общества. Эта сфера традиционно считается неинституализированной, и является пространством всестороннего развития и совершенствования всех индивидов. Каждый по своему усмотрению использует свободное время; в его пределах каждый человек в значительной мере усваивает принятые ценностные и нормативные установки, идеалы, формирует мировоззрение и социальную позицию, в соответствии с которыми актуализируется весь спектр ее деятельности и поведения. Именно поэтому это наиболее уязвимое место для разного рода манипуляций. В эпоху постиндустриального информационного общества свободное время трансформируется во время перманентного потребления продуктов этого общества; чем больший спектр такого времени, тем большим является такое потребление, тем ликвиднее становится соответствующая продукция. Свободное время становится опасным. В известной степени такая опасность преодолевается индивидуальным выбором каждого.

Стоит также отметить, что распределение бюджета социального времени является источником социальных конфликтов (определение рамок пенсионного возраста, срока учебы, времени работы и досуга). Ключевой в этом разрезе является проблема экономики времени, которая имеет немало теоретических интерпретаций (марксистская, социологическая, культурологическая и др.). Следовательно, от качества распределения времени также зависит уровень и содержание достигнутого в обществе консенсуса [Панарин А.С. Философия политики. — М., 1996. с.15].

В отличие от бюджета социального времени, которое имеет динамический характер, и в рыночных демократических условиях модифицируется в соответствии с социально-экономическими, политическими и культурными изменениями, бюджет политического

времени (каденция главы государства, срок полномочий органов государственной власти разных уровней, сроки выполнения управленческо-политических процедур) является более ригидным, хотя и не инвариантным вообще. Последний также призванный рационализировать, упорядочить политическую деятельность, обеспечить синхронизацию государственно-управленческого аппарата, одновременное выполнение принятых решений на всех уровнях. Однако в сфере государственно политического управления такая оптимизация частично становится причиной т.н. парадоксов рационализации (по М. Веберу), детищем которых является феномен бюрократизма. В политике постоянно продолжается борьба за перераспределение бюджета политического времени, поскольку каждая политическая сила заинтересована в пролонгации срока властных полномочий. Но в связи с тем, что легальным и легитимным путем изменить темпоральные нормы политической жизни непросто, то последние являются достаточно постоянными. В известной степени это постоянство обеспечивает наличие деловых политических циклов внутри определенных отрезков бюджетного времени в политике, наполнения этих отрезков каждый раз новой политической материей в результате циркуляции политических сил, которые находятся при власти.

Как вывод, отметим, что изучение особенностей бюджетов социального и политического времени дает возможность дополнительно обнаружить хронологические измерения многих социальных, политических и не только процессов и явлений. В целом бюджет политического времени является необходимым элементом и принципом существования демократии, который обеспечивает непрерывное обновление власти, предотвращает ее критическую концентрацию, тогда как бюджет социального времени — важным фактором развития, динамической стабильности всякого общества.

**Гончарова А.К.,
студентка Киевского национального
университета имени Тараса Шевченко**

ТРИАДА ВРЕМЕНИ КАК МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*«Прогноз — это осознанный
момент политического действия»
Райнгард Козеллек «Прошлое будущее»*

Не смотря на фундаментальные разногласия между миром физической и социальной природы, вторая всегда будет зависимой от

первой, опираясь на нее как наиболее устойчивую и постоянную доминанту. С другой стороны, социальное пространство стремится к наиболее полной и четкой реализации в пространстве физическом [П. Бурдьё «Социология политики», М. 1993, стр. 38]. В данных тезисах делается попытка совместить эти два положения и продемонстрировать каким образом в политической сфере общества, как подсистеме социальной сферы, временная триада не просто утверждается как условие осуществления политической деятельности (все что существует, существовало или будет существовать), но может быть использована как универсальная модель этой деятельности.

Прежде всего, сформулируем исходные тезисы относительно временной триады, актуальные в данной работе:

1. Временная триада прошлое-настоящее-будущее является результатом культурно-исторического развития человечества, а не априорно заданной величиной

2. В европейском контексте «историю человечества» начинают делить на древнюю, средневековую и новую историю, что еще глубже утверждает триаду в публичной сфере в Новое время

3. Эпоха Нового времени открыла более широкие временные горизонты, обращенные в «непредвиденное», но «прогнозируемое» будущее, в противовес эсхатологическому представлению скорого конца света и завершения истории, тем самым обрекая временную триаду на постоянные «колебания», вызванные погружением заинтересованных лиц то в прошлое то в будущее. Одним из примеров этому служит выделение двух политических направлений, побуждающих к расшатыванию триады — либерализма и консерватизма.

Временная триада становится формой политической деятельности отдельного субъекта политики (деятеля, партии, династии, класса), который стремится легитимировать свои властные права в пространстве и времени. Прежде всего, временная триада проявляется в таких явлениях политической жизни как наследование и ответственность политической власти. С этим связаны две особенности:

— Любая власть, которая овладевает пластом «настоящего» стремится обеспечить свое присутствие в пласте «будущее», в зависимости от характера отношений с предыдущей властью, нынешняя или отрицает, или утверждает свою непосредственную связь с прошлым.

— Обращаясь к временной триаде, (то есть, обращаясь одновременно к будущему и прошлому), власть решает «проблемы» политической аргументации, связанные с дискретностью политического процесса благодаря обращению к идеальным конструкциям прошлого или будущего, которые позволяют перепрыгивать через

целые эпохи, страны и народы, решая в необходимом для себя ключе вопросы наследования и ответственности (что является необходимым условием легитимации власти)

В данном случае, мы пытаемся изобразить политическую деятельность, вписанную в элементарное уравнение темпоральных горизонтов, обрисованных в данной политической ситуации. На уровне речевого утверждения временная триада ярче проявляется в формулировках политического курса, прогнозирования и во всех формах политической аргументации. Приведем некоторые цитаты из инаугурационной речи В. Януковича:

«Украина должна избрать правильную долгосрочную стратегию развития. Многие наши проблемы возникли из-за того, что вместо того, чтобы двигаться к постиндустриальному обществу образца XXI века, мы пошли по пути первоначального накопления капитала, то есть до так называемого «дикого капитализма» [<http://www.pravda.com.ua/articles/2010/02/25/4809133/>].

Из этого абзаца следует выделить следующие элементы: 1) «Долгосрочная стратегия развития» должна оправдать жесткие меры реформирования, о которых говорится ниже, то есть краткосрочные результаты обесцениваются перед чертой отдаленного будущего 2) «Долгосрочность» извлекает временную триаду в будущее, однако в данной аргументации автор делает отсылку и к прошлому, и что важно, это прошлое не слишком далеко, но оно как раз соответствует точке отсчета ложного, по мнению оратора, пути, результатом которого является то, что «страна находится в крайне сложной ситуации — отсутствие государственного бюджета на текущий год, колоссальные долги [...] — перечень бед, из которых состоит украинская реальность». 3) В данной речи субъект политики формирует такой временной горизонт, который соответствует направленности его политической деятельности, минуя тот момент, что вопрос «наследования» и «ответственности» собственно в отношении Президента, касается 5 летнего срока полномочий, что не совсем коррелируется с временными горизонтами, которые изображены автором.

То есть, если мы рассматриваем временную триаду как модель политической деятельности, на которую собственно она и опирается, мы можем предложить такое рассмотрение политической действительности, которое будет иным образом, чем прямая причинно-следственная связь раскрывать политический процесс как таковой. Тем более рассмотрение деятельности отдельного политического субъекта, учитывая границу его ориентации в прошлое и будущее, позволяет особого анализа политического прогнозирования и его значение. Отдельной темой исследования может стать

использование средств временной логики, что позволит создать схему «уравнения» между прошлым и будущим, которые соотносились бы в логической цепочке раньше-одновременно-позже и прошлое-настоящее-будущее

Переформатирование временной триады, нарушение ее целостности, обращение к ней в целом, к отдельному ее пласту меняет одновременно и характер политической деятельности — его цели, направления и основу, на которой она осуществляется, именно этот тезис может стать основополагающим для дальнейших прикладных исследований (направленных на рассмотрение политических субъектов и политических ситуаций через временную триаду) так и для теоретических разработок, которые бы дали возможность по-новому оценить более общие процессы касающихся этических моментов в политике (наследования и ответственности, логических (то, что после не является по причине), а также философско-исторических вопросов, касающихся рассмотрения понимания политическим субъектом своего места и направления в широких исторических процессах, а также тех следствий, которые данные представления и схемы временной триады имеют в данном обществе.

**Зубрицкая Л.И.,
канд. полит. наук,
ст. преподаватель Национального
университета «Киево-Могилянская академия»**

ВРЕМЯ КАК РЕСУРС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Ресурсы государственной власти — это все возможные средства, которые могут быть ею использованы для выполнения своих функций. Различные условия функционирования государства определяют тот основной набор ресурсов, который использует власть. Он зависит от типа политического режима, формы государственного правления, уровня политической культуры населения и т.д. Например, на ранних этапах общественного развития определяющим ресурсом власти выступала сила, принуждение. С развитием более сложных форм общественной организации основными ресурсами становятся правовые нормы, капитал, знания, информация и т.д.

Ресурсы государственной власти можно классифицировать по разным критериям. Наиболее распространенной является класси-

фикация по характеру, которая выделяет утилитарные, принудительные и нормативные ресурсы. Утилитарные ресурсы — это материальные и социальные блага, связанные с удовлетворением повседневных интересов и потребностей человека. Принудительные ресурсы власти — меры административного и криминального влияния, а нормативные объединяют разнообразные социальные нормы, которые регулируют многообразные общественные отношения [Шляхтун П.П. Політологія (теорія та історія політичної науки). — К.: Либідь, 2002. — с.184-185]. Эта классификация ресурсов государственной власти, как и любая другая, — достаточно условна. Так, использование утилитарных и принудительных ресурсов, по большей части, также регулируется соответствующими нормами.

Малоисследованным ресурсом государственной власти является время (а точнее — социальное время), которое, будучи универсальным ресурсом и взаимодействуя с другими ресурсами государственной власти, усиливает или наоборот ослабляет их. В современную информационную эпоху социальное время является стратегическим ресурсом государственной власти, который необходимо эффективно использовать. Отметим, что социальное время — не восстанавливаемый ресурс.

Известный представитель французской историографической школы Фернан Бродель дает следующее определение этому феномену: «Социальное время — ядро социальной реальности, общественной эволюции. Оно является сложным противоречием человеческого времени, которое составляет материю прошлого, постоянно восстанавливаемого противоречия между настоящим временем и ходом времени» [Braudel F. *Ecrits sur l'histoire*. Paris, 1969. — p.23].

Социальное время в значительной мере детерминировано деятельностью государственной власти. Именно свойства государственной власти формируют специфику социального времени на всех этапах истории государства. Давая оценку деятельности государства, определенный промежуток времени характеризуют как: «прогрессивный», «регрессивный», «революционный», «эволюционный», «кризисный» и т.д.

Характеризуя особенности взаимодействия временного ресурса с другими ресурсами государственной власти, отметим, что государственная власть, удовлетворяя утилитарные интересы населения, владеет ограниченным временным ресурсом, который определен понятием «кредит доверия». При условии, если власть не проводит эффективных государственных реформ и не улучшает материальное состояние своих граждан, она теряет поддержку на-

селения, а значит, и шансы продлить срок пребывания при власти. В таком случае властьпредержащие теряют свой основной ресурс — политико-властное время.

Регламентируя использование ресурса времени населением, государственная власть влияет на формирование утилитарных ресурсов. Например, государство регламентирует рабочее и нерабочее время, устанавливает его нормативные границы. Также определяет выходные и праздничные дни в рамках календарного года, оптимизирует разделение рабочих и праздничных дней (например, уже привычное для нас отрабатывание рабочих дней, которые переносятся, чтобы не разрывать праздничные дни). Власть определяет время человека, какое он должен уделить для общественных потребностей (служба в армии, субботники в советские времена), а какое — для личных. Принимая трудовой и пенсионный кодексы, законодатели регламентируют длительность рабочего времени человека, трудоспособный и пенсионный возраст, формируют протяженность социального времени. К примеру, в рамках пенсионной реформы государственная власть инициирует повышение пенсионного возраста, продлевая для человека время профессиональной деятельности, а для себя — увеличивая утилитарные и демографические ресурсы.

Феномен времени прослеживается в принятии таких важных государственных документов как годовой бюджет, план стратегического развития страны и т.п. Осуществляя переход к контрактной армии, государственная власть тем самым освобождает время для юношей, которые были бы обязаны отслужить в армии по общему призыву. Следовательно, видим, что государственная власть фактически владеет банком социального времени, и от того, как она эффективно им будет распоряжаться, будет зависеть эффективность государственного управления, реализация общественно-политических преобразований, а соответственно — и социальное благосостояние.

Говоря о взаимосвязи принудительных ресурсов власти с временными, отметим, что государственная власть, принимая меры криминального влияния к лицам, совершившим преступление, предусматривает возможность их наказания лишением свободы, принудительными работами на определенный срок. Фактически это означает наказание временем. Недемократичные государственные режимы пользуются принудительными ресурсами с целью накопления собственного временного потенциала, что на практике означает продление срока своего пребывания при власти. В демократических странах, наоборот, максимальная длительность пребывания первого лица при власти четко определена.

Используя нормативные ресурсы, государственная власть может устанавливать нормы морали, традиции, обычаи и т.п. К примеру, государственной власти принадлежит официальная роль предоставления социальному времени информационного смысла. Прошлое социальное время тождественно понятию «историческая память», и именно в этом контексте перед государственной властью стоит сложное задание его объективной трактовки.

Зубчик О.А.,
канд. филос. наук,
доцент Киевского
национального университета имени Тараса Шевченко

ТЕОРИЯ «ЗАВИСИМОСТИ ОТ РАНЕЕ ПРОЙДЕННОГО ПУТИ» И ШАНС ДЛЯ УКРАИНЫ

Политическое время детерминирует нашу политическую действительность. Каким будет событие, когда и где оно произойдет — это конкретный контекст наших действий, каждое из которых, казалось бы, есть уникальным. Тем не менее, что нужно знать или чего не знать, что совершить, или от чего удержаться, для того чтобы справиться с шансом, схватить свою возможность, или же, иначе, оказаться на стороне. Часто мы фиксируем, что некоторые события являются своевременными, другие — наоборот. Также нередко фиксируем зависимость отдельных событий от прошлого. В этой связи, рассмотрим идею, согласно которой все, что происходит, происходит в ключе зависимости от того, что было ранее. В контексте политической жизни общества это означает, что можно предположить, что политическая действительность формируется в зависимости от политического субъекта, точнее — от пройденного им пути. Так настаивает концепция «зависимости от ранее пройденного пути», основателем которой считают Пола Девида [Paul David. Path Dependence, Its Critics and the Quest for 'Historical Economics, Evolution and Path Dependence in Economic Ideas: Past and Present, edited by P. Garrouste and S. Ionides, Cheltenham, England: Edward Elgar Publishing, 2001]. В теории этого автора рассмотрено такие метафоры, которые вошли в научное употребление как довольно важные термины — это «path dependence» и «QWERTY». Идея «path dependence», или же «проблема колеи»

трактуется как невозможность выхода за границы технологических решений прошлого. Пол Девид предложил эту метафору с примером о развитии русской железной дороги, где, как известно, колеи более широкие, нежели европейские (причины такого состояния дел мы здесь не рассматриваем). Но нам интересно, можно ли в этом значении пройти развитие техники и технологий снова, т.е. с начала, от идеи железной дороги в нужном направлении, короче говоря, расстроить всю бывшую советскую железную дорогу с колесей более узкой? По логике Поля Девида — нет, ведь придется все строить «с нуля», или закупить уже развитые технологии «узкоколейки» за границей. Другая, не менее показательная и поучительная метафора Поля Девида подчеркивает, что существует эффект «QWERTY», или «QWERTY-Номика» (связано с печатной машинкой), которая означает зависимость от однажды начатого принципа расположения клавиш печатной машинки. На раскладке латинской клавиатуры сверху расположены клавиши с буквами Q, W, E, R, T, Y. Возникает вопрос, есть ли такое расположение удобным? С точки зрения эргономики совсем нет! Ведь частота использования этих букв не связана с их расположением. Их так располагают все современные производители, потому, что с конца XIX века до нашего времени это сформировало стойкую привычку (именно тогда в Лондоне возникла фирма производитель печатных машинок с названием Qwerty, которая расположила это название на клавишах). Кроме того, именно на таком расположении клавиш уже разработаны ряд методик обучения печати. Т.е. чисто технически правильное решение сдерживается другими уже существующими решениями. Так вот, эти две метафоры работают не только в мире техники и технологий, а и в мире экономики, политики, культуры, образования, медицины..... В частности, в экономике эффект зависимости от прежде пройден пути показан на примере QWERTY-Эффекта. Который описан Полом Дэвидом в статье «Clio and the Economics of QWERTY» (1985). После этого современные методологические разработки, в частности в сравнительной политологии и социологии адаптировали «концепцию зависимости от ранее пройденного пути» к анализу политических и социальных явлений. Показательными есть результаты исследований Пола Пирсона, Дэвида Колиера и Рута Беринса, которые исследовали темпы и режимы переходов демократии и авторитаризма, трудовую политику, динамику партийных систем, изменения коалиций, т.е. динамику политических процессов в странах Европы и Латинской Америки [Pierson, Paul. 2000a. «Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics.» *American Political Science Review* 92:4, 251-267; (David Collier, Rut Berinss. *Trajectory of a Concept: 'Corporatism' in the*

Study of Latin American Politics.» In *Latin America in Comparative Perspective*, 1995 (pdf); Collier, David. *Concepts and Method in Social Science: The Tradition of Giovanni Sartori* (co-edited with John Gerring). Oxford and New York: Routledge, 2009.] Это довольно распостранённый анализ в политической науке с акцентом на основные моменты зависимости от траектории развития политической системы общества.

Итак, является ли эта формула настолько критической, что государство (страна, общество) однажды «став на рельсы колеи» уже должно двигаться именно в ту сторону (в зависимости от направления рельс колеи), именно таким способом (в зависимости от ширины колеи)? Что бы значила для Украины попытка в политической науке (или экономической теории, культурной традиции, и т.п.) формализовать зависимость от траектории? Это значит, что сделав один выбор (приватизация — читай олигархизация; демократизация — читай авторитаризация; интеграция в мировое общество — читай замкнутость и периферийность, которую ощущаешь едва взяв в руки европейскую прессу), мы потеряли навсегда все другие шансы, все другие возможности? Нет! Наведем аргументы Германа Шварца, который сомневается в такой критической зависимости от событий, явлений, действий и решений прошлого, утверждая, что силы аналогичные тем, которые определенные «концепцией зависимости от прежде пройденного пути» в экономической литературе не являются настолько определяющими в сфере политической жизни обществ. Ведь в политической сфере определяющими являются одномоментные решения власти, которые приводят к преобразованиям довольно часто радикального характера [Herman Schwartz. *Down the Wrong Path: Path Dependence, Increasing Returns, and Historical*, 2009].

Итак, «концепция зависимости от прежде пройденного пути» объясняет, как набор решений (событий) одного человека в тех или иных обстоятельствах ограничивается решениями, которые он сделал в прошлом, хотя прошлые обстоятельства могут не касаться современного состояния вещей. В экономике и социальных науках зависимость от прежде пройденного пути может касаться или результатов в конкретный момент времени или в долгосрочной перспективе равновесия процесса. В критический момент, предшествующий выбору условия, разрешающий этот выбор или нет, устанавливается траектория институционального развития и консолидации, которую изменить тяжело (причинно-следственная связь, которая касается благосостояния, зависимости общественное блага от выбора модели развития, промышленные революции, модели собственности.....). Итак, обычно «концепция зависимости от ранее

пройденного пути» имеет право на научное существование, но политические события современности подтверждают, что в сфере политической жизни обществ могут работать и совсем другие факторы, давая надежду на шанс, которым еще живет и о котором мечтает значительная часть украинского общества.

*Илляшук А.Б.,
доцент Межрегиональной
Академии управления персоналом*

НАЦИОИСТОРИЧНОСТЬ И СОЦИОТЕМПОРАЛЬНОСТЬ УКРАИНЫ: РЕТРОСПЕКТИВЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРЕПЯТСТВИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ УТВЕРЖДЕНИЯ

Если провести исторический экскурс попыток создания государства в Украине, мы станем свидетелями парадоксального явления — достаточно часто украинская нация имела реальные возможности создать независимое государство со всеми сопутствующими ему атрибутами. И каждый раз, как будто подчиняясь чьей-то злой воле, эти возможности терялись. Но присутствовала ли здесь именно эта злая сила и особенно чужая воля? Принадлежность к той или иной социальной группе в жизни любой нации играет большую роль. Но в украинском обществе именно классовая принадлежность стала доминирующим явлением, которое повсеместно препятствовало процессу создания государства. В связи с этим становится явным доминирование в украинском обществе фактора общественной корпоративной стратификации, который негативно влиял на все действия по созданию государства украинцами. Разные социальные слои украинского общества на протяжении многих веков в своих стремлениях и деятельности ориентировались на те или иные иностранные государства, фактически идентифицируя свои узкокорпоративные или региональные интересы с политикой внешних покровителей. В свою очередь, иностранные государства, используя классовые антагонизмы и стремления разных слоев украинского общества к привилегированному положению, выставляли себя защитниками их интересов и тем самым уничтожали или ослабляли социальный союз украинцев в борьбе за национальное освобождение. Подобная традиция классовой национальной корпоративности привела к тому, что носителями государственных идей в разные периоды украинской истории выступают разные со-

циальные слои, которые одновременно пребывали в политической, религиозной, социальной борьбе с другими классами Украины. Результаты этого известны, но ошибочно было бы считать, что именно отсутствие национальной элиты как таковой является главной причиной неудач в процессе создания государства.

Вначале следует уточнить, что следует понимать под понятием нации и может ли специфика этого понимания влиять на национальное создание государства. Националистической идеологией живёт именно этнично-органичное сообщество, связанное между собой кровнородственными связями, системой повседневной обрядности и ритуалов воспринимается как носитель государственно-политических ценностей. Этнично-мифологический подход к нации фактически понимает ее географически (через поселения) и культурно — благодаря сообществу языка, обычаев и традиций. Но интегрированная таким образом нация не владеет государственной организацией, которая бы объединяла ее политически. Но подобный подход не может стать объединительным, превратить этническую группу, которая связана общей мифологией, в нацию-государствообразователь. Миф, который изначально объединяет этнос, идеализированно передает действительность и опыт предыдущих поколений, не допуская никакой другой возможности опыта, кроме той, которая была получена благодаря нему. Мифологическое мировосприятие акцентировано на *вневременное хранение прошлого*. Человек, который существует в пространстве мифа, в сущности, отделяется от собственной личности для поиска себя в других, теряет индивидуальность мышления, превращаясь в часть массы, толпы. В конечном счете, сознание такого человека опирается лишь на коллективный опыт предков, их мифологию. Ритуалы, традиции, быт признаются наилучшими, но, кроме этого, священными и неизменными. Главной благотворительной чертой становится индивидуальная покорность и признание единственно верными исторически сформированные стереотипы социализации и мировосприятия. Нация, которая акцентирована на «внутренний» тип развития, то есть, консервацию существующих ритуалов, типа отношений, экономических взаимоотношений, превращается в так называемую «*этническую химеру*». Химера, как явление этнической истории, фактически не может стать *нацией-государствообразователем*, так как, исходя из реального исторического развития других народов, переходит в пространство мифа, или мифического мировосприятия, которое не допускает существование никакого другого опыта, кроме переданного и освященного предками. И общество как человеческое сообщество, и государство как общественный механизм в таком случае выпадают из общими-

рового и сверхэтносного культурного и цивилизационного процесса. Состояние вневременности, замыкания на себе в индивидуальных случаях является психологической патологией — *нарциссизмом*. И подобное восприятие действительности, распространенное на уровень общества, формирует *национально-общественный нарциссизм*, который не воспринимает ничего, кроме собственного мифотворчества в противовес государствотворчеству. В истории человечества народы, функционирование которых происходило «внутри» мифа, оставались на том же уровне, когда мифология превратилась в господствующий фактор развития.

История показала, что сохранение и развитие государственного и духовного наследия в полном объеме возможно при ситуации открытости национальной культуры, развития ее в общенациональном контексте. Украина всегда была полем взаимодействия и центром встречи Запада Востока. И наоборот, можно наблюдать, это как только или же вследствие объективных обстоятельств или субъективных факторов, украинская культура подавалась консервации, выпадая из системы межкультурной коммуникации, развития ее, а значит, и политической сферы, замедлялось. Происходила акцентуация исключительно на бытовых, фольклорных традициях, что приводило, с одной стороны, к агрессивному постулированию собственной отдельности, а с другой, вследствие культурного отставания — к ассимиляции со стороны более мобильной политико-культурной системы. Желание сохранить отечественное наследие нередко во вражду ко всему «чужому». Ксенофобия и национальное самовозвеличивание всегда взаимно подживляют друг друга. Одним из наиболее опасных для развития нации есть не критическое возвеличивание «своего» в противовес всем другим, что в конце концов приводит к изоляции. Вышеуказанное дает возможность констатировать невозможность создания исторической, способной к созданию государства нации исключительно на этнических принципах. Формирование национального сообщества по территориально-географическому признаку натывается на существенные региональные расхождения украинцев. Разные субъекты украинского этноса принадлежат к разным суперэтническим системам — европейской и евроазиатской — с соответственной разницей стереотипов мировосприятия и психотипов, языковых диалектов, традиций быта, общественного поведения, которые также регионально отличны по той же причине. Расово-антропологическая ценность не присуща украинцам и также не может служить критерием национально-этнической принадлежности. Нация всегда расцветает в симбиотическом взаимодействии с наследием других народов, заимствуя чужие достижения и создавая собственные оригинальные

ценности. Нация противостоит кровно-родовой и региональной структуризации людей, их существованию на общинно-племенном уровне и неиндивидуальному мифологизированному мышлению. Человек, который находится на уровне мифологических архетипических образов, не отделяет себя от родового сообщества и не воспринимает себя как своеобразное индивидуальное, неповторимое существо, способное к творчеству и свободе, и тем более, не способен к пониманию себя в качестве политически ответственной, наделенной правами личности (то есть, гражданина). Поэтому чем более богат, развит внутренний мир человека, тем дальше он отдалется за ограниченные локальные рамки коллективного несознательного, переходя на уровень личного сознания, идентификации с самим собой. Именно эту последнюю возможность и предоставляет развитие государствообразовательного сообщества людей — нация. В отличие от этноса, нация объединяет людей как некая социокультурное и политическое сообщество, которое хоть и связано, но не всегда и не обязательно с определенным этносом. Если к этносу приобщаться коллективно, по факту рождения, то включение к национальным, культурным и политическим приобретением требует личностного социального действия, исторической темпоральности гражданского нациотворчества.

**Коршук Р.Н.,
канд. полит. наук,
доцент Киевского национального
университета имени Тараса Шевченко**

ПРОБЛЕМА НАЦИИ В ТЕМПОРАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: МОДЕРНИЗМ И ПРИМОРДИАЛИЗМ

Осмысление нации невозможно без учета темпорального измерения данного феномена. Подобное временное измерение нации позволяет проследить этапы нациогенеза, проанализировать связь нации и этноса (этнической общности), определить сущность феномена нации и т.д. Ввиду разнообразия в современном обществоведении теорий этничности, нации, этно- и нациогенеза возникает потребность определенного их обобщения. Соответственно, все имеющиеся теории и подходы условно сводят к двум основным — модернизму и примордиализму.

Модернизм стремится ответить на следующие основные вопросы: что такое нация и когда возникли нации? Каковы причины возникновения современных наций? Какую роль в формировании современных наций сыграл национализм? Модернистский подход представляют такие признанные научные авторитеты, как Г. Кон, Б. Андерсон, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Т. Нейрн, М. Хечтер, Ч. Тилли, Э. Кедури и другие. Представители модернизма стремятся раскрыть сущность современных наций сквозь призму причин их возникновения и роли национализма в процессах образования нации. На вопрос: «Когда возникла нация?», модернисты отвечают — в модерную эпоху. Хронологические рамки модерной эпохи является довольно относительными. Большинство исследователей склоняются к мнению, что начало модерной эпохи следует датировать концом XVII — второй половиной XVIII века. Модернизм категорически отрицает существование наций в домодерную эпоху, их древность, непрерывность во временном измерении национального развития. Согласно модернистской парадигмы понятие «возрождение нации» является бессмысленным. Современная наука может рассуждать не о возрождении или пробуждения, а о формировании в эпоху модерна качественно нового сообщества — нации, которая не имеет ничего общего (в лучшем случае подобная общность является минимальной) с предыдущими типами сообществ.

Несмотря на определенные различия взглядов различных представителей модернизма, данное направление представляет собой целостную и завершенную теорию. Подобную характеристику модернизма не отрицали его интеллектуальные соперники. В частности, Э. Смит, который является одним из наиболее известных оппонентов модернизма, отмечает: «Модернистская парадигма наций и национализма является наиболее продуктивным и полным из великих нарративов в данной области». [Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит. — М.: Праксис, 2004. — С. 268].

Однако, признавая преимущества этого направления, его оппоненты указывают на несоответствие многих теоретических положений модернизма историческим фактам. Современный украинский исследователь Г. Касьянов отмечает, что «известно немало исторических свидетельств того, что в древние времена, и в средние века пылали чувства тождественные «национальному сознанию» или национальной идентичности современных времен. Таких свидетельств вполне достаточно, чтобы поставить под сомнение утверждение модернистов о «случайности» или «исключительности» наций в модерную эпоху» [Касьянов Г. В. Теорії нації та націоналізму / Г. В. Касьянов. — К.: Либідь, 1999. — С. 84].

Основным интеллектуальным соперником модернизма является примордиализм (от англ. Primordial — первоначальный, исходный). Примордиалистская парадигма основывается на трех основных взаимосвязанных тезисах:

1. Этноты (этнические сообщества, этничность) имеют древние корни, они являются естественными образованиями, в той или иной форме они существовали всегда. Нации не являются специфическими современными образованиями — это лишь современная форма функционирования и проявления древнейших форм межличностных отношений.

2. Этническое родство имеет объективный и естественный характер.

3. Этническая принадлежность рассматривается как данность — ее не выбирают, с ней рождаются.

Основателем современного примордиализма считается Э. Шилз, который разработал основы этого направления в своей статье «Примордиальные, личные, религиозные и гражданские связи», напечатанной в «Британском социологическом журнале» в 1957 году. Представители примордиализма Э. Шилз, К. Гиртц, П. Ван ден Берг и другие считали, что в еще «домодерную» эпоху сложилась система взаимодействия между людьми в рамках определенных коллективов (этносов, наций), основанная на языковых, культурных, религиозных, расовых, этнических, территориальных и других связях. Этническая группа и нация — это общность, сформировавшаяся естественным путем, в результате действия объективных факторов, а не целенаправленной деятельности людей. Соответственно, этническая идентичность, этнические чувства также имеют естественный характер, основываются на кровных и культурных связях. Эти чувства закреплены в подсознании человека и находят свое выражение в чувстве родства с членами собственной этнической общности.

Недостатком примордиализма является отсутствие собственно четкой теории, культурный и биологический детерминизм. Однако, несмотря на определенные интеллектуальные недостатки, примордиальные штампы на сегодняшний день доминируют в массовом сознании и пользуются большой популярностью в научных кругах. Современные учебники по истории в большинстве стран мира построены согласно постулатам примордиализма. Распространение в массовом сознании примордиальных штампов вполне логично, ведь любому человеку импонирует факт принадлежности к национальной общности с древними корнями и многовековой непрерывной во времени историей. Подобные взгляды играют важную идеологическую роль, они цементируют национальные сообщества, выступают основой формирования национальных мифов и т.д.

**Миклащук И.Н.,
канд. полит. наук,
доцент Киевского кооперативного
института бизнеса и права**

СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ И ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Масштабные преобразования во всех сферах общественной жизни в глобальном масштабе, и Украине, в частности, предопределяют необходимость осмысления особенностей форм социального времени. Социальное время представляется как продукт общества и общественных отношений. В современном мире, в отличие от традиционного, нет единственной для всех модели социального времени. Социальное время характеризуется своей относительностью и множественностью. Феномен социального времени тесно связан с идеей социального прогресса.

Категория социального времени отображает ритмы деятельности социальной группы и их специфическое, общее для данного общества представление о социальном времени. Соответственно, социальное время — это некоторая система координат, в которой находятся социальные объекты и события. Социальное время можно определить как «общепринятые социальной группой представления о часовых отношениях между культурно-значимыми процессами и событиями, закрепленные и восстанавливаемые культурными кодами в актах коммуникации» [Нестик Т. А. Социальное конструирование времени / Т. А. Нестик // Социологические исследования. — № 8. — 2003. — С. 12—21].

В общественных науках на сегодня различают циклическую и линейную (линейную) модели социального времени. Циклическая модель социального времени присуща всему периоду истории человечества. Она наполнена разного рода событиями, которые циклически замещают друг друга: становлением и разрушением государств, возникновением и упадком религий, процессами общественной интеграции и дезинтеграции. Здесь социальное время представляет собой цикл, в котором все возвращается назад. Особенностью социального циклического времени является «игра с нулевой суммой», где доминирует принцип перераспределения общественных благ. В условиях постоянного перераспределения сообщества достигают прогресса только благодаря экстенсивному использованию ресурсов. По причине исчерпаемости экстенсивно-

го ресурсного потенциала такие сообщества характеризуются длительными периодами застоя и острых кризисов. Сообщества, которые находятся в условиях циклического социального времени не развиваются или развиваются очень медленно. Циклическое социальное время, в большей мере, присуще государствам Востока.

Уникальность западноевропейской цивилизации в том, что ей впервые удалось вырваться за рамки циклического времени и перейти в течение последних двух веков до линейного социального времени. Западноевропейская цивилизация сумела заменить принцип экстенсивного развития интенсивным. Суть интенсивного развития заключается не в перераспределении, а творческом труде, творении нового продукта.

Перейдя к линейной модели социального времени, западноевропейская цивилизация осуществила масштабную системноформирующую миссию, которая в конечном результате привела к росту жизненных стандартов, распространения ценностей демократии. По мнению русского философа А.С.Панарина, линейное социальное время есть творческая квинтэссенция, которой присуща высокая производительность общественного развития [Панарин А. С. Философия политики: учебное пособие для политологических факультетов и гуманитарных вузов. — М.: Новая школа, 1996. — С. 73].

Необходимым признаком и преимуществом западноевропейской модели линейного социального времени является наличие демократических ценностей. Свобода слова, демократические выборы и участие народа, в представительских органах власти стабилизирует политические системы. К примеру, Б.Рассел считает, что демократические режимы в отличие от недемократических, больше тяготеют к мирному решению конфликтов. Это предопределено культурно-нормативными и структурно-институциональными обстоятельствами. Культурно-нормативные — заключаются в том, что, принимая внутривластные решения, государственные институты руководствуются ценностями и нормами присущими демократическим ценностям. Структурно-институциональные — система разделения власти, система сдерживания и противовесов ограничивает возможность принятия радикальных решений, особенно в вопросах о войне.

В отличие государства, которые находятся в условиях циклического социального времени, как правило, характеризуются наличием авторитарных режимов. Авторитарные режимы, защищая монополию незначительной группы за счет интересов большинства, ограничивают свободу слова, подавляют инакомыслие. Тем самым они подрывают основы своего существования. Такие режимы ха-

рактируются значительным революционным потенциалом, в результате чего испытывают частые кризисы и уступают место другим, как правило, тоже авторитарным режимам.

Развитие линейной модели социального времени в Украине, как и в большинстве стран Центрально-Восточной Европы, было прервано в зародыше экспериментом построения коммунистического строя. За 70-летний период потрачено колоссальные усилия, чтобы выйти за пределы циклического социального времени и создать альтернативу Западу. Однако, утопические планы, которые не отвечали общественно-политическим и социально-экономическим реалиям, испытали поражения и поиск самобытного пути обернулся возвращением к отправной точке.

Процессы демократических преобразований в большинстве восточноевропейских стран начались в одно и то же время. Однако уже сегодня, мы видим значительные отличия между странами, которые в начале 90-х годов провели системные преобразования и осуществили переход в систему координат линейного социального времени (Польша, Чехия, Венгрия и др.) и теми, которые не сделали этого (Украина, Россия, Беларусь, Молдова и др.).

Развитие событий в Украине периода независимости за своей цикличностью напоминает состояние дел в странах третьего мира. Политическая система характеризуется частыми политическими кризисами, причина которых кроется в постоянном перераспределении политических, экономических, идеологических ресурсов. Кроме того, пребывание Украины в системе циклического линейного времени повышает внешнеполитические риски. Практика последнего десятилетия подтверждает тот факт, что даже при тесном сотрудничестве между странами, которые находятся в разных моделях социального времени, между ними непременно присутствует напряженность, истоки которой, — именно в противоречии ценностей и норм.

В контексте последних революционных событий Тунисе, Египте, Ливии, и так далее в мире усиливается революционная риторика, которая находит своих сторонников и в украинском обществе. Тенденция к частому изменению политических режимов является основным признаком модели циклического социального времени. Как свидетельствует мировой исторический опыт наибольшего успеха достигают те народы, которые ударение ставят на поступательном развитии политических и экономических институтов. Революционный подход — это путь в никуда, который в результате приводит к отправной точке пройденного пути.

**Савченко И.Н.,
студент Национального университета
«Киево-Могилянская академия»**

ТРИ ПАРАДИГМЫ АНАЛИЗА ВРЕМЕНИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУКАХ

Актуальность данной проблематики заключается в необходимости концептуализировать современный взгляд на время как параметр в научном исследовании, особенно в области политических наук, где этому явлению уделялось не так много внимания, как в философии.

Время есть одним из наименее подвластных человеку явлением. Мы не можем его изменять так, как меняем пространственные элементы или даже сознание человека. Еще Аристотель в своей работе «Категории» указывал на время как одно из понятий, которое нельзя, так сказать, определить как обычное понятие. Ведь время (как и пространство и другие категории Аристотеля) не можно отнести к более обобщенным, более широким родовым характеристикам — это философские понятия. И их можно определять только через соотношение одного к другому [Аристотель. Категории / Режим доступа: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/kategorii.txt>].

Мы исходим из Аристотелевского понимания времени как последовательности событий, при которой одна часть времени существует раньше, другая — позже. Вместе с тем, мы говорим о времени как объективной реальности, по отношению к которой мы остаемся пассивными наблюдателями. Также ко времени можно относиться как к техническому параметру, о котором договорились ученые для измерения различных явлений. Важно, что пользование данным параметром возможно не только в точных науках или истории, но и в политическом исследовании

В этом подходе (как и в целом в политической практике) прошлое есть не менее эфемерным, чем будущее, — именно через возможность новых и новых спекуляций в соответствии с часто изменчивой доминирующей позицией в нестабильном обществе. Известные слова с культового произведения «1984» Дж. Оруэлл гласят: «Кто управляет прошлым — тот управляет будущим; кто управляет настоящим — тот управляет прошлым» [Оруэлл Дж. 1984. — М.: АСТ МОСКВА, 2008. — С. 35]. Фрейминг может критически менять акценты событий соответственно к своему источнику (то есть интерпретатора истории) и здесь не имеет значения,

когда это событие произошло или произойдет — оно все равно будет разменной монетой спекуляции.

СУДЬБА

В парадигме Судьбы случайности не существует. Всякая случайность — это скрытая необходимость, или, как писали К. Маркс и Ф. Энгельс, «где на поверхности происходит игра случая, там сама эта случайность всегда оказывается подчинённой внутренним, скрытым законам. Все дело только в том, чтобы открыть эти законы» [Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения — 2 изд., т. 20. — С. 361]

Формой предвидения в политической аналитике является политическое прогнозирование — такую мысль высказывает А. Баронин в своей работе «Анализ и прогноз в политике и бизнесе». При этом он наводит слова Шпенглера про то, что единой целью любой науки есть предвидение [Баронин А.С. Аналіз і прогноз у політиці та бізнесі: Курс лекцій. — К.: Вид. ПАЛИВОДА А.В., 2005. — С. 94].

ЭФФЕКТ БАБОЧКИ

Термин «эффект бабочки» непосредственно переплетается с теорией хаоса [Wolfram S. A New Kind of Science (Wolfram Media, 2002) / Режим доступа: <http://www.wolframscience.com/reference/notes/971c>] и метафорически отражает возможность серьезных последствий незначительных и непредвиденных событий. Сам термин принадлежит метеорологу Э.Лоренцу, который, в свой час, сделал предположение, что мощный шторм при некоторых обстоятельствах может быть следствием взмаха крыл маленькой бабочки [Бородкин Л.И. Методология анализа неустойчивых состояний в политико-исторических процессах // Международные процессы. — 2005. Том 3. № 1 (7) / Режим доступа: <http://cliodynamics.ru>].

Парадигма Эффекта Бабочки исключает предназначение и необходимость. Время, в котором мы находимся, рассматривается не как неизменная в своём русле речка, а как бурлящий непредсказуемый океан. Следовательно, случайность в этой парадигме занимает центральное место.

За этим подходом, в зависимости от уровня осуществимости, мы можем говорить о нескольких типах будущего: нормативное, вероятное, потенциальное.

У эффекта бабочки есть мировоззренческая и одновременно методологическая проблема. Она заключается в том, что если парадигма Судьбы поощряет нас делать прогнозы и предвиденья, то парадигма Эффекта Бабочки, по большому счету, указывает на то, что точный анализ есть очень сложным и учесть все факторы, которые могут иметь решительное значение, невозможно.

«ПОРЯДОК ИЗ ХАОСА»

Альтернативный взгляд на возможность организации большого количества событий и альтернатив этим событиям на протяжении определённого временного континуума предлагает синергетический подход. «Порядок из хаоса» — именно так называется одна из главных работ И.Пригожина — основоположника синергетического подхода в науке. По сути, синергетика есть учением о самоорганизации и универсальных закономерностях развития сложных нелинейных динамических систем, которые могут поддаваться резким изменениям в периоды нестабильности [8] (в момент прохождения точек бифуркации). Этот подход есть чем-то средним между двумя предыдущими, что были разобраны выше. Характерной особенностью сложной системы есть то, что она всегда имеет несколько альтернативных путей развития и, следовательно, возможных, вариантов будущего, в зависимости от того, какой из вариантов был избран.

В данном случае основным фактором, который влияет на смену хода событий, есть решение.

Подводя итог, мы выделим основные выводы:

6. Если мы рассматриваем время как поток событий, перед нами возникает вопрос, каким образом данный поток движется.

7. Поток можно рассматривать, по меньшей мере, линейно либо разветвлено.

8. События во многом зависят от наших решений, а решения ограничиваются возможностями, как нашими, так и других акторов. Потому на практике поток событий нельзя свести к одной линии, но и количество возможных бифуркаций ограничено.

9. Итак, мы имеем дело с «дорожной картой», которая демонстрирует порядок в хаосе возможных событий.

10. Данная модель имеет практическое применение как метод политического прогнозирования.

**Сухомлин Е.Г.,
магистрантка Киевского
национального университета имени Тараса Шевченко**

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Считается, что циклическая и линейная модели развития были экстраполированы на сферу политики из исторической науки и культурно-цивилизационных студий (studies). Сущность первой,

циклической, можно свести к утверждению, что существуют фазы зарождения, расцвета и упадка цивилизаций, обществ и государств. Линейная модель предполагает взгляд на развитие человечества как на линию необратимого прогресса, стремящегося к определенной цели. Хотя циклическая и линейная на парадигмы общественно-исторического развития возникли еще за несколько тысячелетий до нашей эры, они продолжают сосуществовать в теориях как западных, так и отечественных исследователей. В частности, линейный подход к развитию общества проявлен в работах Ж.А. Кондорсе, К.-А. Сен-Симона, Г.В.Ф. Гегеля и О. Конта, К. Маркса, Г. Спенсера, учении о ноосфере В. Вернадского, концепциях коэволюции Е. А. Афонина, а также Н.Н. Моисеева, конца истории Ф. Фукуямы, теории неравновесных систем И. Стенгерс и И. Пригожина, концепции стабильного развития Д. Германа и пр. Циклическая модель развивалась в цивилизационных подходах Дж. Вико, М. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, а также в теории экономических циклов Н. Кондратьева, большой длительности Ф. Броделя, мир-системном анализе И. Валлерстайна, концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона. В политологии циклическая парадигма была концептуализирована в теории длинных циклов Дж. Модельски и У. Томпсона, исследовавших фазы подъема и упадка государств в контексте мировой политики.

Актуальной проблемой исследований политического времени является поиск ответа на вопрос о том, по какой же модели времени все-таки развиваются политические системы. С одной стороны мы видим распространение принципов демократии на большинство стран мира, рост гражданского образования и правосознания, эмансипацию отдельных групп общества, лишенных ранее большей части основных прав (чернокожее население, женщины, дети). Все это действительно может произвести впечатление линейного прогрессивного развития большинства политических систем в направлении прогресса и совершенствования. Но с другой стороны, мы наблюдаем экономические и политические кризисы, многочисленные манипуляции сознанием граждан со стороны политиков, рост уровня коррумпированности должностных лиц, корпоративизацию политики и политизацию СМИ. Эти явления противоречат гипотезе о необратимом прогрессе, процветании и светлом будущем без проблем. Нашим заданием будет разрешить проблему оптимальной модели политического времени для исследований политических систем.

Еще Полибий изобразил картину исторического процесса сквозь циклические смены форм государственного управления: монархии — тирании — аристократии — олигархии — демократии — охлократии [Бебик В. М. Сучасна глобалістика: провідні концепції і

модерна практика. — К.: Університет «Україна», 2006. — с.11]. Не-сколькo напоминает закономерность смены власти у Платона, выделяющего пять фаз государственного правления: аристократия (власть достойных) — тимократия (власть честолюбивых) — олигархия (власть имущих) — демократия (власть народа) — тирания (единоличная власть тирана, силы) [См. Платон. Государство. - Режим доступа: <http://www.klex.ru/books/gosudarstvo.rar>]. Не миновала циклическая парадигма и восточную традицию. В китайской политической культуре, например, довольно глубоко укоренена вера в т. н. династические циклы. Компаративист Рольф Г. В. Син (Rolf H.W. Theen) пишет, что каждой из 24 императорских династий приписывалось прохождение династического цикла, состоящего из пяти фаз: 1-установление морального и легитимного правления; 2 — период интеллектуального обновления; 3 — эпоха коррупции и нарушения правителями законов; 4 — фаза стихийных бедствий (как знамение); 5 — свержение режима путем народного восстания или внешнего завоевания. Весьма интересен тот факт, что землетрясение в Пекине в сентябре 1976 года, предшествовавшее смерти Мао Цзе Дуна, рассматривалось многими традиционалистами как знамение династического цикла [Comparative politics: an introduction to seven countries / Rolf H.W. Theen, Frank L. Wilson.- 2nd ed.- Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1992, p.466].

В современности упомянутые концепции были подкреплены «законом циркуляции плит» В. Паретто, который сводится к следующей схеме: «А — элита, находящаяся при власти. В — элита, которая пытается ее вытеснить, чтобы занять ее место. С — остальное население. Лидеры А и В, видящие в С армию без командира, рассчитывают привлечь С на свою сторону в качестве послушного инструмента. [...] В большинстве случаев В удается возглавить С, тогда как А в ложной уверенности теряет время[...]. Когда же В или путем инфильтрации в А, или прямого вытеснения последней приходит к власти, С остается лишенным вождей, поднявших его на борьбу. Но самым важным является то, что возникает новая элита — Д, играющая ту же роль, которую играла В по отношению к А. В дальнейшем В обречена на то, чтобы разделить судьбу А. Циркуляция элит, по мнению В. Парето, есть проявление процесса жизнедеятельности общества». Нарушение этого кругооборота ведет к «кристаллизации», когда общество застывает в неподвижности, подобно тому, как это случилось, например, с Византией, в которой В. Парето усматривал образец стагнирующего бюрократического режима [П.Ю. Рахшмир. Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX века. — Режим доступа http://society.polbu.ru/rahshmir_ideas/ch12_i.html].

Модель политических циклов нашла свое эмпирическое применение в исследованиях представителей американской политической науки. Г. Адамс в конце XIX в. писал о взмахах маятника политической жизни США периодичностью 12 лет. А. Шлезингер-старший в 1949 г. выделили 11 циклов смены политического курса после принятия Декларации о независимости; из них 6 являются периодами демократии, 5 — ее сдерживания [Яковец Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. — М.: Наука, 1999. — с.147]. Средняя длительность этих 11 периодов, по словам А. М. Шлезингера-младшего, составляет 16 с половиной лет. А. Шлезингер-старший отрицал образ маятника Г. Адамса, поскольку последний предполагал колебания между двумя недвижимыми точками. Цикл не возвращает нацию к предыдущему положению. После возвращения консерваторов к власти либеральные реформы обычно не сводятся на нет. Наиболее оптимальным образом, по словам А. Шлезингера-старшего, является спираль, в которой витки повторяются на все более высоких уровнях и позволяют происходить процессу аккумуляции перемен [А. М. Шлезингер-младший. Циклы американской истории/Пер. с англ. Терехова В.И. — М.: Издат. Группа «Прогресс-Академия», 1992 — с.42].

Следовательно, согласившись со схемой А. Шлезингера, можем прийти к выводу, что развитие политических систем происходит по восходящей, имеющей спиралевидную природу, которая объединяет в себе элементы циклической и линейной парадигм. Переход на высшую ступень развития политической системы обусловлен сменой одного, нескольких или всех параметров порядка, которыми могут выступать политическая культура, политическая идеология, политический режим, форма правления или политическое устройство. Когда политическая система переходит на высший уровень, она снова проходит те же фазы политического цикла, которые проходила до этого, но их сущностная характеристика отмечается определенными модификациями и/или усовершенствованиями.

**Шейко Ю.А.,
аспирант Национального университета
«Киево-Могилянская академия»**

ТЕХНОЛОГИЯ ТЕМПОРАЛИЗАЦИИ В ПОЛИТИКЕ И ОБЩЕСТВЕ

Следуя за Никласом Луманом, системно-коммуникативная теория общества которого была использована в качестве метатеории

для данного доклада, основные идеи мной будут выражены с помощью форм — различений, которые имеют две стороны.

Первое различие касается понимания времени — как трансцендентальной сущности и как акциденции. Время как акциденция предмета не имеет самостоятельного существования. Соответственно, возникает множество разных времен и, как следствие, появляются разнообразные временные горизонты — понятие, которое, в частности, использует Н. Луман.

Из предыдущих размышлений можно сделать вывод: модифицируя временную переменную предмета, мы влияем на сам предмет. То есть, следует говорить о временной технологии в общественной и политической реальности. Одной из центральных форм в теории Н. Лумана является актуальное/потенциальное. Базовой формой восприятия времени в западноевропейской традиции является прошлое-настоящее-будущее. Но форма имеет лишь две стороны, поэтому есть смысл говорить о форме современное/отсутствующее в современном (вторая сторона объединяет и прошлое, и будущее, и никогда не существующее). Данная форма близка к форме актуальное/потенциальное, однако не тождественна ей и отличается, в частности, переходами между сторонами различения.

По моему мнению, основной технологией в социальной сфере является темпорализация/детемпорализация (второй термин предложен мною и подлежит уточнению). В частности, относительно насилия Н. Луман описывает технику темпорализации, которая заключается в смещении насилия в направлении того или другого неактуального, но релевантного горизонта современности. Смещение может происходить как в прошлое, так и в будущее. Так, основание Рима связывается историками с братоубийством. То есть насилие может интерпретироваться как начало системы или как будущее событие, которое может наступить при определенных, всем известных обстоятельствах. Темпорализации заменяют плоскую вседушность насилия на конкретику регулируемой современности, которая является совместимой с временными горизонтами неактуального прошлого или будущего.

Подобную технику описывает Поль Рикер с помощью понятия забвения, сущность которого заключается в том, что некоторые события забываются ради того, чтобы всегда присутствовать и одновременно быть потерянными. Так, в частности процесс основания сообщества должен быть забытым, после чего возможна его «сакрализация» в том или ином виде. Процедуре забвения подлежат события и явления, актуальное присутствие которых в современном является невыгодным или вредным. Но их незримое, опосредованное присутствие остается.

В сущности темпорализация не является в чистом виде потенциализацией, поскольку выводит явление из актуального современного не в потенциальное, которое может в любой момент актуализироваться, а в потенциальное прошлое или будущее. Целью является то, что темпорализованное событие не может актуализироваться в современном, а лишь в каком-то другом времени.

Противоположный процесс — детемпорализация — заключается во введении в современное отсутствующего в нем — введение в потенциальное современное, которое может потом актуализироваться. Если раньше данная техника обращалась больше к прошлому, то сейчас — к будущему. Примерами техники введения в современность является планирование, прогнозирование, принятие бюджета: в соответствии с ними будущее, которого не существует, становится реальным в современном, превращается в нынешнюю действительность и влияет на нее. Другим важным примером является экология, а именно, экологический дискурс в современном обществе. Опасность для экосистемы Земли, экологические катастрофы, гибель жизни или человечества, — вероятность данных перспектив остается вопросом, как сама собой, так и временные координаты такой альтернативы. Однако такое состояние планеты является актуальным в современной социальной, политической, экономической реальностях.

Представленные в докладе идеи предлагают схему, с помощью которой, как считает автор, можно по-новому осмыслить определенные явления и события социальной и политической реальности.

**Якубин А.Л.,
канд. полит. наук,
независимый исследователь**

ОТ ПОЛИТОЛОГИИ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ: СЛУЧАЙ МЕТАМЕТОДОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Не секрет, что вопросы методологии специально почти не концептуализуются отечественной политологией, даже на уровне написания отдельных диссертационных исследований [Кармазина М. Політична наука в Україні: дисертаційний аспект/М. Кармазіна // Політичний менеджмент. -2008.- № 3(30). — С. 17-28]. Среди возможных объяснений этого, достаточно аргументированной, представляется гипотеза некоторых крымских исследователей, что в

Украине после 1991 года состоялся лишь переход от *марксистского обществоведения к политологии, как промежуточного звена на пути к политической науке* [Политическая наука в Украине: становление и перспективы/ Под ред. д.ф.н. О. А. Габриеляна, д.ф.н. А. Д. Шоркина. — Симферополь, 2002. — 344 с.]. Последняя же, в противовес отечественной политологии (с ее акцентом на истории политических учений, концептуальной завершенностью, репродуктивностью и т.д.), характеризуется значительным вниманием именно к методам и техникам исследования политического, рефлексией собственных методологических оснований, общим методологическим плюрализмом. Посему именно *развитие методологической составляющей отечественной политологии* может быть залогом превращения ее из абстрактного набора концептуальных шаблонов на ориентированную на новые исследования теоретико-эмпирическую политическую науку.

В связи с этим, беру на себя смелость выдвинуть в качестве гипотезы, утверждение, что в случае с политической темпоральностью и методологическими принципами ее исследования, такой теоретико-эмпирической основой может стать метаметодология *политического времени*. Ведь, как пишет М. Бевир (M. Bevir) (2008): «Метаметодология — это целенаправленное сосредоточение теоретической рефлексии на вопросах какие именно методы подходят к изучению тех или иных аспектов политики и при каких условиях. Это способ понять какие типы знания и объяснений соответствуют типу объектов, исследуемых политической наукой» [Bevir M. *Meta-Methodology: Clearing and Underbrush*/ M. Bevir // *The Oxford Handbook of Political Methodology*; edited by Box-Steffensmerer J. M., Brady H., Collier D. — Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 48-71, p.64]. По его мнению, важность метаметодологий конкретных концепций (традиций, отраслей) политической науки (таких, как бихевиорализм, теория рационального выбора, институционализм и др.) заключается в том, что когда мы знаем какой тип знания и объяснения является подходящим для определенной исследуемой сферы, только тогда можно определить, какие методы являются лучшими для ее продуктивного исследования. Эта мысль в полной мере относит и к политическому времени и связанной с ним метаметодологии.

Следовательно, тщательное исследование темпорального измерения политики и систематизация уже имеющихся методов / концептов политической темпоральности требует комплексного и сбалансированного подхода, направленного на решение поставленных задач. Для этого выбрана стратегия сочетания трех методологических инструментов: *концепция диапазонов (уровней) темпорально-*

сти (Ф. Бродель, И. Валлерстайн, И. Чихарев), идея о дисциплинарной секторной гибридизации политической науки Маттея Догана (Mattei Dogan), и «четырёхуровневый синхронный подход» Н. Дж.Смелзера (NJSmelser). Вместе эти методологические инструменты и могут стать основой метаметодологии политического времени.

Теперь кратко охарактеризуем каждый из этих методологических инструментов.

Методологическую основу указанной систематизации составляет концепция *уровней темпоральности*. Она была сформулирована еще исторической школой «Анналов». Наиболее развернутую ее трактовку дал Ф. Бродель в эссе «История и социальные науки. Историческая длительность» [Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность/ Ф. Бродель // Философия и методология истории [Сборник переводов]. — М.: Прогресс, 1977. — С. 115—142]. Он выдвинул важное предположение относительно существования в структуре «реальности» определенной типологии пластов социально-политической темпоральности и последовательности ее преобразования. Этот подход был заимствован «мир-системным анализом». Дальнейшую разработку он получил в концепции «пространственно-временных реальностей» (TimeSpace realities) И. Валлерстайна [Валлерстайн И. Изобретение реальностей времени-пространства: к пониманию наших исторических систем/ И.Валлерстайн // Время мира: Альманах современных исследований по теоретической истории макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций; [Под ред. Н. С. Розова]. — Вып.2: Структуры истории. — Новосибирск, 2001. — С. 102-116]. Этот ученый показал важность различения форм времени в контексте методологических проблем современных социальных наук в целом. Кроме этого, И. Валлерстайн выделил еще одну форму темпоральности: трансформационное пространство-время, момент бифуркации, переход от одной исторической системы и соответственно «большой длительности» в другую.

Интерпретацию концепции форм времени в пределах хронополитики, как методологических принципов исследования политического времени сделал И.А. Чихарев [Чихарев И.А. Хронополитика в теории мировой политики [Чихарев И.А. Хронополитика в теории мировой политики][Лучшие кандидатские диссертации философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова]/ И.А. Чихарев. — М.: Современные тетради, 2006. — С. 45-46].

По его мнению, политическая темпоральность проявляет себя в таких формах, как: (1) реальное время (время событий) — «политическая хроника», (2) ритмах, конъюнктура, присущих функцио-

нированию определенных политических систем — «политической хронографии»; (3) времени, связанном с длительностью существования определенных политических систем, выделении качественно отличных форм политической организации; (4) «вечном» времени, связанном с включением форм политической организации в общую логику политического развития, выделением универсальных законов политики.

Важным качеством метаметодологии политической темпоральности является ее междисциплинарный характер, или точнее, если следовать за идеей М. Догана, ее гибридность [Dogan M. *Political Science and the Other Social Sciences*/ M. Dogan // *New Handbook of Political Science*; edited by Robert E. Goodin, Hans-Dieter Klingemann. — Oxford: Oxford University Press, 1998. — P. 98-125, p. 98-125]. По его мнению, процесс специализации в рамках политической науки генерировал усиление фрагментации в отдельных «секторах» политической науки, которые не являются аморфными, а скорее хорошо организованными и творческими в своих методологических подходах.

Это связано с тем, что политическая наука и другие социальные / естественные науки имеют в реальности связи между различными секторами собственной дисциплинарной матрицы, а не со всей дисциплиной. К таким «секторам» мы можем отнести и методологию политической темпоральности. Ее «гетерогенность» долгое время усиливалась взаимообменом с сопредельными к «материнской» политической науки «соседними дисциплинами» через налаживание «мостов» между специализированными исследовательскими полями различных социальных / естественных наук. Поэтому методологию политической темпоральности нельзя назвать в обычном смысле междисциплинарным открытием. Следовательно, исходя из логики М. Догана, методологию / концепцию политической темпоральности можно считать своеобразным гибридом, результатом и процессом «перекрестного опыления» различных секторов таких наук (в нашем случае тех дисциплинарных секторов, исследующих темпоральность в социологии (исторической социологией или социологией времени), экономике (политической экономией времени, клиометрией), истории (метаисторией, историософией), психологии (психологией времени), философии (философией истории, эпистемологией), биологии (хронобиологией) и т.д.).

Учитывая специфику политической сферы и ее общность со сферой социального, и используя указанный подход диапазонов темпоральности, идею о дисциплинарной гибридности методологии политической науки, конвертируем их с «четырёхуровневый

синхронным подходом», предложенным Н. Смелзером [Smelser N.J. *Problematics of Sociology*/ Smelser N.J.; [The Georg Simmel Lectures, 1995]. — Berkeley-Los Angeles-London: University of California Press, 1997. — 111 p.]. Это позволяет выделить: (1) микроуровень, связанный с анализом поведения отдельной личности, ее реакциями на «ряд событий» («политическую хронику»), и с ее соответствующими темпоральными представлениями («временными горизонтами»), опытом, различными фазами политической активности, хронополитикой в принятии политических решений; (2) мезоуровень (средний или промежуточный), которым обозначены структурно-темпоральные феномены, связанные с некоторыми аспектами функционирования институтов и организаций (их «политической хронографией»), которые достигают / не достигают общегосударственного уровня, но не выходят на межгосударственный уровень взаимодействия; (3) макроуровень, объединяющий темпоральные аспекты общегосударственного и межгосударственного взаимодействия, «глобальную политическую эволюцию» и т.д. Н. Смелзер выделял кроме макроуровня еще четвертый уровень — глобальный (или — мультиобщественный), но вследствие общей содержательной близости третьего и четвертого уровней, в данном исследовании, считаю, что их можно рассматривать в рамках одного макроуровня. Применяя указанный подход к темпоральному измерению политики и дальнейшему структурированию методов / концептов политического времени, следует отметить, что я не рассматриваю эти уровни, как имеющие кардинальные свойства, или отражающие определенные, легко узнаваемые политические «реальности». Собственно говоря, различие этих трех уровней является в лучшем случае аналитически полезным, а в худшем — аналитически вредным.

Важно также отметить, что метаметодология политического времени работает по принципу «воронки причинности» [Мельвиль А.Ю. «Воронка причинности» и волны демократии / А.Ю. Мельвиль, В.М. Сергеев // Россия. Политические вызовы XXI века. Второй всероссийский конгресс политологов. 21-23 апреля 2000 г. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. — С. 223-225], и в реверсном направлении. Ее использование к исследованию «политической реальности» и концептам / методам политической темпоральности предусматривает осуществление их полифакторного анализа, от микро- к макроуровню и наоборот (при необходимости).

С точки зрения их полезности, эти различия предлагают рациональный способ организации рассмотрения проблемы — по продолжительности (масштабу) временного отрезка и по сути описы-

ваемых объектов, с параллельным использованием достижений смежных дисциплин по указанной проблематике; но даже здесь существует ряд затруднений, так как некоторые проблемы проявляются не только на одном аналитическом уровне, требуют адаптации к сфере политического уже имеющихся темпоральных методов / концептов ее исследования. С точки зрения вредности, это разделение на три уровня может вести к их опредмечивания, к мысли, что эти уровни являются сепаратными и отдельными типами политической «реальности», к размытию «политического», методологическому хаосу, способствуя, тем самым, искривлению нашего общего понимания феномена политической темпоральности.

Итак, предлагаем, с учетом указанных оговорок и новелл, в методологических целях посмотреть на политическое время сквозь призму его микро-, мезо-и макроуровня, используя для этого существующие современные концептуальные разработки полидисциплинарного характера.

Секция III

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ВРЕМЕНИ

**Александров Ю.М.,
независимый исследователь**

ВРЕМЕННАЯ КООРДИНАТА ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ В СИСТЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ

Согласно идеям Д. Леонтьева, А.В. Серого, М.Р. Гинзбурга, К.А. Абульхановой, временная локализация ценностей и смыслов, личностное отношение ко времени, временная перспектива играют одну из ключевых ролей в понимании человека как субъекта жизненного пути, как сложной самоопределяющейся мультирегуляторной системы динамично взаимодействующей с миром при учете прошлого, настоящего и будущего. Фактически, развитая (в том числе и во временном аспекте) ценностно-смысловая сфера имеет важнейшее значение для продуктивного включения личности в мир, гармоничного развития и адекватного самоопределения человека, т.е. его благополучия. Как известно, человек может жить преимущественно в прошлом, настоящем или будущем, или черпать смысл из них всех. Он может опираться как на свой прошлый опыт, умения и решения, на поставленные на будущее планы и цели, так и на развивающуюся здесь и теперь детерминацию настоящим, открывающиеся новые возможности, новый опыт, не отдавая безоговорочно свою свободу, свое решение ни застывшему опыту, ни поставленным целям, ни текущей ситуации.

В своем эмпирическом исследовании мы поставили *целью* исследовать смысловую насыщенность прошлого, будущего и настоящего во взаимосвязи с системой психологического благополучия личности. *Выборку* для различных процедур составили от 157 до 274 студентов харьковских вузов. Основной для исследования стала разработанная с учетом работ Р. Эммонса, Е.Б. Фанталовой, Н.Р. Салиховой, Л.В. Куликова, А.S. Waterman и других методика

«10 ценностей» для изучения ценностно-смысловой сферы личности. Методика заключается в оценке 10 наиболее значимых в жизни респондентов ценностей по ряду параметров, включая важность ценностей и смыслов в прошлом, настоящем, будущем и в целом по жизни. При этом можно как изучать данные шкалы отдельно, так и провести оценку взаимосвязей этих показателей в индивидуальной ценностно-смысловой сфере.

Опишем наиболее важные *результаты*. Отметим, что студенты в большей мере живут будущим, затем настоящим и лишь затем — прошлым. Об этом свидетельствует уровень смысловой насыщенности (важности) ценностей в соответствующие временные периоды, а также уровень взаимосвязи соответствующих интервалов с общей жизненной значимостью ценностей (корреляции Спирмена (ρ) усредненных значений по каждому периоду с общей жизненной значимостью по всей выборке равны 0,736; 0,689; 0,575 соответственно; $p < 0,001$ во всех случаях). Как подтверждение этих же соображений, смысловая насыщенность настоящего в большей мере взаимосвязана с соответствующим показателем будущего ($\rho = 0,743$; $p < 0,001$), чем обе эти шкалы с прошлым ($\rho = 0,569$; $p < 0,001$; $\rho = 0,510$; $p < 0,001$ соответственно). То есть студенты определенным образом дистанцируются от прошлого и считают свое настоящее гораздо более близким к будущему, чем к прошлому. Важность ценностей для будущего в наибольшей из трех временных интервалов мере взаимосвязана с радостью от достижения или осуществления важнейших для человека ценностей. Тогда как смысловая выраженность ценностей настоящего наиболее, по сравнению с прошлым и будущим, связана с огорчением от нереализации или несоответствия ценностям, усилиями по воплощению ценностей в жизнь, а также личностной экспрессивностью ценностей (их соответствием истинному «Я»). Прошлое же — с инструментальностью ценностей (их гармонией друг с другом). То есть можно предположить, что будущее создает привлекательный образ для достижения, который подкрепляет поведение позитивными эмоциями; настоящее несет санкции за неосуществление важных для себя ценностей, является полем приложения усилий для реализации своих ценностей и смыслов, а также связано с наибольшей интернализацией последних, их интересностью при реализации; в то же время прошлое в наибольшей мере создает основы для конструктивного соотнесения ценностей друг с другом, их синергии и гармонии.

При проведении анализа с привлечением шкалы удовлетворенности жизнью Э. Дайнера и обобщенного показателя шкал психологического благополучия К. Рифф как одних из наиболее при-

знанных индикаторов психологического благополучия человека как в гедонистическом, так и эвдемонистическом понимании, было обнаружено следующее (p во всех случаях $< 0,05$). Различия между студентами с различным уровнем удовлетворенности жизнью (проводилось разделение по уровню выраженности соответствующей шкалы на квартили при объединении второго и третьего квартиля в одну, среднюю, группу) по дисперсионному анализу взаимосвязаны с умением радоваться тому, что считается важным для будущего, делать доступным то, что важно в настоящем, для будущего и в целом для жизни, прикладывать усилия для реализации важного в настоящем, видеть в будущем место для своих настоящих, соответствующих истинному «Я», ценностей и готовность интегрировать их в определенную гармоничную целостность. Во всех случаях наблюдаем следующую картину. С переходом от группы с более низкой к группе с более высокой удовлетворенностью жизнью возрастают и средние показатели рассматриваемых шкал. Различия между студентами с различным уровнем обобщенной шкалы психологического благополучия (процедура статистической обработки и выделения групп аналогична описанной выше) связаны с умением быть уже удовлетворенным тем, что считается важным для будущего.

Таким образом, можно сделать следующие *выводы*. Ценностно-смысловая сфера студентов является достаточно сложной, с возможностью выделения различных измерений, которые взаимосвязаны и взаимовлияют друг на друга. Одним из важнейших таких измерений являемся временное в его психологическом преобразовании. При этом испытываемые умеют ценить и прошлое, и настоящее, и будущее, находя смысл в каждом из этих интервалов собственной жизни. В то же время, студенты, что совершенно логично и позитивно для их возраста, в большей мере ориентированы на будущее и считают его более сходным с настоящим, чем оба этих времени с прошлым. Будущее является более позитивно мотивирующим, настоящее — сферой самоактуализации и недовольства по поводу недостаточного соответствия собственным ценностям, тогда как прошлое вносит свой вклад в умение соотносить ценности для их гармонизации. Следует отметить, что для психологического благополучия важной может быть не столько большая смысловая выраженность того или иного времени, сколько система связей временного измерения с другими измерениями и гранями ценностно-смысловой сферы: прежде всего с умением радоваться и быть удовлетворенным тем, что важно для будущего, прикладывать усилия для реализации ценностей и смыслов настоящего и будущего, делая их доступными и видя смысл в имеющихся возмож-

ностях среды и собственных действиях, способностью видеть в будущем место для своих настоящих, соответствующих истинному «Я», ценностей и готовностью интегрировать их в определенную гармоничную целостность.

Перспективами дальнейших исследований может быть сочетание предложенного подхода с каузометрическим, проведение кроме количественного, еще и качественного анализа ценностей (в частности, используя контент-анализ), использование наработок психологии потоковых переживаний.

**Аноприенко А.Я.,
канд. тех. наук,
доцент Донецкого национального
технического университета**

НООРИТМЫ — ЭФФЕКТИВНАЯ МОДЕЛЬ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Понять, что было, и знать, что будет, — именно эта задача в первую очередь побуждает человека и человечество заниматься структурированием исторического времени. И если время текущее в пределах от секундных до годовых интервалов структурировано достаточно хорошо и уже, похоже, окончательно вплоть до глобального уровня, то со структуризацией исторического времени ситуация выглядит пока еще отнюдь не так благополучно. Здесь по-прежнему слишком большое влияние оказывают политические, конъюнктурные и локально обусловленные факторы. В то же время необратимая глобализация всех процессов и переход цивилизации в стадию ноосферы требуют более согласованного и объективного подхода к структурированию исторического времени, позволяющего более эффективно понимать и объяснять динамику социальных процессов в прошлом и более надежно прогнозировать ее хотя бы в пределах жизни нескольких поколений.

Детальный анализ динамики исторических процессов как с социальной и с психологической точек зрения, а также — реальной эффективности существующих подходов к структуризации многолетних интервалов исторического времени, позволил сформулировать достаточно целостную и непротиворечивую концепцию нооритмов [Аноприенко А.Я. Нооритмы: Модели синхронизации

человека и космоса. — Донецк: УНИТЕХ, 2007. — 372 с., ил.] как относительно простую и эффективную модель структурирования исторического времени, отвечающую основным требованиям наступающей информационной эпохи [Аноприенко А.Я. Нооритмы и время в информационную эпоху // «Время в зеркале науки». Специальный выпуск сборника научных трудов «Гуманитарные студии». Часть 1. — К.: Центр учебной литературы, 2010. С. 291-305].

Основные положения концепции нооритмов заключаются в следующем:

1. Циклы Кондратьева (50-летние), понимаемые в настоящее время преимущественно как циклы исключительно экономической конъюнктуры, имеют, по всей видимости, космогенный характер и могут служить основой структуризации исторического времени не только в новейшее время, но и на протяжении всей истории цивилизации. При этом положительной фазе этих циклов свойственны преимущественно интеграционные и «левополушарные» процессы, а отрицательной — дезинтеграционные и «правополушарные» процессы.

2. Циклы солнечной активности (примерно 12-летние «циклы Чижевского») оказывают существенное влияние на историческую и социальную динамику, но характер этого влияния (позитивный или негативный) определяется преимущественно текущей фазой циклов Кондратьева.

3. Амплитуда циклов Кондратьева модулируется примерно 500-летним циклом, достигая максимумов на рубежах и в середине тысячелетий, что, в частности, способствовало их современному выявлению именно в XX веке, накануне смены тысячелетий.

Оптимально соответствующей смене фаз и амплитуды циклов Кондратьева является так называемая «византийская» система летоисчисления «от сотворения мира», ведущая отчет от 5508 года до н.э. и уходящая корнями в ту далекую эпоху «допотопной» цивилизации [Аноприенко А.Я. Атлантида и индоевропейская цивилизация: новые факты, аргументы и модели. — Донецк: УНИТЕХ, 2007. — 516 с.], когда на основе продолжительных наблюдений за окружающим миром начали формироваться первые эмпирические модели исторической динамики [Аноприенко А.Я. Археомоделирование: Модели и инструменты докомпьютерной эпохи. — Донецк: УНИТЕХ, 2007. — 318 с.].

4. Начальные даты отсчета наиболее традиционных систем летоисчисления «от сотворения мира» и «от Рождества Христова» имеют достаточно ярко выраженный космогенный характер. В частности начальный год отсчета «нашей эры» характеризовался минимумом тремя неординарными событиями, обусловленными процес-

сией звездного неба: во-первых, Спика, самая яркая («хлебная», «Вифлеемская») звезда созвездия Девы, оказалась на пересечении эклиптики и небесного горизонта; во-вторых, созвездие Южного Креста, тогда еще видимое на ближневосточном небосклоне, заняло строго вертикальное положение в апогее в период весеннего равноденствия; в-третьих, созвездие Ориона заняло строго вертикальное положение в своем апогее примерно в период Рождества.

5. Со сменой фаз циклов Кондратьева могут быть увязаны различные изменения в социальной жизни общества, например, смена преобладания мужского и женского начал, породившая мифы о патриархате и матриархате.

**Белова Н.Н.,
канд. физ.-мат. наук,
доцент Института менеджмента
и информационных технологий, г. Череповец,
сотрудник Института Ритмологии
Евдокии Марченко (ИрЛЕМ)**

«БЕЛОЕ» И «ЧЁРНОЕ» ВРЕМЯ В ЭКОНОМИКЕ

Что такое время? Этот вопрос традиционно решался в физике и философии, но сейчас его задают себе и экономисты, и психологи, и лингвисты, и политики, и представители многих других направлений в науке. В связи с этим возникло разнообразие подходов к изучению времени, время удаётся изучать и гуманитарными и точными методами. В результате появилось физическое, историческое, политическое, социальное, психологическое, биологическое, экономическое и другие времена. Каждая область знания сегодня строит себе свою модель времени, наделяя его теми свойствами, которые характерны для изучаемых в этой области явлений. Разные модели соответствуют разным способам измерения и наблюдения времени. Наиболее целостный подход изучения и описания субстанции время, дающий результаты для всех ранее перечисленных моделей предложен Е.Д. Марченко [Марченко Е.Д. Ритмология об экономике и управлении. — М.: Тройка, 1999. — 56 с.; Марченко Е.Д. Откровенное знакомство. Часть 2. — СПб.: Авторский Центр «Радатс», 2004. — 272 с.; Марченко Е.Д. Откровенное знакомство. Часть 3. — СПб.: Авторский Центр «Радатс», 2004. — 400 с.; Мар-

ченко Е.Д. Время пришло. — СПб.: Авторский Центр «Радатс», 2008. — 128 с.; Марченко Е.Д. Времена календарей. — 5-е издание, переработанное и дополненное. — СПб.: РАДАТС, 2010. — 148 с.; Марченко Е.Д. Я из времени. — СПб.: Авторский Центр «Радатс», 2007. — 87 с.]. Это направление в науке получило название — ритмология.

В данном докладе рассматривается категория времени в экономической науке, а также возможности применения методов ритмологии для управления экономическими процессами, функционированием и организацией предприятий. Е.В. Балацкий [Балацкий Е.В. Эволюция понятия времени в экономической науке. — <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/177289>] рассмотрел эволюцию представлений о времени в экономической науке. Он совершенно обоснованно утверждает, что стержень экономической науки сейчас уже совершенно явственно просматривается, и этим стержнем является время. Основным критерием развития экономической науки называется расширение временных границ эффективности экономических методов познания: экономическая статика; экономическая динамика; краткосрочное, среднесрочное, долгосрочное прогнозирования; теории циклов, колебаний и волн. Балацким выделено три грани времени. Первая грань — время это не только характеристика процесса, но и общая среда для всей совокупности процессов, обеспечивающая их причинно-следственное взаимодействие. Вторая грань — время это экономический ресурс. Третья — время есть фактор, порой оказывающий ключевое воздействие на экономические процессы, первопричина многих экономических явлений.

С точки зрения Е.Д. Марченко, перечисленные три грани времени являются проявлением, так называемого, белого времени, которое является основой всех календарей и всех договоренностей людей о фиксации промежутков времени. Белое время способно входить в энергию, создавать циклы, загущающие материю. В частности, «от срока выделенного времени зависит, какими природными ресурсами сможет пользоваться человечество и как долго. Количество добычи нефти, газа, дров и тому подобных энергоносителей зависит от количества, выделенного во время плазмирования времени» [Марченко Е.Д. Я из времени. — СПб.: Авторский Центр «Радатс», 2007. — С. 4].

К перечисленным трем следует добавить ещё четвертую грань — время в бизнесе является одним из ключевых инструментов управления. Необходимо учитывать, что время для руководителей разных рангов течёт по-разному. Ещё больше отличается течение времени руководителей и подчинённых нижнего звена. Это

уже чёрное время, которое является основой течения времени внутри человеческого мозга и поэтому называется относительным. Отсутствие учёта многих временных параметров в бизнесе нарушает ход событий, тогда как понимание того, как устроено время у нас и наших партнёров по бизнесу позволяет решать множество задач и предотвращать многие проблемы. Главное состоит в том, что течение времени внутри человека можно менять. Для этого нужно обучить человека ощущать время внутри собственного мозга и работать с ним. «Каждое событие, существующее в мире, зарождается, развивается, заканчивается вместе с Ритмом, само являясь циклом. Ритмология предполагает и предлагает своевременную смену ритма для изменения объёма продукции и обслуживающего персонала. Каждый разумный руководитель заинтересован в регулировке количества и качества в зависимости от сложившихся рыночных условий, своевременной смене квалификации персонала» [Марченко Е.Д. Ритмология об экономике и управлении. — М.: Тройка, 1999. — С. 3].

**Богайчук А.Д.,
независимый исследователь**

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВРЕМЕНИ КАК ВЕКТОРАЛЬНЫХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫХ ЗАКОНОМЕРНЫХ СОБЫТИЙ

Наше время как этап эволюционного развития человечества обязывает нас искать новые пути понимания времени как явления, понятия и процесса динамического изменения событий. Множественность параллельных процессов происходящих в относительном событии совокупного процесса развития всего глобального человечества и отдельных его дифференцированных составляющих неизменно связано с дифференцированными процессами на множестве уровней иного порядка. И они неразрывны как по сути, так и по процессуальности изменения.

Процесс разделения наук имеет свою положительную и отрицательную сторону. Достаточно часто ученые не учитывают связующие явления между параллельными процессами, что сказывается на невозможности быстрого и эффективного воплощения научных открытий и изобретений, и в воплощении их в реальное и активное

использование. Многие науки, особенно, такие как физика и философия разделены надуманным непониманием единовременной значимости, если можно так сказать, неразделенностью сути. В свою очередь физика и математика нераздельны в логическом смысле философского метода анализа и математического его выражения.

Единообразность вектора понимания математики, как методе исчисления базовых цифр натурального ряда от нуля до девяти привели к сложности и не согласованности многих понятий и рассуждений. Допуски, запятые, пропорции являются признаком не точного и не четкого определения и многообразия выводов. В то время как в природе двусмыслие воспринимается как процесс уже разделенной и последовательной трансформации энергетических и самовыраженных событий.

Таинство познания состоит в том, что информация это потоки энергетических без массовых взаимодействий математического алгоритма. Анализ же является неразделенной частью этого алгоритма, который формирует некую базу знаний в мозге человека и сопоставляет ее. Способность мозга рационально и эффективно пользоваться накопленным опытом как базой знаний определяет человеческий разум. Не психофизика импульсных процессов мозга, а именно математический алгоритм распределения потоков информации определяет взаимодействие человека с окружающей средой. Мы не цитируем и не ищем аналогий с другими рассуждениями, дабы сохранить чистоту и возможность критической самооценки. Можно лукавить, но обмануть себя нельзя. И ради этого мы хотим быть самовыраженными полностью в том процессе, который сопровождает нас.

Системно развитое воображение, которое поддается совершенствованию, открывает значительный потенциал человеческих возможностей видеть мир более реально, чем это происходит сейчас. Зная совокупность закономерностей структурного образования мира материального и мира духовного, можно воспринимать время как последовательность фрактальных уровней длительности изменения не только форм, но и процессов параллельных динамических изменений. Яблоко НЬЮТОНА прежде упасть на землю, совершило все этапы энергетического изменения взаимодействия, относительно кратковременного положения относительно не только вращающейся планеты, но и относительно движения других объектов и относительно изменений внутри себя. Действие как понятие было всегда предметом широкой дискуссии философов. Но истина незыблема. Любому действию есть предшествующее событие, равно как и последствие. Иначе это звучит, как ничто из ничего не

происходит и ни куда не исчезает. Физические энергетические законы утверждают истину как бесконечность трансформаций энергетических процессов состояния любого события. Кратковременное событие, описанное математическим методом состояния субстанции пространства, является понятием времени вследствие динамического его изменения. Разделить пространство от времени можно только процессом анализа и рассуждения стороннего разума, но их невозможно разделить, по сути. Пространство не может существовать само по себе без способности осуществлять в себе процессы взаимодействия, и не влиять на этот процесс.

Полагая, что мы живем во времени измеряемом секундами, минутами, часами, сезонами, месяцами, годами, эпохами, нельзя не замечать закономерностей поведенческих процессов связанных не только с людьми, но и взаимосвязей всего и вся. Однако цифры, описывающие наше технократическое время, имеют очень строгую закономерность в последовательности их структурных изменений. А значит, анализ можно осуществлять, еще не столкнувшись с событиями. Ведь очевидно, что секунды измеряют одни процессы, изменяющихся событий, а эпохи другие. Все эти фрактальные изменения имеют строгую последовательность цифровых порядков. Это не формула линейных или не линейных исчислений, это не хаотичная комбинаторика. Это фундаментальные основы, заложенные в порядке чисел натурального ряда

Отсутствие математического описания времени является полной неопределенностью для осознания того, движемся мы в будущее назад, или вперед в прошлое, или мы движемся к центру симметрии расхождения будущего и прошлого или наоборот расходящийся вектор. Но что бы опять не снизить исключительно до эмпирики рассуждений, необходимо понять сухую и безэмоциональную сущность времени как явления и как процесса. Поэтому и только поэтому время есть СОБЫТИЕМ фрактального процесса его развития и изменений, подчиненных законам математики. И для этого понимания есть все базовые составляющие. Поэтому необходимо осознавать, что время подобно всему прочему непостоянно и изменчиво. И за всем этим динамизмом есть все свойства и методы описания и анализа времени именно как фрактальных по длительности процессов.

Симметрия времени как отображение зеркальной последовательности энергетических процессов существования нашего мира. Прошлое и будущее определенное как эмпирическая длительность, несоизмерима с локальной кратковременностью настоящего, но, тем не менее, они взаимосвязаны, а значит, математически анализируемы как обоснованный вывод. Кроме того, симметрия как

энергетическая гармония физического последовательного и циклического процесса. Кубическая форма симметрии времени является показателем того, что события как время имеют шесть одновременных вектора развития. Сферическая форма многообразия изменения времени, подчиненная законам математического распределения энергий, определяется его искажением или изменением фрактального уровня.

Сознание как метод восприятия изменений последовательных событий и как отстающий и оторванный от настоящего. Одновременно подсознание это способность максимально приближенного состояния к восприятию настоящего как переходного этапа между предшествием и последствием.

Буганова В.Н.,
канд. психол. наук,
доцент Одесского национального
университета имени И.И. Мечникова

ВРЕМЕННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЛИЧНОСТИ

Циклоидная модель переживаемого времени профессора Цуканова Б.И. [Цуканов Б.И. *Время в психике человека*, Одесса, «АстроПринт», 2000, 216 с.] описывает онтогенетическое развитие человека как последовательность Больших биологических циклов. При этом длительность такого цикла определяется индивидуальным ходом внутренних биологических часов и потому в человеческой популяции колеблется в диапазоне 6 — 9,4 года (для среднестатистического субъекта 7,7 года). В масштабе такой периодичности описаны фазы возрастного развития [Буганова В.М. *Ступеневі зміни психіки у масштабі інфрадіяної циклічності*. Український освітянський журнал -№ 1, 1995, с.92-97; Буганова В.Н. *Динамика фазовых изменений в психике ребенка*. Вісник Одеського державного університету. — 1995, вып.1, с.67-73; Буганова В.М. *Проблема гетерохронного розвитку психіки*. Матеріали II з'їзду психологів України — Київ, 1996, с.35-36]. В данном случае, в качестве материала для дискутирования и дальнейшей эмпирической проверки, мы предпринимаем попытку распространить закономерности циклоидной модели переживаемого времени на описание закономерностей жизненного пути личности.

Основания для этого нам дает то, что при всем разнообразии индивидуальных вариаций, в масштабе всей жизни есть определенные общечеловеческие закономерности, описанные еще Экклезиастом — «время любить и время ненавидеть, время собирать камни и время разбрасывать камни». Каждый период жизни имеет свои цели и задачи, свои вопросы, к которым субъект максимально сензитивен. Сензитивность к тому или иному вопросу означает, что человек открыт информации данного рода. Можно сказать, он нуждается в ней, она ему нужна для дальнейшего личностного развития. Так, дети открыты любви окружающих к ним, ее наличие им жизненно необходимо, как условие выживания. Подростки сензитивны к коммуницированию и его отсутствие может трагично нарушить их развитие.

Если в рамках данного периода цели достигаются, задачи — решаются, жизнь протекает «нормативно»; если задачи не решены — субъект имеет проблему. Другими словами, проблема — это вовремя не решенная задача или задача, для решения которой у человека недостаточно временного ресурса. И чем дольше эта проблема не решается, тем большую проблему человек имеет. Не случайно, Б.И. Цуканов утверждал, что «Искусство жить — есть умение вписывать себя, со своими индивидуальными особенностями переживания времени, в социально принятое время».

Таким образом, жизненный путь можно описать как последовательность периодов, каждый из которых существенно отличается от всех остальных и имеет свои специфические общечеловеческие цели и задачи. Аргументом для такого подхода, с нашей точки зрения, есть утверждение П.В.Лушина [Лушин П.В. Личностные изменения как процесс: теория и практика. Одесса: «Аспект», 2005, 333 с.] о том, что развитие личности не обладает свойством преемственности и переход с одной стадии развития на другую осуществляется за счет принципиального изменения личностной идентичности.

Тогда, первый период, длящийся от момента рождения до конца детства, в первую очередь предназначен для адаптации субъекта, как биологического существа к жизни в конкретной природной среде. На его протяжении должна быть решена задача физического выживания и приспособления к существованию в этом климатическом, природном ареале, с данной пищей, данным воздухом, данными средовыми воздействиями. Если эта задача не будет решена, до всех остальных очередь просто не дойдет. Понятно, что все это время параллельно идет интенсивное формирование личностной структуры, в том числе, ее этических и духовных оснований. Но, в первую очередь, все же, решается задача биологического самосохранения.

Цель второго периода жизни — школьного — адаптация субъекта к существованию в социуме, усвоение правил общежития, выработка социальных поведенческих паттернов.

Цель третьего — юности — формирование ближайшего социального окружения или дифференциация окружающих людей на близких и далеких. При чем, это должно произойти во всех значимых сферах жизни — профессиональной, досуговой, семейной и дружеской.

Цель четвертого периода — адаптация к самому себе, принятие себя во всем разнообразии индивидуальных проявлений, экзистенциальное самоопределение.

Таким образом, первые четыре периода жизни складываются в мегaperиод — от момента рождения до так называемого «возраста Иисуса Христа» и его цель — адаптация в широком смысле этого слова. При чем, объект адаптации от наиболее обширного и удаленного — природы, последовательно перемещается ближе и ближе к субъекту и, наконец, на нем и фокусируется.

Можно предположить, что целью второго мегaperиода является самореализация, а третьего — адаптация к смерти. Хотя, как это характерно для всей возрастной психологии, чем старше человек становится, тем, к сожалению, психологам меньше известно о закономерностях его развития.

В любом случае, данный подход рассмотрения жизненного пути нам представляется перспективным и важным, как для теоретического понимания психологических закономерностей личностного развития, так и для решения практических задач психологической помощи.

Верник А.Л.,
канд. психол. наук, ст.
научный сотрудник Института
психологии им. Г.С. Костюка НАПН Украины

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ВРЕМЕНИ В ПСИХОЛОГИИ

Проблематика времени в психологии довольно противоречива. С одной стороны, различными ее аспектами достаточно давно занимаются ученые, как в нашей стране, так и за ее пределами.

С другой, после ознакомления с этими исследованиями, во-первых, складывается впечатление «калейдоскопичности». Во-вторых, вопросы «что такое время?», «каково его значение в жизни человека?», «как соотносится время с фундаментальными психологическими категориями?», вообще, «можно ли говорить о времени как о психологической категории?» остаются открытыми.

Одними из первых к проблеме времени в рамках отечественной психологической науки обратились И.М. Сеченов, Н.Н. Ланге, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн. В их работах были сформулированы идеи, которые получили развитие в дальнейших исследованиях. Прежде всего это: восприятие «объективного» времени (Д.Г. Елькин, Ю.М. Забродин, В.А. Москвин и др.), жизненного пути (К.А. Абульханова, Б.Г. Ананьев, В.И. Ковалев и др.), бюджета и распределения времени (В. Ф. Моргун), переживание продолжительности (Б.И. Цуканов) и событий жизни (школа А.А. Кроника и Е.И. Головахи). В этих подходах имеются попытки целостно рассмотреть феномен времени в психологическом контексте. Почти общепринятым здесь есть разделение времени на объективное и субъективное (А. Бергсон, П. Жанэ, Г. Минковский). Первое рассматривается на уровнях физическом, биологическом и социальном. Второе, чаще всего, в виде переживания тех или иных событий личной жизни или восприятие временных интервалов при выполнении той или другой деятельности в прошлом, настоящем или будущем.

Наиболее полную и целостную, по нашему мнению, модель психологического времени — от психофизиологического уровня до субъективного переживания событий — предложено Б. И. Цукановым. Он связывает такое время с переживанием дискретных составляющих (квантов) длительности.

Вместе с тем, уже поверхностное рассмотрение вопроса о психологическом времени порождает определенные проблемы. В частности, проблему «психологического прошлого» или «психологического будущего». Воспоминания относительно собственной жизни, некоторых ее событий — является отражением не прошлого, но настоящего. Когда я переживаю то, что было или будет, я переживаю это здесь и сейчас, т.е. в настоящем. Реконструкция прошлого, составление биографии или представление / ожидание / планирование будущего являются лишь конкретными специфическими задачами, выполнение которых требует специальных умений и навыков, т.е. не является естественным феноменом психической жизни. В этих задачах отображаются историческое, социальное, физическое (Ньютоново), биологическое и т.п. время. Более того, они есть во многих случаях (прежде всего, консультирование и терапия) исключительно инструментом для улучшения личного на-

стоящего. Итак, встает вопрос именно о психологичности такого времени (психологическое прошлое).

Кроме того, распространение информационных компьютерных технологий, прежде всего в общении и играх, более явно очертило феномен так называемого «виртуального» времени, свойства которого отличны от естественных. Это относится в частности к восприятию / представлению / переживанию необратимости или продолжительности. Данное явление не ново. Подобная «деформация» обычного времени наблюдается в тех или других измененных состояниях — наркотическое опьянение, экзотические состояния, состояния в экстремальных ситуациях и т.п. Специфичность настоящего связана с вхождением «виртуального» времени в образ жизни обычного человека, т.е. в систему постоянных отношений с окружающим миром. Речь идет о «нормализации» «виртуального» времени, и, даже, «виртуальных» времен.

На наш взгляд, с концепцией Б. И. Руканова соотносится представление о времени как об определенном механизме непрерывно-дискретно-непрерывного перехода в осознании и переживании мира и себя в нем. Следование и предшествование, упорядочение и одновременность возможны лишь для дискретных явлений, объектов. Вместе с тем, цитируя классиков, можно утверждать, что все течет, все изменяется, т.е. непрерывно. Данная позиция относительно времени близка к Платоновой, который видит в нем механизм упорядочения и сглаживания разногласий между постоянно идеальным и постоянной изменяемостью видимого миров.

С учетом указанного мы предлагаем рассматривать психологическое время сквозным механизмом организации психической реальности, который обнаруживает себя во всех аспектах психической жизни. Итак, оно не представляет собой психологическую категорию и одновременно связано, так или иначе, с большинством из них. Прежде всего, с фундаментальными (или метакатегориями по терминологии М. Г. Ярошевского и А.В. Петровского) — «деятельностью», «сознанием» и «личностью».

Связь реализуется в соответствующих процессах: деятельность — в восприятии и оценке, сознание — через представление, личность — через переживание времени. Указанные процессы обуславливают и методы изучения их временной составляющей. В частности, восприятие и оценка временных интервалов и микроинтервалов при выполнении определенных действий, составление и оценка бюджета времени собственной жизнедеятельности. Представление о времени можно изучать через психосемантические методы и продукты общественного сознания, прежде всего мифы.

Переживания связывают, в частности, с ценностной сферой личности.

Отметим такие моменты. Во-первых, большинство из существующих результатов исследований психологических аспектов времени вписываются в проблематику деятельности, сознания или личности. Во-вторых, соотношение этих категорий не однозначно. Однако они не являются независимыми. В-третьих, модель является открытой. Это означает, возможность дополнять изучение психологических свойств времени через введение возможных новых в строении психологии фундаментальных категорий (см., например, М.Г. Ярошевского).

Проведенный теоретический анализ и обзор эмпирических исследований представлений о времени и переживания времени позволил сформулировать следующие гипотезы.

1. Время в переживаниях личности выступает в оппозиции «метрика — экзистенция». Имеется в виду использование или проживание времени. В первом случае речь идет о соотношении его с социально-календарным временем, расписаниями и планами, т.е. ресурсом, во втором — осознание этапов и событий собственного бытия. Представленная оппозиция представляет собой частичный случай оппозиции «иметь — быть», сформулированной Э.Фроммом.

2. Время в представлениях презентовано базовой (ядерной) семантической единицей «длительность», которая проявляется на трех уровнях значений — нулевом (момент), ограниченном (период) и неограниченном (цикл). Эти уровни являются вложенными: цикл — можно составить из последовательности отрезков, которые в свои очередь презентуются через последовательность дискретных моментов (событий).

Киреева З.А.,
д-р психол. наук,
доцент Одесского национального
университету имени И.И. Мечникова

РАЗВИТИЕ СОЗНАНИЯ, ДЕТЕРМИНИРОВАННОЙ ВРЕМЕНЕМ

Проблемы сознания и времени представляют собой точку пресечения интересов целого ряда наук. Сознание неотделимо от времени. Так, Ф. Брентано изучал сознание или переживание времени; в феноменологии Э.Гуссерля сознание раскрывается через времен-

ные характеристики, а время — через определенные функции сознания; И.Кант считал, что время является способом активности и деятельности сознания. Такие взгляды восходят к сущности времени — изменению как единству исчезающего, настоящего и появляющегося. Но об изменении можно говорить лишь в том случае, когда его моменты как-то объединены. И это объединение не представимо и немислимо иначе, как в сознании или через сознание. Рече-дескриптивный подход к сознанию (Л.С.Выготский и В.И.Молчанов) позволяет рассматривать время как самостоятельный, фундаментальный и первичный ко всей феноменологии психического элемент сознания.

В результате взаимодействия с темпоральной действительностью человек отражает эту действительность в виде обобщенно-абстрактных продуктов умственной переработки воспринятого, т.е. с помощью репрезентаций. Известно, что репрезентации — это внутренние психологические формы, средства субъективного представления и познания действительности, результаты опыта: чем больше они развиты, тем более человек понимает и сознает окружающую действительность. Время репрезентируется в сознании в рамках вербальной и невербальной (образной) систем. Одним из проявлений вербальной репрезентации времени является суждения (Г. Вудроу), к структурным компонентам которого принадлежат, по Л.М. Веккеру, сенсорно-перцептивные образы, представления (как вторичные образы) и понятийные обобщения. Вербальные и невербальные репрезентации представляют второй уровень отражения времени (С.Л. Рубинштейн, П.Фресс, Д.Г.Элькин) — абстрактное, опосредствованное, понятийное время. Репрезентация времени нами определяется как «изменяющаяся система субъективного представления темпоральной действительности, обусловленная индивидуально-динамическими и личностными особенностями, влиянием социокультурных феноменов и языка, формирующаяся в индивидуальном опыте переживания и жизнедеятельности и детерминирующая развитие индивидуального сознания в онтогенезе в соответствии с дифференциально-интегративным принципом». Исследуя генезис репрезентации времени как развитие жизненных (спонтанных, *real-life*) понятий, которые протекают без дидактической помощи, без помощи со стороны взрослого человека (у детей), мы прослеживаем стадии и динамику изменений, которые происходят в индивидуальном сознании и демонстрируем онтологический подход к его формированию в онтогенезе.

В результате нашего исследования мы предложили паритетно-иерархическую модель развития сознания, детерминируемого репрезентациями времени. В ее структуре представлены вертикаль-

ная, или иерархическая плоскость и горизонтальная, или паритетная, плоскость. В вертикальную плоскость сознания входят четыре основных иерархических уровня. В них представлены разнопорядковые репрезентации, существенно и качественно различающиеся между собой по значимости и сложности, по которым можно судить о глубине понимания и отображения темпоральной действительности, и, как следствие, об уровне развития сознания. В горизонтальной плоскости в паритетных темпоральных репрезентациях объединены однопорядковые суждения, которые практически не имеют существенных отличий по критериям сложности и значимости, но представляют собой степень дифференцированности осознания темпоральной действительности в различных формах концептуализации (свойства времени, ценностно-смысловое отношение к времени и т.п.). I (низший) уровень развития сознания детерминирует оречевленная перцепция (Л.М. Веккер), или ассоциативное значение (А.Р. Лурия). II уровень развития сознания определяют сенсорно-перцептивные репрезентации, в которых соотносятся предметы и явления по наглядными признакам или по принадлежности их к общей наглядной ситуации. III уровень развития сознания представляют понятийные обобщения. На уровне понятийных обобщений испытуемые воссоздают одну или несколько форм концептуализации темпоральной действительности. IV уровень развития сознания детерминирован понятийными обобщениями с родовым признаком («парадигматические репрезентации», в терминологии Дж. Брунера), т.е. на IV уровне развития сознания темпоральная действительность представлена в сознании в интегрированном виде.

Нами установлены доминантные репрезентации времени, отражающие значимое intersubъективное отношение к нему и детерминирующие развитие сознания на каждом этапе онтогенеза. На основе изменений репрезентаций времени фиксируется переход индивидуального сознания от конкретного к абстрактному отображению к 11,5 годам у большинства подростков. С помощью лонгитюдного исследования, показано стадийное изменение индивидуального сознания. Так, у испытуемых от 9 до 11,5 лет отмечаются изменения в репрезентациях времени двумя путями: сукцессивным, т.е. часть детей может перейти от I уровня (ассоциативное значение «время — часы») к III уровню (понятийные обобщения) последовательно: I уровень — промежуточная стадия (Пс) — III уровень, через одновременное существование в сознании ассоциативного значения и суждения о времени на промежуточной стадии. Второй путь — скачкообразный, когда дети в репрезентациях переходят от I уровня (время — часы) к III (понятийные обобщения) без проме-

жуточной стадии. Лонгитюдное исследование позволило также продемонстрировать, что развитие темпоральных репрезентаций детерминирует тип развития индивидуального сознания, среди которых мы выделили: ретардационно динамический, умеренно динамический и прогрессивно динамический

Таким образом, спецификация результатов процессов познания времени в онтогенезе, которую изучает психологическая онтология, позволяет создать модель развития сознания в онтогенезе, где каждому возрастному этапу присущи свои доминантные формы репрезентации, отражающие интерсубъективное осознание и отношение к времени, которые детерминируют его генезис. Развитие индивидуального сознания, детерминированное репрезентациями времени, определяется нами как «динамический феномен, отражающий качественные изменения в пристрастном познании темпоральной действительности в онтогенезе, имеющий паритетно-иерархическую структуру.

Ковалев В.И.,
канд. психол. наук,
доцент Черновицкого национального
университета имени Юрия Федьковича

ТЕМПОРАЛЬНАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА

Человек как личность — это существо, которое становится, развивается, формируется в социально-историческом времени и культурно-историческом пространстве изменяемых обстоятельств и ситуаций жизни. За М. Бердяевым, личность является целостным образом человека, в котором духовное начало овладевает всеми душевными и телесными силами человека. Она — категория духовная, а не натуралистическая, и может быть определена как единство в многообразии духовно-душевно-телесного. Личность — это сохранение цельности и единства, единого, неповторимого образа, в постоянном изменении, творчестве и активности... Личность должна быть открыта всем веянием космической и социальной жизни. Личность субъектная, «в ней открывается мир конкретных живых людей в их экзистенциальных отношениях и общениях»

[Бердяев Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. — М.: Республика, 1992].

Новым направлением отечественной персонологии, считает О. Старовойтенко [Старовойтенко Е. Б. Психология личности / Е. Б. Старовойтенко. — М.: Академический проект, 2004], становится моделирование личности в ее противоречивом и проблемном жизненном становлении. В качестве методологических установок персонологии исследователь выделяет холистическую, динамическую, историко-культурную, развивающую и прогностическую. Такие взгляды российского психолога на исследование личности в современной персонологии, по нашему мнению, дают возможность рассмотреть последнюю в темпоральном измерении.

Можно выделить такие разновидности темпоральности человека как становление, процессуальность, экзистенция, трансформация, развитие через противоречие, историчность, делание возможным будущего. Темпоральность человека разворачивается в индивидуальной экзистенции, в культурно-исторических формах развития через разные жизненные противоречия, трансформацию его личности в кризисных ситуациях; реализацию возможностей, которые возникают из многовариантной личностной будущности и происходят в социокультурном хронотопе современной жизни; постепенном переходе актуальной жизни в прошлое, жизненный опыт, и осознается как историчность собственной жизни в форме наратива-повествования о событиях и ситуациях осуществленного и пережитого жизненного пути.

Темпоральность человека проявляется как: 1) *индивидуальное существование* — экзистенция в переменчивом потоке естественной и культурно-исторической жизни; 2) *лично-субъектное осуществление человеком* своего образа жизни в хронотопе естественных и социокультурных обстоятельств жизни, благодаря ходу событий и ситуаций, которые отображают резкие изменения в жизни.

Благодаря длительным эмоциональным изменениям личности и индивидуальности формируется жизненная история и опыт человека. Его жизненный путь, осуществляемый через поступки, деяния и свершения, осознанный и осмысленный через рефлекссию и размышления над ходом собственной жизни, становится настоящей личностной историей жизни.

В качестве предмета темпоральной психологии личности (ТПО) можно выделить динамические формы и феномены, способы и уровни *психологического, личностного и субъектного времен* человека. Эти времена отображают, опосредуют и трансформируют индивидуально личностное развитие и формирование человека в контексте противоречивых и изменчивых общественных и культурно-

исторических хронотопов жизни. Особенное внимание ТПО уделяет изучению разных жизненных процессов, динамических форм и образований, индивидуально личностного становления и развития человека во времени: способов (укладов) жизни, жизнедеятельности, жизненного пути, жизненных циклов, кризисов и конфликтов, психологического и личностного возрастов.

ТПО также рассматривает: 1) как человек, будучи саморазвивающейся личностью и самотворящей индивидуальностью, разрешает свои жизненные проблемы и временные противоречия в изменчивом социокультурном мире; 2) как он накапливает конструктивные опыты жизни, обогащая тем самым свой творческий — деятельностный и коммуникативный — потенциал; 3) как человек выстраивает ближние, средние и дальние перспективы жизни во времени; 4) как он просматривает, обозревает ход своей жизни, которая состоялась или состоится в будущем; 5) интегрирует обзоры и обозрения в целостную динамическую картину своей жизни или *транспективу* — ее сквозное виденье (В. Ковалев, 1980) [Ковалев В.И. Психологические особенности личностной организации времени жизни: автореф. ... дисс. к. психол. н. / В.И. Ковалев. — Москва: Ин-т психологии АН СССР, 1980].

В качестве методологических подходов и принципов автор выделяет такие: динамичности жизни и ее поступательной эволюции; событийности, хронотопичности, историчности; временной целостности; более специфических — жизнедеятельности, своевременности действий и поступков, перспективности, и транспективности (В. Ковалев, 2004) [Ковалев В. И. Концепция личностного времени в контексте темпоральной психологии / В. И. Ковалев // Наука и образование. — 2004. — № 6/7].

На персонологическом уровне ТПО интегрирует достижение психологии личности и исторической психологии, психологии управления и творчества, а также тесно связана с такими направлениями как гуманистическая, экзистенциальная и транспективная психология, онтопсихология А. Менегетти, психология личностных (кризисных) изменений (П. Лушин, 2001).

Темпорально-персонологичное знание — это динамическое личностное знание о подвижных формах, возможных тенденциях, способах и приемах самоорганизации личности, которая изменяется и развивается в реальном социо-культурно-историческом хронотопе жизни целостного человека.

Темпоральное знание человека о себе как изменяющейся личности — это тройственное целостное синтезирующее знание, которое состоит из: 1) ретрознания прошлого — истории собственной жизни, в «ткани» которой значимые события и ситуации разворачива-

ются в форме динамической картины прожитой и осуществленной жизни. Это знание проявляется как система воспоминаний, последовательно возникающих в сознании личности; 2) актуально-презентативное знание о значимом личностном актуальном пребывании в нынешней жизни. Оно тесно связано с переживанием, обретением опыта, процессом осуществления деятельности и общения. Это «органическое знание», которое возникающее через чувствование моментов жизни «здесь и теперь» как значимых жизненных ситуаций. Динамичность личностного знания — это переживание в его действенности, осознанности и рефлексивности; которые слиты в целостном нынешнем Я-знании личности: адекватном и реалистичном интегральном Я-образе и динамичной позитивной Я-концепции; 3) проспективное футуристическое знание о тенденциях, жизненных линиях и перспективах возможных изменений собственной личности, в будущем или во временной, жизненной и личностной перспективах (К. Абульханова).

В качестве интегративного философско-психологического знания можно выделить фило-психо-софию (любо-душе-мудрость). Она представляет собой целостную отрасль личностно-субъектного знания, которое позволяет пережить в чувствах, осознать и понять собственную экзистенциальность, феноменальность, сущность и тенденции движения личностной жизни, себя во времени и «овладеть временем» (В. Муравьев, 1988).

Кравченко С.Н.,
канд. физ.-мат. наук, доцент Южно-Уральского
государственного университета, сотрудник Института
Ритмологии Евдокии Марченко (ИрлЕМ)

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В ФИЗИКЕ, ПСИХОЛОГИИ И РИТМОЛОГИИ

Интересный тезис мы находим в ритмологии: «время живёт в мозге человека» [Марченко Е.Д. Сам творю (Ритмология для каждого). СПб.: РАДАТС, 2009]. Так что же за такая категория — «время»? В рамках классической физики разница между двумя событиями может быть сколь угодно мала. Однако ещё с античных времён философы выдвигали гипотезу, по которой пространство и время состоят из дискретных частиц — атомов. Современная квантовая механика уже языком формул доказывает это положение. Так в теории «петлевой квантовой гравитации» пространство и время действительно состоят из дискретных частиц. В квантовой механике

ке принято считать минимально возможной длиной — длину Планка. Отсюда производные от длины — площадь и объём — тоже можно рассматривать как квантовые единицы: квадрат длины Планка и куб длины Планка. Квант объёма настолько мал, что в кубическом сантиметре таких квантов больше, чем кубических сантиметров в видимой Вселенной [Фейгин О. Физика нереального. М.: ЭКСМО, 2010]. Там же у О. Фейгина мы находим, что все силовые поля должны состоять из элементарных энергетических порций — квантов, и, соответственно, должны существовать и кванты времени. Называют их *хроноквантами* или планковским временем с величиной порядка 10^{-44} с. Невообразимо малая величина, которую нечем и измерять. Сопоставляя с ритмологией такой квант времени можно назвать «*миг*».

Та логика, по которой мы, следуя квантовой механике, анализировали «категорию времени» приводит ещё к одному знаменательному результату: время материально!?! Тогда можно со временем обращаться так же как мы обращаемся с другими материальными категориями. Т.е. рассматривать время как хранилище всего, что когда-либо происходило в мироздании, и даже при определённых условиях путешествовать во времени в прошлое и будущее.

Большой вклад в изучение категории времени внёс русский учёный Н.А. Козырев. Он предложил гипотезу о существовании поля, потока и плотности времени и что время может испускаться и поглощаться материальными телами. В своей работе «Время как физическое явление» [Козырев Н.А. Время как физическое явление. Сборник «Моделирование и прогнозирование в биоэкологии». Рига: ЛГУ, 1982] Козырев писал: «Для выводов специальной теории относительности необходимо считать, что ось времени *iSt* Мира Минковского равноценна трем пространственным координатным осям. Пространство же может обладать не только геометрическими свойствами, то есть быть пустым, но у него могут быть и физические свойства, которые мы называем силовыми полями. Поэтому совершенно естественно полагать, что и ось собственного времени *iSt* не всегда является пустой и что у времени могут быть и физические свойства». Н.А. Козырев сформулировал очень важный постулат: *время есть энергия события*. А в ритмологии он дополнен другим постулатом: *пространство есть информация события*.

Нас, прежде всего, будет интересовать взаимодействие времени с человеком. Всем хорошо известна необычность восприятия длительности событий человеческой психикой. С точки зрения психологов время предстаёт в образе потока событий, оно существует всегда и везде. В восприятии человеческой психикой различают

два вида времени: внешнее и внутреннее. Внешнее время считается абсолютным и может фиксироваться, изобретёнными человеком приборами — часами. Внутреннее — субъективное восприятие человеком времени, зависящее от состояния его психики и скорости протекания биологических процессов в организме, т.е. подразделяющееся ещё на два вида.

Напротив, в ритмологии время — живая субстанция. Знающий законы времени и способный работать со временем может этот мир менять. Время можно складывать и хранить, замедлять или ускорять, привносить или убирать из события.

В своих работах Е.Д. Марченко пишет: «Время есть носитель неких параметров и неких характеристик, которыми пора научиться пользоваться. Имеющий время способен перемещаться в прошлое или в будущее или выходить через процессы в причинно-следственные связи, которые меняют данный проявленный мир». Автор ритмологии обозначает три основных источника получения времени человеком [Марченко Е.Д. Сам творю (Ритмология для каждого). СПб.: РАДАТС, 2009]. Во-первых, изначально существует время, выделенное каждому для его жизни. Это время человек сам привносит своим рождением, поскольку соткан из него (человек есть сгусток времени). В процессе своего роста и взросления он это время обменивает на пространство в виде еды, одежды, предметов и другого имущества. Время — своеобразная плата за пребывание человека на Земле. Во-вторых, есть время, которое можно получать от других людей в процессе общения и взаимодействия с ними. И, в-третьих, — это ритмовремя, которое можно получить прочтением человеком специальных ритмов, используемых в ритмологии. Кроме того, в ритмологии изучается абсолютное, относительное и календарное время.

*Магнитогорцева Т.В.,
преподаватель Магнитогорского педагогического
института, сотрудник Института Ритмологии
Евдокии Марченко (ИрлЕМ)*

ВРЕМЯ КАК ГЛАВНЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ МОЗГА ЧЕЛОВЕКА В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ XXI ВЕКА

Долгое время человек на Земле изучал окружающую среду, пока в ней не осталось белых пятен неисследованного. Настала пора обратить внимание вовнутрь себя. И здесь самым непознанным

оказался человеческий мозг. Современная наука сходитя в одном — мозг человека до сих пор остаётся одной из самых непостижимых загадок и используется не более чем на 3 процента. Остальные 97 % являются скрытым таинственным резервом потенциальных возможностей человека.

Человек пытался изучать мозг путём анатомирования, затем гистохимии, электроэнцефалографии, томографии. Однако основные вопросы остались нерешёнными. Ведь высшие проявления активного мозга — озарение, вдохновение, инсайт, — невозможно испытать с прикреплёнными к голове датчиками и приборами. Если мозг настолько сложен, а процессы, лежащие в основе мыслительных актов, столь неуловимы, то как вообще можно начинать его изучение?

Тем не менее, нам представляются интересными некоторые факты исследований, проведённых психологами в данном направлении. Ранее в психологии в исследовании мозга существовал статистический подход, который рассматривал многие психологические явления вне категорий изменения их во времени, без учета воздействия на них внешней среды и в отрыве от физиологической основы. С определенного момента развития психологии в исследовании включается так называемый динамический подход, который возникает на «стыке наук» и не только наук, но и других областей человеческой деятельности.

Исследования показали, что мозг может менять свою структуру в зависимости от типа активности, меняя нейронные цепи таким образом, чтобы наиболее эффективно выполнять текущую задачу. Это фундаментальное свойство мозга стали называть нейропластичностью, изменив взгляды научного мира на неизменяемость мозга.

Фактором, обеспечивающим подвижность и изменчивость функций мозга, является время. Здесь любопытной представляется работа «Время — действующее лицо» доктора психологических наук, профессора, академика РАО, руководителя Центра комплексных исследований развития человека Института общего среднего образования РАО, автор более 300 работ В.П.Зинченко.

«Сделана попытка ввести в психологический дискурс целый ряд преимущественно поэтических метафор живого времени. Показано, что подобная персонификация времени, как минимум, не противоречит имеющимся в психологии данным, повышает их объяснительный потенциал, открывает новые эвристически полезные пути изучения человеческой деятельности и сознания.

Время для психологии не новость. Оно выступает в качестве важнейшего средства изучения психики, нередко — его главной

цели, условия (фактора), облегчающего или затрудняющего протекание психических процессов, существенного критерия эффективности последних. Словом, время является неотъемлемой частью психологического исследования, а то и выступает в качестве его главного предмета. В качестве действующего лица живое время выступает в искусстве, наиболее отчетливо — в поэзии. И в этом своем качестве так называемое субъективное время для психологии пока еще *terra incognita*», — пишет автор. [Зинченко В.П. Время — действующее лицо // *Вопр. психологии*. — 2001. — № 6. — С. 36-54] Освоение человеком скрытых 97 % потенциала мозга помогут существенно улучшить показатели активности, обучаемости, информативности, работоспособности мозга, что в свою очередь, обеспечит гораздо более высокое качество жизни человека здесь и сейчас, а не в далёком будущем. А это означает только одно. Человечеству нужны практические методики освоения Времени, взаимодействия со Временем, которые позволили бы выйти на освоение человеком всех потенциальных возможностей мозга, данных ему природой и не используемых на данном этапе развития.

Уникальным и достаточно простым в освоении представляется Метод 7P0, разработанный Евдокией Дмитриевной Марченко, доктором наук, астрономом, членом Международной Академии писателей и публицистов (МАПП), основоположницей знаний о ритмовремени, основательницей науки ритмологии.

В основе метода — глубокие знания о Времени как категории, в которой определяется жизнь человеческого мозга. Время изучается Е.Д.Марченко в различных лабораториях, участниками которых стали тысячи разных людей разного возраста, образования, социального статуса, вероисповедания. Исследования ведутся в течение 20 лет, продолжаясь по сей день. Получены сотни тысяч убедительных результатов благоприятного воздействия времени на мозг человека через ритмы, как особую поэтическую форму речи

«Итак, есть слово, есть время. Мы можем время ввести в слово, и тогда любое наше слово будет материализовываться мгновенно. Можем слово ввести во время, и тогда будем познавать законы Вселенной» [Марченко Е.Д. «Слова-кристаллы и слова-кораллы». — СПб.:РАДАТС, 2010, С. 21].

Освоив Метод 7P0, позволяющий использовать время как субстанцию, человек сможет сам формировать необходимые обстоятельства своей жизни. А если вопрос изучения времени сделать вопросом государственного значения с введением соответствующих программ в образовательных учреждениях, можно с уверенностью сказать, что Россия очень быстро займет лидирующие позиции во всех сферах жизни.

*Марченко А.А.,
аспирант Харьковского
национального университета имени В.Н. Каразина*

ВРЕМЯ В СТРУКТУРЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Основным организатором человеческого существования есть время. Любой психологический процесс является динамичным, и развивающимся во времени. «Прошлое и будущее — два аспекта поведения. Будущее детерминируется настоящим, настоящее контролируется прошлым, но прошлое создает то, что будущее накладывает свои ценности в настоящее время» [Бороздина Л.В., Спиридонова И.А.].

Любое событие жизни локализовано во времени и имеет временную протяженность. Точное время является уникальной особенностью всех событий, однако многочисленные исследования продемонстрировали, что метка времени не всегда доступна в памяти. Для субъекта чаще необходимой информацией является порядок и относительное расположение событий. [Burt, C.D.B., Kemp, S., Grady, JM] К тому же, Wagenaar (1986) обнаружил, что информация о времени события являются очень плохим поисковым стимулом для актуализации воспоминаний. Чтобы определить время события, расставить события в хронологическом порядке, вспомнить, что произошло в определенный момент или период времени, нужна, в первую очередь, умственная, а не мнемическая деятельность. Как правило, субъектом используются маркеры, которые позволяют определить временную локализацию события в автобиографической памяти. Ч. Томпсон, Дж. Скворонский, С. Ларсен и А. Бетц выделили пять таких маркеров: 1. Субъект может получить временную ориентацию из содержания образа. 2. Субъект может обладать сведениями о группе событий, которые регулярно повторяются. 3. Границы больших жизненных этапов позволяют отнести события к определенному временному интервалу. 4. Многие события являются звеньями одной цепи событий. 5. Личные события могут быть связаны с нейтральными, в отношении их содержания, однако четко датированным фактами. [Skowronski J. J., Нуркова В.В.] В целом, временные маркеры делятся на две группы: опирающихся на события индивидуального прошлого и общие для определенной социальной группы.

Подобного рода реконструкции ведут к ошибкам и неточностям, которые «отражают связь воспоминаний с внутренними семантическими структурами, с личностным и мотивационно-смысловым контекстом событий» [Нуркова В.В.]. Выделяются три типа «ошибок времени» в автобиографической памяти: 1) невозможность более или менее точно локализовать событие во времени, 2) перестановка событий местами, 3) неправильное представление о временных отрезках (интервалах между событиями). [Нуркова В.В.]

Все исследователи долговременной памяти (и автобиографической памяти в частности) придерживались так называемого ретенционального (следового) направления: «основной функцией долговременной памяти является предоставление возможности обращаться к прошлому и находить там информацию, необходимую для понимания современности» [Солсо]. В то же время мы считаем, что более продуктивным является другой подход, согласно которому память является процессом направленным не на прошлое, а на будущее.

С помощью интенционального подхода можно объяснить не только уникальные феномены автобиографической памяти, но и найти общие черты между особенностями функционирования этого вида памяти и феноменами, которые традиционно считаются присущими другим типам памяти. Очень характерным феноменом автобиографической памяти является сгущение событий на «линии жизни» на участке 18-30 лет. Рассмотрение этого феномена с точки зрения футурогенной теории, с учетом стадий психосоциального развития Э. Эриксона, позволяют увидеть, что становление идентичности личности, несформированность жизненных ролей, позволяют личности в указанный период накапливать разносторонний фактический материал, исходя из очень широкой ценностно-смысловой структуры. В дополнение к этому, очень значимым, хотя он и отвергается некоторыми авторами, является фактор новизны, обусловленный первыми самостоятельными «взрослыми» опытами субъекта, которые в дальнейшем будут использоваться в течение всей жизни. Период 18-30 лет из-за появления достаточно широкого круга возможностей, а отсюда и ценностей, при этом не характеризующий жесткой ценностной структурой является источником широкого репертуара автобиографического материала, когерентного очень большому кругу жизненных ситуаций.

Другим эффектом, который, на наш взгляд, также обусловлен интенциональной направленностью памяти, и также имеет свою представленность в автобиографической памяти, является эффект «фон Ресторфф». Этот эффект, формулируется, опять же в рамках ретенциональной парадигмы, как тенденция, независимо от харак-

тера стимульного материала, в ряду заучиваемых разнородных элементов, где также присутствует большое количество однородных, воспроизводить разнородные элементы лучше, чем однородные. Однако если рассмотреть этот эффект с той позиции, что память человека, выполняет адапционную функцию, что она направлена на запоминание максимально широкого количества разнообразной информации, то становится понятно, что запоминание одинаковой информации не добавляет субъекту полезного опыта, в то время, как запоминание разнородных компонентов расширяет мнемическую палитру.

С этим эффектом сталкивается каждый человек, лучше запоминает (а, следовательно, и вспоминает) необычных людей, которые встретились в жизни, выдающихся коллег, чем людей, которые (по мнению субъекта) не выделяются из общей массы людей. Лучше запоминается не повседневные события, а те, которые выделяются из общей массы. Это имеет рациональное объяснение в экономии памяти своей энергии, поскольку нет адапционной необходимости запоминать ежедневные, будничные события, в то время как те, что выделяются, несут приспособительный полезный опыт.

Эта же причина может быть одним из объяснений календарного эффекта, который, например, проявляется в том, что студенты более четко помнят события, случившиеся или в начале и конце семестров, или во время каникул [Садмен С., Бредберн Н, Шварц]. Объяснением этому исследователи видят в том, что общие воспоминания в основном кластеризуются вокруг социально обусловленных дат. Однако причина этой кластеризации не рассматривается авторами. На наш взгляд, дело здесь в сохранении событий, и в характере их содержания. Рассматривая вышеприведенный пример с памятью студентов, мы считаем абсолютно логичным, что события начала семестра (когда студенты начинают либо возвращаются к учебе, появляются новые учебные предметы, однокурсники и преподаватели) запоминаются лучше, чем дальнейшее обучение, которое становится рутинной и не содержит в событийном плане ничего нового (но, безусловно, идет накопление учебного материала, который нельзя считать автобиографическим). Также и окончания семестра бросает новые вызовы перед студентом (экзамены, написание различных работ в сжатые сроки, необходимость быстро овладевать большими объемами информации), что вновь заставляет память, а точнее процесс запоминания, действовать иначе, чем в течение всего семестра.

Мироненко Г.В.,
канд. психол. наук,
ст. научный сотрудник Института социальной
и политической психологии НАПН Украины

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА С МУЛЬТИМЕДИА

Тотальное распространение и использование новейших информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) обуславливает необходимость исследования *психологических особенностей взаимодействия человека с мультимедиа*, выявления ресурсов и рисков такого рода взаимодействия, прогнозирования возможных последствий медиавлияния и способствования эффективной адаптации человека в современном медиапространстве.

Самым распространенным способом проведения свободного времени всех возрастных категорий населения Украины остается просмотр телепередач, он составляет 80 % всего досуга, при этом экспозиция контакта зрителей с телевизором составляет в среднем 4,5 часа в сутки. Одновременно увеличивается количество киберпользователей — сегодня только *1/10 ученик и 1/100 студент не пользуются Интернетом или компьютером* [Мониторинг медиакультуры населения Украины: Информационный бюллетень. Июнь 2008 — Июль 2010 / За ред. Л. А. Найденовой, А. Т. Баришпольца. — К., 2010].

В ходе исследования взаимодействия старшеклассников с Интернетом, одним из заданий которого было определение уровня осознания школьниками ресурсности и опасности Интернет-опосредованной деятельности, установлена *связь между высоким уровнем вовлеченности в виртуальную реальность и низким уровнем осознания виртуальности*. Зафиксированный феномен проявляется в стирании грани между виртуальной и истинной реальностью, в размывании и притуплении психологического чувства реальности и *виртуализации сознания*. Такие модификации психики потенциально содержат в себе существенные риски для развития личности, в частности можно прогнозировать: нарушение критического отношения к себе и к своим поступкам, потерю рациональности и целенаправленности поведения; неспособность личности адекватно и рационально моделировать свое будущее, нереалистичность ее планов, завышенные притязания, чрезмерную бескомпромиссность в выборе жизненных целей; пассивность, дефицит

эмоциональной энергии в реальной жизни, эмоциональную скованность и равнодушие в реальных отношениях; парасоциальное общение.

В научно-методическом плане обозначенная проблема может иметь два взаимосвязанных направления изучения. С одной стороны — это вопрос экспозиции контакта с мультимедиа, непродуктивное использование онлайн-времени, проблемы нарушения волевого контроля и возникновения виртуальной зависимости. С другой стороны — вопрос особенностей функционирования психики киберпользователей в контексте непосредственного взаимодействия с мультимедиа, который, как правило, остается без внимания исследователей, поэтому может рассматриваться как объект потенциальных исследований.

Существенным *критерием* формирования *медиазависимости личности* является *трансформация ее мотивационной сферы* в условиях опосредованной медиатехнологиями деятельности, *нарушение волевого контроля*, угнетение или отсутствие субъективной активности киберпользователя и превращение Интернета из средства достижения целей в способ жизни личности. В качестве демонстрации одного из механизмов формирования дисфункций использования мультимедиа предложена *модель компульсивного медиа-серфинга* как паттерна информационного поведения, которое обусловлено формированием навязчивой, непреодолимой потребности в постоянном, но поверхностном, без всякого порядка и смысла, поиске и потреблении информации. В основе такого *механизма* лежит *способность мультимедиа парализовать волевые черты медиапотребителя*, что обуславливает потерю им внутренней активности, автономии, вплоть до личностной деградации (Л. Пацлаф, 2003). *Потеря волевого контроля*, прежде всего, проявляется в увеличении времени взаимодействия с мультимедиа, непродуктивном использовании онлайн-времени, навязчивом желании увеличивать время пребывания в сети с целью достижения необходимого удовлетворения (К. Янг, И. Голдберг). Медиазависимые посвящают мультимедиа столько времени, что в итоге последние начинают обуславливать их реальную жизнь, при чем до такой степени, что можно констатировать возникновение «дереализации» — психического процесса, при котором индивид перестает верить в реальность окружающих вещей или существ и замыкается в своей виртуальной оболочке (Г. Грезийон, К. Керделлан, 2006).

В основе другого *механизма* формирования злоупотреблений мультимедиа лежат особенности *темпоральных измерений виртуальности*. Виртуальный мир существенно расширяет и видоизменяет как пространственные, так и темпоральные грани взаимодей-

ствия людей. Можно предположить, что возникает уникальный *хронотоп виртуальности*, который имеет свои законы существования, в частности такие специфические черты как: размывание пространственных границ и пластичность, недифференцированность времени. Виртуальная реальность позволяет манипулировать временем, создавая иллюзию его обратимости, тем самым отрицая его текучесть. Такие возможности виртуального хронотопа создают потенциальную опасность для киберпользователей, склонных к зависимому поведению. С другой стороны, сформированное нежелание замечать текучесть времени, представление о том, что время остановилось, психологически означает инфантилизацию субъективного времени киберпользователей, что является как социально вредным, так и опасным для самой личности.

В ходе проведения *эксперимента с целью выявления модификации представлений о единице времени*, которая непосредственно переживается киберпользователями в лабораторных условиях Интернет-деятельности, зафиксирован феномен *виртуального растяжения субъективного времени испытуемых*. Полученные результаты определенным образом согласуются с данными исследований специфических характеристик виртуального пространства, среди которых называют, в частности, феномен «вневременного времени», эффекты растяжения времени и «продления жизни» (М. Кастельс, М. Маклюен, О. Маховская, Дж. Сулер и др.).

Сформулированные гипотезы и выявленные особенности переживания виртуального времени требуют более глубокого анализа, в частности в направлении изучения их обусловленности индивидуально-психологическими, социальными, а возможно и кибертехнологическими факторами.

Мостовая Т. Д.,
диссертантка Одесского
национального университета имени И.И. Мечникова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ У СУБЪЕКТА С НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

Восприятие времени является интегральным показателем, характеризующим адаптационные способности человека [Див.: Раевська О.С., Юров В.В. Суб'єктивний час і динаміка больової

чутливості / О.С. Раєвська, В.В. Юров. — 1998. — 316 с. — Міжнародний симпозіум «Эколого-физиологические проблемы адаптации», 8-ой: Материали).]. Одним из важных факторов, влияющих на восприятие времени, является подвижность нервных процессов. Между восприятием времени и деятельностью имеется прямая связь: чем точнее восприятие времени, тем успешнее деятельность [Див.: Фресс П. Восприятие и оценка времени / П.Фресс, Ж.Пиаже // Экспериментальная психология. — М.: Прогресс, 1978. — Вып.6. — С. 88—130; Див.: Цуканов, Б.И. Час в психіці людини / Б.И. Цуканов. — Одеса: Астропрінт, 2000. — 218 с.]. Проводились исследования восприятия времени возбудимых и тревожных индивидов [Див.: Забродін Ю. М., Бороздіна А. Ст., Мусина І. А. Оцінка тимчасових інтервалів при різному рівні тривожності / Ю.М. Забродін, А.В. Бороздіна, І.А. Мусина. — 1983.- сірий. 14 № 4. — С. 46 — 53. — (Вісник Московського університету)], а также индивидов, с разными формами психической патологии — аффективных расстройств, шизофрении и др. [Див.: Айрапетов Р.Г., Зими́на С.В. Суточная динамика восприятия времени у больных аффективными расстройствами / Р.Г. Айрапетов, С.В. Зими́на.- 1999.- № 4 — С. 54—55. — (Журн неврол. и психиат).]. У субъектов с наркотической зависимостью особенности восприятия времени изучены недостаточно и носят информативный характер. П.Фресс отмечал, что под влиянием некоторых веществ возникает впечатление ускоренного или замедленного течения времени [Див.: Айрапетов Р.Г., Зими́на С.В. Суточная динамика восприятия времени у больных аффективными расстройствами/ Р.Г. Айрапетов, С.В. Зими́на.- 1999.- № 4 — С. 54—55. — (Журн неврол и психиат).]. Так, известно влияние гашиша и мескалина на скорость течения времени — время кажется слишком долгим. Влияние фенобарбитала и метамфетамина укорачивает оцениваемые длительности. Бенда и Орсини обнаружили, что под влиянием ЛСД-25 продуцируемая 10-секундная длительность переоценивается на 15 %, т.е.наблюдается переоценка длительности. Х.Р.Шиффман показал, что психоделические препараты (марихуана, ЛСД) кардинально изменяют восприятие времени, вызывая такое ощущение, будто оно не идет, а тянется невероятно медленно. На наш взгляд, психологические особенности субъективного восприятия времени у наркозависимых представляют интерес, обусловленный малой изученностью этой проблемы, связью с процессом ресоциализации и как следствие с адекватным поведением в процессе ремиссии.

Основную экспериментальную группу нашего исследования составили 214 человек с диагнозом опийная наркомания I-II стадии, в возрасте от 19 до 36 лет, со стажем употребления наркотических

веществ от 3 до 18 лет. Так как личность представляет собой многоуровневый биопсихосоциальный феномен, то при исследовании использовались метод воспроизведения длительности в зоне длинных интервалов длительностью от 2 до 5 сек. с многократным воспроизведением. Данная методика применялась для оценки типологических особенностей наркозависимых на основе показателя собственной единицы времени. Для изучения особенностей личности использовался многофакторный личностный опросник ММРІ в модификации 4.7 БМС-1988 (компьютерная версия). Психодиагностика собственной единицы времени как индивидуально психологического свойства осуществлялась несколько раз, что соответствовало медицинской динамики лишения зависимости. Использование математико-статистических моделей обработки данных позволило конструировать прогнозы относительно динамики индивидуально личностных изменений при прохождении реабилитационного процесса и привлечения необходимых профилактических средств для стабилизации психологического состояния субъектов, которые проходят курс ресоциализации. В результате исследования проведены диагностика параметров индивидуально типологических особенностей и личностных черт, и определены темпераментальные черты наркозависимых, начиная с периода купирования абстинентного синдрома. Подтвержден феномен замедленного течения индивидуального времени каждого из участников реабилитационного процесса, который препятствует усвоению новой информации, психотерапевтическому взаимодействию и затрудняет выход в ремиссию. Впервые определено значение действительного настоящего, собственной единицы времени в организации психологического склада наркозависимого субъекта. На основании собственной единицы времени в выборке наркозависимых наблюдается следующее распределение типологических групп. Доля представителей флегматоидной группы составила 34 % и является наиболее многочисленной. Доля представителей меланхолидной группы составляет 31 %, доля представителей сангвиноидной группы составляет 22 %, доля представителей холероидной группы составляет 8 %, доля представителей равновесной группы 5 %. Нами показано, что определение собственной единицы времени как типологического показателя, возможно при условии нейтрализации влияния психоактивных веществ опиатной группы на центральную нервную систему, физического и психического дискомфорта, метаболические процессы, детерминирующих замедление течения времени в сознании субъекта и, как следствие, депрессивное состояние. Замедление течения времени в психике наркозависимых, описывается с помощью тоскливого, тревожного, апатичного психологического

состояния наркозависимого. У опийных наркозависимых имеет место замедление субъективного хода времени. Представлена модель структуры личности, включающая в себя отношение ко времени и детерминирующая психическое состояние, черты личности, которые обуславливают определенные специфические и неспецифические паттерны поведения.

В исследовании показана перспективность использования психологических особенностей восприятия времени для прогнозирования и контроля реабилитационного процесса, в котором находится наркозависимый, его ресоциализации. Расширение временной перспективы, обучение эффективным способам временной организации деятельности являются составляющими реабилитационного процесса наркозависимых.

*Николаевский М.В.,
методист Учебно-научной психологической службы
Харьковского национального университета
имени В. Н. Каразина*

ОСОБЕННОСТИ МУЖСКОГО НЕГАТИВНОГО ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОПЫТА В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНОСТНОГО И ВРЕМЕННОГО АСПЕКТОВ

Категория «индивидуальный опыт» в психологической науке за последние 10—15 лет стала объектом исследовательского интереса многих специалистов, которые занимаются изучением «опытной» проблематики. «Опытная» составляющая получила статус самостоятельной единицы в системе анализа многих аспектов личности. В структуре индивидуального опыта рассматриваются позитивный, негативный, нейтральный и амбивалентный опыт. Среди указанных подструктур индивидуального опыта личности, наверное, наиболее неоднозначной и сложной для изучения являться его «негативная» составляющая.

Комплексное исследование негативного индивидуального опыта предусматривает, в том числе, выделение его условных количественных и качественных характеристик, которые анализируются, в частности, во взаимосвязи с определенными личностными особенностями и учетом их принадлежности к соответствующему временному измерению жизненного пути человека. Эти особенности имеют свои различия, в частности, в половых группах.

Основной целью нашего исследования является определение особенностей негативного индивидуального опыта в группе испытуемых мужского пола в контексте их анализа сквозь призму личностного и временного аспектов.

В соответствии с целью исследования были использованы две группы методик. Первая группа позволила выявить определенные особенности негативного индивидуального опыта испытуемых. Вторая группа — обеспечила возможность получения информации о некоторых личностных особенностях испытуемых. Эти личностные характеристики, на наш взгляд, в первую очередь могут детерминировать особенности негативного индивидуального опыта и, с другой стороны, поддаваться наибольшему влиянию последнего в процессе своего становления в зависимости от характеристик индивидуального опыта, которые присущи тому или иному индивиду.

Анализ корреляционных связей переменных исследования с переменными, которые отвечают определенным личностным характеристикам, позволил установить следующие значимые связи в группе испытуемых-мужчин

Так, **количество негативных событий прошлого** позитивно коррелирует с количеством негативных событий настоящего и будущего, значимостью сферы «Семья и брак в прошлом» и реализованностью в финансовой сфере. Негативная корреляционная связь количества негативных событий прошлого в группе мужчин выявлена по отношению к эмоциональной насыщенности негативных событий прошлого и значимостью социальной сферы и сферы семьи и брака в будущем. Таким образом, можно предположить, что показатель количества негативных событий имеет в группе испытуемых мужского пола выраженную тенденцию к увеличению или уменьшению во всех трех часовых измерениях одновременно. При этом содержательно негативные события прошлого у мужчин преимущественно связаны со сферами финансов, семьи и брака, а также социальной сферой. При этом небольшое число таких событий будет соответствовать их большей эмоциональной насыщенности. В то время как уменьшение их количества будет способствовать уменьшению их эмоциональной негативности.

Количество негативных событий настоящего в группе испытуемых мужчин имеет позитивную корреляцию с интернальностью в области здоровья и количеством негативных событий будущего, а также негативную корреляцию со значимостью профессиональной сферы в будущем и субъективной реализованностью жизни. Таким образом, можно предположить, что кризисные события настоящего у мужчин, в первую очередь, связаны со сферой их здоровья: склонность брать на себя ответственность за его состояние может

иметь последствием соответствующее повышенное внимание к проблемам со здоровьем, которые возникают у мужчин. Кроме того, большее или меньшее число негативных событий в настоящем, скорее всего, будет сочетаться с таким же числом негативных событий жизни и в будущем мужчин. Также можно отметить, что общая негативность настоящего «уменьшает» показатель субъективной реализованности жизни у мужчин, и наоборот.

Количество негативных событий будущего имеет негативную корреляцию с эмоциональной насыщенностью негативных событий прошлого и значимостью профессиональной и социальной сферы в будущем. Такая корреляция позволяет предположить, что будущее представляется мужчинам преимущественно сквозь призму событий в социальной и профессиональной сферах. Большая значимость этих сфер в будущем соответствует меньшему числу негативных событий жизни в этом временном измерении, и наоборот. Кроме того, высоко эмоционально насыщенные негативные события прошлого могут влиять на уменьшение количества таких событий в будущем.

Что касается **эмоциональной насыщенности негативных событий прошлого**, то эта переменная имеет позитивную корреляционную связь с эмоциональной насыщенностью таких событий в настоящем и будущем, а также субъективной реализованностью жизни вместе с психологическим возрастом. Таким образом, можно отметить, что эмоциональная насыщенность негативных событий жизни у мужчин является скорее однородной во всех трех временных измерениях, что подтверждается позитивной корреляцией **эмоциональной насыщенности негативных событий настоящего** с соответствующей характеристикой в будущем. Также имеются основания для того, чтобы предположить, что встреча с эмоционально негативными событиями жизни в прошлом повышает субъективную реализованность жизни и психологический возраст мужчин.

Эмоциональная насыщенность позитивных событий жизни имеет позитивную корреляционную связь с фактором «Экстраверсия-Интроверсия» методики «Большая пятерка», значимостью профессиональной сферы в настоящем и будущем и ее удовлетворенностью, значимостью социальной сферы во всех трех временных измерениях, ее реализованностью и удовлетворенностью, а также значимостью семьи и брака в будущем и реализованностью в этой сфере. Таким образом, есть основания предположить, что в группе испытуемых-мужчин позитивные события их жизни преимущественно связаны с социальной и профессиональной сферами, а также сферой семьи и брака. В свою очередь эмоциональная насыщенность таких событий определяется степенью значимости

этих сфер жизни, которая в сочетании с уровнем удовлетворенности и реализованности мужчин в указанных сферах, может непосредственно влиять на показатели эмоциональной насыщенности позитивных событий жизни.

Эмоциональная насыщенность значимых негативных событий жизни негативно коррелирует с реализованностью в финансовой сфере, что позволяет рассматривать последнюю как некий обобщающий фактор, сквозь призму которого формируется индивидуальное отношение мужчин к негативным событиям их жизни, а именно — по показателю их эмоциональной насыщенности.

Полунин А.В.,
канд. психол. наук,
ст. научный сотрудник
Института социальной и политической психологии

НОВЫЙ ОТВЕТ НА СТАРЫЙ ВОПРОС О СУБЪЕКТИВНОМ НАСТОЯЩЕМ

Несмотря на различие во временном измерении трех модулей — прошлого, настоящего и будущего, в непосредственной данности человеку известно лишь настоящее. Актуализованное прошлое и представляемое будущее разворачиваются именно в настоящем. В настоящем разворачивается также поток сознания индивида, что и определяет интерес к проблеме субъективного настоящего в психологии. В.Джеймс (1909), В.Штерн (1935), П.Фресс (1985), Дж.А.Мишон (1978), Р.Блок (1979), Е.Пьоппель (1985), Б.И.Цуканов (1994) и другие посвятили значительное количество исследований проблеме психологического времени и изучению субъективного настоящего. Цель их исследований состоит в раскрытии природы психологического времени, в понимании сути субъективного настоящего, феноменологии его проявления и в измерении его длительности.

В психологии до нынешнего времени не сложилась однозначная позиция относительно дефиниции субъективного настоящего. Свидетельством тому являются существенные расхождения в ответах разных исследователей на одинаковые вопросы относительно субъективного настоящего. В психофизике границы настоящего определяются не непосредственно переживанием времени, а способно-

стью испытуемого сравнивать определенные характеристики стимулов. П.Фресс [Fraisse, P., *Psychologie der Zeit: Konditionierung, Wahrnehmung, Kontrolle, Zeitschätzung, Zeitbegriff*, München; Basel: E.Reinhard, 1985], под настоящим понимал непосредственно воспринятое. Настоящее, по его мнению, соответствует персистенции воспринятых стимулов, и его длительность не превышает 5 сек. Немецкий исследователь Э.Пюппель [Pöppel E, *Grenzen des Bewußtseins. Über Wirklichkeit und Welterfahrung*. — Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1985; Pöppel, E., *Gegenwart — psychologisch gesehen*. // R.Wendorff (Hrsg.), *Im Netz der Zeit*. — Stuttgart: Hirzel, 1989 S. 11-16] поставил целый ряд экспериментов по изучению субъективного настоящего. Он приходит к выводу, что паттерны поведения изменяются каждые 3 сек., и этот интервал интерпретируется как субъективное настоящее. Б.И.Цуканов [Цуканов Б. И. *Время в психике человека: [монография] / Б.И.Цуканов* — Одесса: Астропринт, 2000. — 220 с.], исходя из предложенной им собственной единицы времени индивида или τ -типа индивида, а также, опираясь на предложенные другими исследователями длительности субъективного настоящего, полагал, что длительность настоящего равняется 4τ и колеблется от 2,8 до 4,4 сек. Подобные подходы к исследованию настоящего состоят в том, что та или иная переменная, которая изменяется в эксперименте самим исследователем (сравнимость стимулов, воспроизводимость определенной организации стимулов или временного паттерна поведения), принимается как параметр для установления временных границ субъективного настоящего. Иной подход состоит в непосредственном обращении к субъективному опыту переживания течения времени с целью определения границ настоящего. В рамках такого подхода была предложена концепция, согласно которой субъективное настоящее является целостным гештальтом в потоке сознания, который состоит из двух типов переживаний: субстантивного и транзитивного [Polunin, O. *Dauer der subjektiven Gegenwart. Alte Frage und neue Antwort // Abstraktband. Der 43.Kongress der DGPs, Alexander von Humboldt—Universität zu Berlin, 2002, S. 436; Полунін О.В. Психологічне дослідження феноменології переживання теперішнього. // Психологія і суспільство, 2007, № 4, ст. 138-143; Полунін, О.В. Особливості переживання межі суб'єктивного теперішнього // Актуальні проблеми психології: Психологічна герменевтика / За ред. Н.В. Чепелевої. — К.: ДП «Інформаційно-аналітичне агентство», 2010. — Том 2, вип. 6. — С. 170-182]. Субстантивное переживание отражает содержание, которое несет в себе настоящее, а транзитивное переживание формирует границы настоящего. Согласно полученным результа-*

там, появление транзитивного переживания в потоке сознания является неотъемлемым условием для окончания актуального настоящего и для начала последующего. Таким образом, субъективное настоящее определяется как отрезок потока сознания, который лежит между двумя последовательными осознанно воспринятыми транзитивными переживаниями. При этом субстантивный и транзитивный элементы потока сознания следует понимать в том смысле, который им придают Э.Гуссерль [Husserl, E., *Husserliana, Gesamte Werke, Band IX, Phänomenologische Psychologie*, Den Haag, Martinus Nijhoff, 1962; Husserl, E., *Husserliana, Gesamte Werke, Band X, Zur Phänomenologie des inneren Zeitbewusstseins (1893-1917)*, Den Haag, Martinus Nijhoff, 1962] и Линшотен [Linschoten, J., *Auf dem Wege zu einer phänomenologischen Psychologie. Die Psychologie von William James*, Berlin, Walter de Gruyter & Co, 1961]. В соответствии с определением субъективного настоящего получаем ответ на вопрос о длительности настоящего. Физическая длительность настоящего определяется как интервал между появлением в потоке сознания последовательных транзитивных переживаний, при этом она не является постоянной величиной, как полагает, например, Э.Пюппель [Pöppel E., *Grenzen des Bewußtseins. Über Wirklichkeit und Welterfahrung*. — Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1985]. Настоящее — это динамическое отражение актуального опыта в потоке сознания. Длительность субъективного настоящего имеет собственную динамику и ее закономерности, она может изменяться в достаточно широком диапазоне от 0,5 сек. до 140 сек. Важно при этом постоянство внутренней структуры настоящего как последовательности транзитивного и субстантивного элементов потока сознания независимо от его длительности.

***Роздобутько Е.Н.,
преподаватель Национального педагогического универ-
ситета имени М.П. Драгоманова***

ВРЕМЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Сегодня в социологии сложились следующие направления исследования проблематики времени: анализ времени как формаль-

ной социологической категории (при этом одни исследователи рассматривают разные способы размышлений о времени в социальных терминах, другие, прежде всего, обращают внимание на социальные ритмы, неравномерность времени и социальное структурирование времени); значительное развитие получили исследования бюджетов времени; сформировались особенные направления в социологии, связанные с социальным временем: социология досуга, социология свободного времени, происходит спорное и неоднозначное обсуждение обозначения предметной области исторической социологии; исследуются изменения современных стилей жизни [Нестик Т.А. Социальное конструирование времени / Т.А. Нестик // Социологические исследования. — 2003. — № 8. — С. 12-21].

Кроме того, рассмотрено влияние времени как социального фактора на социальное взаимодействие — как ресурса и как социального смыслообразующего фактора. Также дальнейшего развития должна получить теза о необходимости исследования использования времени как шкалы количественных изменений в социальных отношениях.

Проиллюстрируем актуальность проблематизации социального времени на примере его включенности в социологическую методологию и методы.

Г.Саганенко понимает « время как то, что имеет отношение к актуальной социальной реальности,... специфическим глобальным параметрам ситуации в мире, регионе, стране, городе, событиям, которые наполняют эту реальность... «Время» — это и общая, и более конкретная ситуация, как бы «привязанная» к более конкретным календарным годам, месяцам и даже датам» [Саганенко Г.И. Социальное время как значимый фактор эмпирической социологии / Саганенко Г.И. // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2002. — № 4. — С. 130]. Как дальше размышляет Г.Саганенко: «Методология фактически не подвергла осмыслению «социальное время» в качестве «методологического участника» исследования» [Саганенко Г.И. Социальное время как значимый фактор эмпирической социологии / Саганенко Г.И. // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2002. — № 4. — С. 130]. Хотя дальше продолжает: «Время является значимым участником исследовательского процесса и выступает в нескольких методологических амплуа» [Саганенко Г.И. Социальное время как значимый фактор эмпирической социологии / Саганенко Г.И. // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2002. — № 4. — С. 130]. Во-первых, каждое социальное время имеет свою «содержательную фактуру», свои принципиальные компоненты. Во-вторых, появи-

лись новые привлекательные и значимые для исследования социальные коллизии. В принципе исследование должно учитывать «дух эпохи», который носит глобальный или более локальный характер по отношению к проблеме и месту ее изучения. В-третьих, существующая ситуация в обществе меняет возможности получать объективную информацию. Социальное время меняет отношение людей к участию в исследованиях. Также социальное время присутствует в исследованиях своим темпом, динамикой общественной жизни, определяя и сроки социального исследования. Кроме того, социальное время присутствует в исследовательской методологии в макропараметрах — в политическом строе и экономическом состоянии страны, в которой живет исследователь [Саганенко Г.И. Социальное время как значимый фактор эмпирической социологии / Саганенко Г.И. // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2002. — № 4. — С. 131—132].

Современная русская исследовательница Н. Веселкова [Веселкова Н.В. Существует ли «социология времени»? / Веселкова Н.В. // Социологический форум. — 2000. — № 1-2. — С. 37—48] считает, что внимание к проблеме времени помогает раскрыть, по крайней мере, два момента: природу предмета исследования и природу метода:

- почти любое социологическое исследование содержит операции с переменными, которые являются темпоральными гранями предмета (возраст, стаж и пр.);

- многие исследовательские тематики связаны с использованием категории персонального

 - (упорядочения) времени;

 - темпоральная структура изложения информации;

 - темпоральный аспект методов сбора данных. Так, в опросном методе широко практикуются вопросы, что относятся к прошлому и предъявляют определенные требования к памяти респондента и его возможностям реконструирования событий, а также проективные вопросы, предполагающие способность респондента к экстраполяции неких закономерностей из настоящего в будущее. Чтобы корректно формулировать и проанализировать индикаторы исследователю необходимо принимать во внимание темпоральные особенности изучаемого объекта [Веселкова Н.В. Существует ли «социология времени»? / Веселкова Н.В. // Социологический форум. — 2000. — № 1-2. — С. 37—48].

*Рурикевич Т.Ю.,
магистрантка Львовского
национального университета имени Ивана Франко*

**«ВРЕМЯ» И «ДЕНЬГИ»:
ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЧАСТНЫХ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И РАБОТНИКОВ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР**

На сегодня, в условиях нестабильного, кризисного функционирования экономики страны, постоянных трансформационных процессов на местном и государственном уровнях, жесткой конкуренции, — для предпринимателей, которые работают в коммерческой сфере, особенно актуальным является вопрос проблемы времени. Нередко можно услышать: «Время — это деньги». Ведь, с упущенным временем можно потерять клиентов, новые проекты, перспективы, персонал и т.д., а это — залог его функционирования и прибыльности. В отличие от государственных форм собственности, частное предприятие самостоятельно организует свою деятельность и только на основе собственных результатов, без любой поддержки, достигает своей цели — получения прибыли. Потому, к предпринимателю, который руководит собственной коммерческой деятельностью, появляются особые требования относительно планирования, организации и распределения своего времени ради обеспечения своего материального положения. Вместо этого, заработная плата государственных работников нормативно определена, и преимущественно не зависит от времени выполнения работы. Частные предприниматели же за потерянное время теряют потенциальную возможность получения денег. Такие особенности обуславливают актуальность исследования проблемы организации собственного времени, представлений о нем, а также особенностей восприятия категории «деньги» частными предпринимателями, которые работают в коммерческой сфере и лицами, занятыми в государственном секторе.

Цель нашего исследования — выучить и сравнить психологические особенности восприятия категорий «время» и «деньги», а также специфики организации своего времени жизни, лицами, которые руководят собственной коммерческой деятельностью, и лицами, которые работают на государственных предприятиях и осуществляют исполнительные функции.

Объект исследования — время и деньги как психологические явления.

Предмет исследования — особенности восприятия категорий «время» и «деньги» лицами, которые занимаются коммерческой деятельностью и лицами, которые работают в государственной сфере.

В исследовании приняли участие 93 человека. С них: 49 — частные предприниматели, 44 — работники госпредприятий.

Возраст: 24 — 43 года.

Для достижения нашей цели было предложено выполнить следующие задания:

1. Анкета «Организация времени жизни».
2. Оценить с помощью метода семантического дифференциала понятия: «деньги», «время».
3. Оценить «реальный» и «желаемый» уровень следующих понятий: «материальное положение», «ум», «счастье», «здоровья», «доброта» (на основе методики Дембо-Рубинштейн).

Статистическая проработка осуществлялась с использованием компьютерной программы Statistica 6.0.

С помощью метода семантического дифференциала, были выделены наиболее важные характеристики понятий «деньги» и «время» частными предпринимателями и работниками государственных структур.

Для группы предпринимателей, время оценивается как быстрое (92 %), сложное (91 %), дорогое (84 %), напряженное (82 %), активное (79 %).

В группе исследуемых, которые работают в государственном секторе, время характеризуется как тяжелое (90 %), хаотическое (86 %), напряженное (78 %).

Относительно характеристики денег частными предпринимателями и государственными работниками, нами было полученные следующие результаты.

Деньги характеризуются частными предпринимателями как радостные (93 %), дорогие (81 %), умные (78 %); работниками государственных структур как быстрые (85 %) и тяжелые (77 %).

В результате проведенного корреляционного анализа были обнаружены связи между исследуемыми признаками в группах.

Группа частных предпринимателей:

Установлено, что чем лучше человек умеет планировать собственное время, тем выше он оценивает «реальный» уровень собственного ума ($r=0,48$) и «желаемый» уровень материального состояния ($r=0,57$). При этом, человек ниже оценивает уровень «реального» здоровья ($r= - 0,42$). Следовательно, можем выдвинуть предположение, что предприниматели при планировании своего времени, значительно тратят ресурс своего здоровья, которое

ухудшается, хотя это в свою очередь способствует высшей оценке собственного ума и стремлению иметь большее материальное состояние.

Также обнаружено, что с ростом умения человека реализовывать в жизни собственные планы — растет «реальный» уровень оценки собственного ума ($r=0,48$), счастья ($r=0,54$), «желаемый» уровень здоровья ($r=0,64$) и материального состояния ($r=0,53$).

Группа госработников:

Установлено, что с ростом умения планировать собственное время, растет оценка «реального» уровня ума ($r=0,61$).

Также прослеживается, что чем лучше человек реализовывает в жизни запланированное, тем высший у нее уровень «реального» материального состояния ($r=0,63$), счастья ($r=0,47$), ума ($r=0,58$).

На основе эмпирического исследования было выявлено различия в восприятии понятий «время» и «деньги» в группах частных предпринимателей и работников государственных структур. Установлено, что частные предприниматели, лучше организуют время своей жизни, сам процесс планирования и реализации запланированного, также выше оценивают уровень своего материального положения, в сравнении с госработниками, которые высшее оценивают уровень собственной доброты и ума.

**Салатич Т.П.,
сотрудник Института
Ритмологии Евдокии Марченко (ИрлЕМ)**

ВРЕМЯ ТРЕБУЕТ РИТМОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Ритмология — новая сфера знаний, зародившаяся в девяностых годах двадцатого столетия.

Ритмология изучает время и способы его использования человеком.

Важно то, что в ритмологии ведётся не только теоретическое изучение времени как субстанции, но ещё и создание методов работы со временем. Поскольку «приёмником» времени и «инструментом» для его применения является наш мозг, а важнейшей функцией мозга является мышление, то возникает вопрос:

чем отличается мышление человека, мозг которого способен принимать время?

Задачей данной статьи является ознакомление с ритмологическим мышлением. Теории мышления в науке разнообразны. Если

ассоцианисты связывали мышление с происходящим во внутреннем поле образов индивидуального сознания, то основоположник бихевиоризма Д. Уотсон предпосылкой разворачивания мысли считал проблемную ситуацию, подчёркивая значимость внешнего для функции мышления. В целом, многие исследователи видят проблемную ситуацию условием функционирования мышления. Так, Д. Дьюи также указывает на то, что «...Начало мышления находится в каком-то затруднении, смущении или сомнении» [Дьюи Д. Психология и педагогика мышления. Пер. с англ. Н. М. Никольской. — М.: Совершенство, 1997]. Регуляция сознанием процесса мышления рассматривается в теориях рефлексивной саморегуляции, где большое внимание уделяется логическим процедурам. Современный взгляд на мышление находит место и внутренним, и внешним регуляторам мышления. Итак, мышление есть применение понятий посредством системы логических правил для решения задач и проблем. Название «ритмология» содержит в себе логику. Но это логика ритма. Доритмологическое понимание ритма весьма разнообразно. Самое простое понимание ритма предполагает повтор одного и того же элемента. Музыка и поэзия; во всех науках есть своё представление о ритме. Биоритмы, ритмы частотных, волновых колебаний, ритм вспышек на Солнце. Квантово — волновую систему ритма, то есть связь ритмов человека и ритмов внешней среды исследует академик Казначеев [Казначеев В.П., Спиринов Е.А. Космопланетарный феномен человека: Проблемы комплексного изучения. — Новосибирск: Наука, Сиб. Отд-ние, 1991]. В экономике изучают «большие циклы» конъюнктуры на рынке, а Илья Пригожин исследовал эволюционные ритмы, ведущие к рождению новых систем [Казначеев В.П., Спиринов Е.А. Космопланетарный феномен человека: Проблемы комплексного изучения. — Новосибирск: Наука, Сиб. Отд-ние, 1991]. Иное ритм в ритмологии. «Концентратором времени, своеобразным его ступочком, который передаёт на планету Земля и в человечество со звёзд, является ритм» [Марченко Е.Д. Ничего случайного не бывает (Ритмология для каждого). СПб.: Авторский Центр «РАДАТС», 2010]. В отличие от уже существующих представлений о ритме, в основу которых заложена повторяемость, а, значит, цикличность, ритм, несущий время всегда неповторим, уникален. С точки зрения ритмологии у каждого человека есть свой ритм. И пока человек соответствует своему ритму, в его жизни происходят яркие позитивные события, позволяющие человеку полностью раскрыть свой потенциал. При отступлении от ритма начинаются повторы. «Событийный повтор достаточно мягок. Проблемный повтор более жёсткий, а ущербный повтор жестокий» [Марченко Е.Д. Ритмоме-

ры, книга 2. СПб.: Радатс, 2008]. Ритмология помогает распознать, где человек отошёл от своего ритма, и помогает ему вернуться к событиям своей жизни. «Обычное» мышление, призвано решать проблемы, ритмологическое мышление имеет целью распознавание появившихся повторов событий. «Ритмологическое мышление позволяет фиксировать связи, которые невидимы обычным людям. Фрагменты несочетаемых событий чаще всего воспринимаются отдельно, как переход от одной зоны к другой. На самом деле, человеческий мозг может фиксировать закономерности не только научным способом, то есть выведением на внешнее наблюдение. Но и следить за цифрами, буквами, словами, именами. Допущенные ошибки в экспериментах отбрасываются. Хотя часто именно они важнее подтверждения. Из ряда вон выходящее явление запоминается мозгом» [Марченко Е.Д. Ритмология от события, или К чёрту общество чистых тарелок. СПб: Авторский Центр «РАДАТС», 2006]. В основе ритмологического мышления — наблюдатель. Это необходимо для того, чтобы вовремя заметить отход от ритма. Вспомним, что вся история науки рассказывает о попытках устранить влияние человеческого фактора, то есть субъективного взгляда во имя достижения объективной картины мира. И Альберту Эйнштейну хотелось исключить наблюдателя в своих экспериментах по той же причине. А в ритмологическом мышлении наблюдатель необходим. Однако позиция наблюдателя не является рефлексивной позицией в мышлении, так как она не является организующим началом, она содержательна изначально. Кроме того, рефлексия подразумевает возврат к исходной позиции: рефлектирующий всегда возвращается к точке запуска рефлексии. При понимании своего отхода от ритма человек не возвращается в исходную позицию, поскольку правильное ритмологическое понимание ситуации аннигилирует сам отход от ритма и ситуация быстро меняется в позитивную сторону. Возврат в предыдущую точку невозможен. Улучшение ситуации объясняется тем, что ритмы во Вселенной живут в гармонии, следовательно, возврат к ритму неукоснительно приводит к большей гармонии жизни человека.

Развитие ритмологического мышления открывает невиданные перспективы эволюции человека. «По мере набора ритмоопыта люди взрослеют, у них вырабатывается потребности чистого мозга, свежей памяти, ясного сознания. Праздник активного мозга, успевающего провести лонгирование будущего, отрегулировать прошлое, насладиться настоящим, становится насущной необходимостью» [Марченко Е.Д. Откровенное знакомство. Часть 4. СПб.:Авторский Центр «РАДАТС»,2006].

**Свинаренко Р.Н.,
доцент Одесского национального
университета имени И.И. Мечникова**

ВРЕМЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОТЕНЦИАЛА САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Временная составляющая потенциала самореализации личности является одной из главных проблем, которая активно исследуемых в последние несколько десятилетий в рамках различных дисциплин среди них: в когнитивной психологии, психологии личности, социологии. В целом, на сегодняшний день можно выделить несколько главных сфер рефлексии времени субъектом: сферу субъективных переживаний, сферу самореализации и сферу социальной идентификации. Каждая из этих сфер достаточно хорошо изучена в рамках отдельных дисциплин.

Так субъективное переживание времени рассматривается преимущественно в рамках когнитивной психологии и объясняется осцилляторными механизмам отмеривания времени внутренними биологическими часами [Gibbon, 1989; Цуканов Б.И., 2000]. Субъективное осмысление времени, в свою очередь, становится возможным благодаря субъективным механизмам категоризации [Киреева З.А. 2010]. Кроме того, субъективное переживание времени глубоко связано с жизненными событиями. В целом, внутренне переживаемому времени, во многом присуща определенная динамичность, подвижность, изменчивость [Головаха Е.И., Кроник А.А., 2000]. Со стороны самореализации можно выделить четыре (Свинаренко Р.М., 2010) или 5 типов (Zimbardo F., 2000) временных стратегий самореализации. С одной стороны эти типы являются достаточно стабильными, но при этом они привязаны к полихроничным особенностям деятельности (Абульханова К.А, Болотова А.К.,2001; Климов Е.А., 1995). Со стороны идентификации проблема времени рассматривается, преимущественно в рамках социологии поколений, где акцентируется внимание на особенностях поколения и передачи социального опыта (Свинаренко А.М., 2003).

Самореализация человека связано с тремя отличными временными сферами: динамичными повседневыми переживаниями, полихроничными условиями деятельности и статичным социальным опытом. Все три сферы тесно взаимосвязаны, образуя временной потенциал самореализации личности.

Скок Н.С.,
канд. соц. наук,
ст. преподаватель Донецкого
государственного университета управления

СУБЪЕКТИВНОЕ ВРЕМЯ И ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Бенджамин Франклин говорил, что время — деньги. «Время стало деньгами, как только превратилось в инструмент (или оружие?), используемый, прежде всего, в попытках преодоления сопротивления пространства: сокращение расстояний, лишение «удаленности» значения препятствия, а тем более предела, для человеческих стремлений. Имея это оружие, можно было ставить перед собой задачу покорения пространства и со всей серьезностью приступить к ее решению» [Бауман З. Текущая современность / Пер с. англ. под. ред. Ю.А. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008. — С. 122]. Новая эпоха формирует новое понимание времени и пространства. Пространство становится «выражением общества. Поскольку наши общества подвергаются структурной трансформации, разумно предположить, что в настоящее время возникают новые пространственные формы и процессы» [Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под научн. ред. проф. О.И. Шкаратана. — М. ГУ ВШЭ, 2000. — С. 350].

Сегодня отношения между временем и пространством стали «изменчивыми и динамичными». «Завоевание пространства» теперь понимают как использование быстрых машин. Ускоренное движение означает большее пространство, и ускорение движения становится единственным средством расширения пространства [Бауман З. Текущая современность / Пер с. англ. под. ред. Ю.А. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008. — С. 123]. Темп жизни ускоряется, время становится дороже и важнее денег.

Процесс компьютеризации, проникновение сети Интернет, появление «виртуальной реальности», «удлинения отрезков пространства, которые можно пройти, пересечь или завоевать за единицу времени» [Бауман З. Текущая современность / Пер с. англ. под. ред. Ю.А. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008. — С. 15] изменяют пространство. Пространство и время открывают новые горизонты освоения жизненных возможностей. Поэтому возникает необходимость исследования влияния «виртуальной реальности» на человека. Нашей целью является исследование влияния «виртуаль-

ной реальности» на восприятие человеком времени и реальной «виртуальности» пространства.

Конец XX — начало XXI века характеризует устойчивое увеличение масштабов применения информационных технологий, сопровождающееся виртуализацией человеческой деятельности. С развитием технологий виртуальной реальности, компьютеры из вычислительных машин превратились в универсальные машины по производству «зеркальных» миров, «виртуального общества» (А. Бюль). Процесс замещения с помощью компьютеров реального пространства как места воспроизводства общества пространством виртуальным А.Бюль называет «виртуализацией», которую характеризует: нематериальное влияние, условность параметров и свобода входа / выхода, которая дает возможность прерывать и возобновлять свое существование в виртуальном пространстве. В виртуальной реальности происходит «общение» с симуляцией. Какова бы ни была реальность, для нее возможна виртуальная реальность, которая осуществляется через подмену. О виртуализации относительно общества можно говорить постольку, поскольку общество становится похожим на виртуальную реальность, то есть может описываться с помощью тех же характеристик. Виртуализация в таком случае — это любое замещение реальности ее симуляцией, не обязательно с помощью компьютерной техники, но непременно с применением логики виртуальной реальности.

Пространство становится выражением общества. Пространственные формы и процессы формируются динамикой общей социальной структуры. Реальность, как она «переживается через символы, которые всегда наделяют практику некоторым значением, отклоняющимся от их четкого семантического определения», всегда была виртуальной (М.Кастельс) [Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под научн. ред. проф. О.И. Шкаратана. — М. ГУ ВШЭ, 2000. — С. 317], т.е. такой, которая может или должна проявиться при определенных условиях (но в действительности не существует). Физическое пространство в Интернете теряет свое значение, поскольку Интернет-пространство позволяет общаться с людьми за несколько тысяч километров, новые знакомства и т.д., но в реальной жизни эти люди могут никогда не встретиться, что создает новый стиль общения. Возможность виртуальных путешествий, будто расширяет возможности человека пребывания в большом количестве мест одновременно, по его желанию. Пространство, теряя реальность, становится виртуальным.

Субъективное время нами понимается как время, которое определяется переживанием индивидом событий, которые происходят, происходят и будут происходить в его жизни и в обществе. Они прямо или косвенно влияют на содержание и качество жизнедеятельности индивида, его ценностно-оценочное отношение к ним, что позволяет осмысливать и отображать определенные события и структурировать их в пределах личностных целей индивида. При этом под переживанием событий понимаем не просто определенное эмоциональное состояние, а их адекватное восприятие, оценки и переосмысления, то есть такое проживание, благодаря которому в дальнейшем происходит построение индивидом будущего [Скок Н.С. Суб'єктивний час як чинник соціальної поведінки індивіда в умовах суспільних трансформацій: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.01 / Скок Наталя Сергіївна. — Донецьк, 2010. — С. 51]. Неустойчивость образов в Интернете ставит индивида в пределы бытия-небытия. Однако, виртуальное пространство, несмотря на его неустойчивость, существует для его пользователей здесь и сейчас, теряются границы прошлого, не видно границ будущего. Теряется ощущение реального времени, деятельность, осуществляемая в виртуальном пространстве, поглощает реальное время. Происходит преобразование времени. Пространство поглощает время, теряются пределы прошлого, настоящего и будущего, оно становится «одновременным» и «вневременным», теряется смысл структурирования событий.

Виртуальная реальность представляет собой замещение реального пространства образами-симуляциями. Виртуальное пространство представляет собой пространство возможное, но не существующее в данный момент времени, поскольку условия, в которых оно возникает, созданы искусственно, то есть реальное пространство существования подменяется пространством виртуальным. Реальные социальные практики заменяются компьютерными симуляциями. С одной стороны, смываются физические границы пространства, с другой, — погружение в виртуальное пространство «смывает» границы времени, ощущение времени теряется. Происходит одновременное существование в настоящем, то есть время «сужается», и смешение времен в виртуальном пространстве, когда теряется очередность и создается недифференцированное время, равное вечности. Такое существование на грани реальности и виртуальной реальности, формирует особое видение мира, общества, пространства и времени, жизнь в таких условиях может превратиться в «виртуальную». Возможности, открывая новые горизонты, могут стать виртуальными.

**Скрипник Е.А.,
студентка Национального университета
«Киево-Могилянская академия»**

ОШИБОЧНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ ПСИХИКОЙ ЧЕЛОВЕКА

Восприятие — это психический процесс отображения в мозге человека предметов и явлений в общем.

Главным компонентом восприятия времени является его продолжительность. Поэтому чтобы отличить восприятие продолжительности времени от его физической продолжительности, было введено понятие протяжности (сжатости/растяжимости времени) [Шиффман Х.Р. Ощущение и восприятие. 5-е изд. — СПб.: Питер, 2003. — С.771].

Восприятие тесно связано с ощущениями. Ощущения сенсорные рождают восприятия зрительные, слуховые, осязательные, вкусовые, болевые и т.д. Ощущения, что имеют отношение к психической жизни человека, рождают эмоциональные, интеллектуальные, эстетические восприятия. Ощущения за сложностью восприятия различают восприятия пространства, движения, времени. И если, воспринимаемая время и движение, мы пользуемся очевидными рецепторами (зрительный, слуховой, кинестетический), то восприятие времени основывается на некоторых когнитивных способностях сознания. Как говорил Ганс Кастропор (герой романа Т.Манна «Волшебная гора»): «Что такое время? Вы можете мне ответить на этот вопрос? Пространство мы воспринимаем с помощью наших органов чувств, с помощью зрения и осязания. Прекрасно. Но где орган, воспринимающий время? Как мы можем измерить то, о чем на самом деле нам ничего не известно, ни единого свойства? Мы говорим о времени, что оно проходит. Очень хорошо, пусть себе проходит. Но чтобы мы могли измерить его, чтобы подлежало измерению, время должно течь равномерно. Но кто сказал, что оно течет именно так? Насколько наше сознание способно это оценить, ничего подобного не происходит; мы лишь для удобства принимаем, что оно течет именно так: наши единицы измерения — чистая условность, они всего лишь результат общей договоренности» [цит.по Шиффман Х.Р. Ощущение и восприятие. 5-е изд. — СПб.: Питер, 2003. — С.772].

Теории, которые помогают объяснить природу восприятия времени, следующие: биологическая (у человека есть определенные

периоды активности, которые повторяются более-менее регулярно, и которые создают ритмы активности, за которыми человек и определяет ход времени), гипотеза Хогланда или биологические часы (основывается на предположении, что человек ориентируется в восприятии времени на обмене веществ), когнитивные теории (восприятие времени — это когнитивная конструкция, которая является продуктом мыслительного процесса и определяется природой и масштабом когнитивной обработки информации, что исполняется за некоторой промежуток времени), теория Орнштейна (когнитивно-аттенциальная теория, восприятие времени индивидуумом зависит от того, на что обращено его внимание) [Шиффман Х.Р. Ощущение и восприятие. 5-е изд. — СПб.: Питер, 2003. — С.772-777].

Известно также, что на восприятие времени влияют некоторые препараты: наркотики, сильные ноотропные средства, что «замедляют» время. И механизм их действия пока не известный, только существуют теории, что эти препараты влияют на обмен веществ в организме.

Говоря о том, какие отделения коры головного мозга отвечают за ориентирование во времени, можем констатировать: нет оснований для предвидения существования локализации восприятия времени в коре, специального центра отчета времени, поскольку расстройство временных восприятий наблюдается при поражении разных зон коры [Петровський О. Загальна психологія. Сприйняття часу і руху: http://www.jenessi.net/psihol_petr/513-sprijnjattja-chasurukhu.html].

И.Сеченов открыл, что в восприятии времени берут участие разные анализаторы, но наиболее точное дифференцирование времени дают кинестетические и слуховые ощущения. Он назвал кинестетический анализатор органом восприятия пространственных и временных отношений. Двигательные ощущения позволяют довольно точно отобразить длительность, скорость и последовательность явлений. Особенную роль играет кинестетический анализатор в восприятии ритма. Под ритмом с психологической точки зрения имеется в виду восприятие серии объектов как серии групп стимул-реакций. Последовательные группы обычно стоят по одному примеру и воспринимаются как повтор. Характер восприятия групп в значительной мере определяется особенностями стимул-реакций: относительная интенсивность стимул-реакций, их абсолютная и относительная продолжительность, расположение во времени [Петровський О. Загальна психологія. Сприйняття часу і руху: http://www.jenessi.net/psihol_petr/513-sprijnjattja-chasurukhu.html].

Восприятие длительных периодов времени в значительной мере определяется характером переживаний. Обычное время, которое было заполнено интересной, мотивационной деятельностью, кажется короче, чем время, проведенное в бездеятельности. Эксперименты по ограничению сенсорной информацией показали, что в условиях сенсорной изоляции наблюдается очень медленное субъективно продолжительность время. Так, исследованный, помещенный в бакоподобный респиратор на специальном матрасе в условиях постоянного монотонного звука, слабого искусственного света, ограниченных тактильных и двигательных ощущений, сообщал, что минуты кажутся ему часами. Но в дальнейшем отчете соотношение может быть обратным: время, проведенное в бездельничанье, может казаться короче, если про него вспоминают.

Реальное время, которое можно измерять с помощью приборов, и время, каким его воспринимает конкретный человек, очень часто отличаются между собою, а искривления в психике одного человека отличаются от искривлений времени психики другого человека. На это влияют разнообразные факторы, как: возраст, обширность окружающего пространства, расстояние, эмоциональное состояние человека и др.

**Сокиржинская О.О.,
аспирантка Одесского национального
университета имени И.И. Мечникова**

ИЗУЧЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ МЕТОДОМ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ

В истории развития цивилизации понятие времени и его оценки рассматривалось дифференцированно. В древнем Египте и Китае время воспринималось линейно, т.е. от прошедшего к будущему, как последовательность эр. В древней Индии восприятие времени носило циклический, круговой характер, подобно колесу, бесконечному повторению прошедшего, настоящего и будущего. В дальнейшем понятие времени нашло свое развитие в античной натурфилософии, в философских теориях эпохи Возрождения и нового времени, в работах таких мыслителей как Сократ, Гераклит, Аристотель, Платон, Декарт, Демокрит, Кант, Бергсон, Гегель, Гуссерль и др.

В психологии довольно длительное время использовалось представление о времени, заимствованное из классической механики. Так, И.Ньютон считал, что существует абсолютное и относительное время. «Абсолютное, истинное математическое время, само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно и иначе называется длительностью. Относительное, кажущееся или обыденное время есть или точная, или изменчивая, постигаемая чувствами, внешняя, совершаемая при посредстве какого-либо движения мера продолжительности, употребляемая в обыденной жизни вместо истинного математического времени, как: час, день, месяц, год» [Цуканов Б. И. Время в психике человека. — О.: Изд-во «АстроПринт», 2000. — 217 с.]. А.Бергсон выдвинул психологическое время — «длние» в противоположность физическому и математическому времени Ньютона. Э.Гуссерль проделал анализ психологического времени, в котором его важнейшие характеристики определены уровнями сознания времени. В психологической науке категория времени существует достаточно долгий период. В данной области исследования занимались такие ученые как А.В.Петровский, В.И.Вернадский, С.Л.Рубинштейн, Г.Вудроу, У.Джемс, Д.Греч, П.Фресс, И.П.Павлов, Д.Г.Элькин, А.Г.Асмолов, К.А.Абульханова-Славская, Е.И.Головаха, А.А.Кроник, В.П.Зинченко, Б.И.Цуканов, Т.М.Титаренко и многие др. Как утверждает В.П. Зинченко, время для психологии выступает в качестве важнейшего средства изучения психики, условия (фактора) облегчающего или затрудняющего протекание психических процессов. Е.И. Головаха, А.А. Кроник выделяют следующие формы детерминации времени жизни человека: «физического» или «хронологического» времени, «биологического» времени (зависит от жизнедеятельности биологических систем и изучаемого, прежде всего, в цикле работ о биологических ритмах жизни, о биологических часах), «исторического» времени (обусловлено особенностями социогенеза конкретно-исторических общностей), «психологического» времени личности (представляет собой одновременно условие и продукт реализации деятельности в ходе жизненного пути личности) [Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. — К.: Наукова думка, 1984. — 209 с.].

Восприятие времени, как и другие психические процессы, строится на различных вертикальных уровнях нервной системы. Вообще, восприятие времени относится к числу сложных аналитико-синтетических процессов. Восприятие времени, по Д.Г. Элькину, — это отражение в мозгу объективной длительности, скорости и последовательности явлений действительности [Д. Г. Восприятие

времени. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962. — С. 15]. В основе восприятия времени лежит ритмическая смена возбуждения и торможения, затухание возбудительного и тормозного процессов в ЦНС, в больших полушариях головного мозга [Д. Г. Восприятие времени. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962. — 311 с.]. Д.Г. Элькин, ссылаясь на собственные исследования и исследования Л.Я. Беленькой, указывает на два вида восприятия времени, тесно между собой связанных: 1) непосредственное восприятие времени, в котором определенное значение приобретает зрительный бугор, и 2) сложное восприятие времени, имеющее локализацию в коре большого мозга, процесс, опосредованный высшими гностическими функциями [Элькин Д. Г. Восприятие времени. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962. — С. 22]. Фактический материал убедительно говорит о важности первосигнальных связей в отражении времени. С.Л. Рубинштейн, Б.И. Цуканов, П. Фресс, рассматривают способность человека к осознанной оценке времени. Основными методами исследования восприятия времени являются такие процедуры как словесная оценка, воспроизведение, отмеривание и сравнение интервалов различной модальности. По мнению Б.И.Цуканова наиболее достоверным является метод воспроизведения длительности, одним из преимуществ которого является то, что не возникает необходимости соотнесения с абстрактными единицами (П. Фресс). Суть метода воспроизведения длительности заключается в предъявлении испытуемому двух последовательных сигналов, ограничивающих начало и конец промежутка переживаемой длительности (t_0) с последующим его воспроизведением. Расхождение между заданным промежутком (t_0) и воспроизведенным промежутком (t_s) фиксируется в виде относительной ошибки воспроизведения [Цуканов Б. И. Время в психике человека. — О.: Изд-во «Астро-Принт», 2000. — 217 с.]. В результате испытуемых можно разделить на «высокоточных», «точных» и «средне точных». С помощью этого метода Б.И. Цукановым были выделены критерии качества хода «собственных часов» индивида, которые, согласно полученным результатам, могут быть показателями врожденных возможностей индивида, в частности, предпосылок его интеллектуальных способностей. З.Киреевой установлено, что в процессе индивидуального развития улучшается степень точности воспроизведения длительности, что подтверждено статистически ($r = 0,55$, при $p \leq 0,01$) и отмечена следующая тенденция: при максимально точном воспроизведении временных промежутков репрезентация времени отражает сложную форму когнитивной деятельности подростков. В нашем исследовании особенностей воспроизведения временного промежутка у спортсменов в предстартовом и постстартовом со-

стояниях показано, что спортсмены, длительное время занимающиеся спортом, достаточно точно воспроизводят промежутки времени, их нервная система работает ритмично в предстартовом и постстартовом состояниях, а начинающие спортсмены сохраняют разные степени воспроизведения длительности в предстартовом состоянии и увеличивают «среднеточное» воспроизведение заданного промежутка в постстартовом состоянии.

Стриж О.Н.,
магистрантка Киевского
национального университета имени Тараса Шевченко

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В СОЦИОЛОГИИ: СТРУКТУРА, СВОЙСТВА И КЛАССИФИКАЦИЯ

На сегодняшний день существует много разновидностей времени. Механическое время, которое имеет место в механике и точных науках, онтологическое время — это время в философии, операционное время, связанное с действием экономических сил, экономическое время имеет отношение к экономическим системам, астрономическое (календарное) время, характеризующее темпоральное поведение объектов, которые изучаются астрономией и является временем повседневной жизнедеятельности человека, но оно очень сильно отличается от социального времени, которым интересуется социология и которое является одной из характерных черт существования общества и т. д. Социальное время касается как отдельного индивида, так и общества в целом. Сегодня социальное время уже не такое, каким оно было сто, двести, тысячу лет назад.

Среди ученых-социологов нет общепринятого понимания феномена социального времени, поэтому разные ученые трактуют социальное время по-разному. Э. Дюркгейм включил проблему времени в социальную сферу. Для него время — «социальный факт», или «коллективное представление», эманация («излучение», «ход») коллективного опыта и социальной организации общества. И как таковое, оно социально «конструируется». Подобно другим «социальным фактам», что социально конструируются, время осуществляет некоторое сдерживающее влияние на действия людей, обеспечивает нормативную регуляцию социальной жизни и тем самым

влияет на общество, формирует своих собственных творцов [Штомпка П. Временное измерение общества: социальное время // Штомпка П. Социология социальных изменений. — М., 1996. — С. 82—83]. П. Сорокин и Р. Мертон рассматривали социальное время как функциональную предпосылку упорядоченной, предсказуемой, скоординированной и синхронизированной общественной жизни [Штомпка П. Временное измерение общества: социальное время // Штомпка П. Социология социальных изменений. — М., 1996. — С. 83—84].

Различные системы общества и различные субъекты имеют отличительные структуры социального времени. Относительно структуры социального времени — это социальная конструкция, она определяется выбором точек отсчета, которые в свою очередь, зависят от представлений «конструкторов» о важности того или иного процесса [Ілляхова М. В. Становлення сучасної соціально-філософської концепції соціального часу // http://www.filosof.com.ua/Jornel/M_77/Illahova.pdf (28. 03. 2010 р.)]. Так, Э. Гиденс в структуре социального времени выделяет три компонента, начиная от социального времени человека и, заканчивая социальным временем социальных институтов. В. П. Горяинов отмечает, что в структуре социального времени содержится объективная и субъективная составляющая.

Социальное время, как неотъемлемый компонент жизни общества, характеризуется многими свойствами. Так, З. Бауман отмечает, что мы живем в текучей современности. И соответственно, социальное время становится скоротечным и наделяется новыми характеристиками под влиянием общественного порядка.

Довольно удачную классификацию свойств социального времени разработал К. Ю. Авраменко. Выделенные им свойства хорошо отражают сущность социального времени современного общества. И. Г. Рекорд, дополняя выделенные К. Ю. Авраменко свойства и особенности социального времени, отмечает, что они очевидны и их можно заметить, даже, не применяя инструмент измерения [Рекорд И. Г. Социальное время. Заметки об онтологии // Социологические исследования. — 2006. — № 7. — С. 137—140].

Будучи многогранным феноменом социальной сферы общества, социальное время имеет определенные разновидности. В концепции одного из представителей школы Анналов, Ф. Броделя, социальная действительность происходит в двух видах социального времени: в структурном времени, длительном, но не вечном, и в среднем циклическом времени в пределах структур. Оба вида времени строятся на основе системного анализа общества. Они являются социальными фактами. Ф. Бродель — один из первых созда-

телей конструкции времени. П. Штомпка отмечает, что в социальных изменениях время проявляется в двух ипостасях. Это — «количественное время», его показывают такие удобные приборы, как часы и календари, и это «качественное время», которое определяется природой социальных процессов [Штомпка П. Временное измерение общества: социальное время // Штомпка П. Социология социальных изменений. — М., 1996. — С. 67—85].

Итак, в социологической традиции сложились различные понимания социального времени, поэтому на сегодня нет общепринятого видения ни структуры, ни свойств, ни классификации социального времени. Структура меняется в зависимости от типа системы общества и индивида. Свойства социального времени не являются стабильными. Они могут меняться, замещаться, приобретать новые черты. Особенности социального времени зависят от общественного строя, в котором оно имеет место, и от процессов и явлений социальной жизни. А относительно классификаций социального времени, то социологу следует быть осведомленным во всех имеющихся классификациях времени и социального времени, но придерживаться одной из них для скоординированной и плодотворной научной деятельности.

Тарасова А.Ф.,
канд. мед. наук,
сотрудник Института
ритмологии Евдокии Марченко (ИрлЕМ)

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА 7РО Е.Д. МАРЧЕНКО В ПСИХОЛОГИИ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВРЕМЕНИ С МОЗГОМ ЧЕЛОВЕКА

Метод 7РО Е.Д.Марченко — метод позволяющий человеку научиться наблюдать, фиксировать, лонгировать, прогнозировать, анализировать и вследствие этого корректировать события собственной жизни. В результате освоения Метода 7РО Е.Д.Марченко у человека появляется возможность разумного существования, как внутри, так и вокруг себя. Происходит это за счёт грамотного использования времени в жизни человека.

Определение основных составляющих Метода 7РО Е. Д. Марченко. Ритм — импульс из времени, организующий жизнь. Он опи-

сан в виде словесных конструкций, напоминающих стихи. Практическое применение Ритмов заключается в том, что их можно прочитать, пропеть, протанцевать, заучить наизусть.

Ритмология — составляющая Метода 7РО, которая описывает логику Ритма. Практический аспект применения делает её одновременно наукой и искусством сбора собственной жизни на Ритм.

Ритмика даёт возможность осуществлять некоторые действия с предыдущими составляющими Метода 7РО, Ритмом и Ритмологией по определённым схемам. Ритмовремя — время, полученное в результате применения Метода 7РО как дополнительная свобода мозговой деятельности человека Ритмология о самопознании Человека. Человек как природное существо и как социальная единица.

Метод 7РО Е.Д.Марченко о секретах оптимального общения и их роль в самопознании человека. Последние тенденции в психологии и нейрофизиологии в изучении взаимодействия двух полушарий головного мозга, отражающие различные способы самопознания. [Хомутов А.Е. Физиология центральной нервной системы. Учеб. пособ.- Ростов — на — Дону: Феникс, 2006; Спрингер С., Дейч Г. Левый мозг, правый мозг. М.: Мир, 1983].

Ритмология о функциях полушарий головного мозга и возможности гармоничного развития обоих полушарий.

Единственным «приёмником» ритмовремени является головной мозг человека. По возможностям приёма ритмовремени мозг делится на три части. Затылочная часть головного мозга принимает и перераспределяет время на работу с прошлым в жизни человека, на разумное взаимодействие с материей, природой. Человек посещает только нужные ему точки пространства на нужный ему срок. Средний мозг настроен на настоящее человека. Он принимает время на необходимые ему связи с другими людьми, ровно на заданный срок. Это время обеспечивает большой словарный запас и возможность своевременного его использования. Человек точно знает, через какой срок сказанное им дойдёт до адресата. Передняя зона мозга принимает время, которое можно использовать на планирование будущего. Время, поступающее в мозг человека, выравнивает работу правого и левого полушарий. Всё это позволяет человеку быть целостным [Марченко Е.Д.. Познание памяти.- СПб. Радатс 2009].

Время как субстанция — это не наружная, а внутренняя организация, так как оно осознаётся и фиксируется только человеческим мозгом. Введённое в нашу жизнь время меняет её и структурирует. В зависимости от скорости движения время делится на три вида. Календарное время известно всем жителям планеты. Человечество разработало различные системы календарей. Относительное время,

которое пытался описать Эйнштейн. Это время, которое течёт внутри мозга каждого человека, и это время индивидуально. Абсолютное время не зависит от нашего состояния и состояния внешнего мира. Оно потому и абсолютно, что не зависит ни от чего.

Разум — это форма вмещения определенных параметров и видов взаимодействия между ними. Планетарный разум осуществляет грамотное взаимодействие человека со своим телом и телами окружающих людей. Это является гарантом физического здоровья. Человеческий разум является гарантом психологического здоровья. Он включается с восприятия и признания, противоположных данному индивиду параметров других личностей. Существо становится разумным и способным контролировать все необходимые ему аспекты собственной жизни.

Есть разум, который совмещает два предыдущих вида разума и является гарантом физиологического и психологического благополучия. Осуществляется это переходом из одного разума в другой по необходимости. Генный разум учитывает генетические особенности индивида. Оболочечный разум обеспечивает рациональный обмен слов, сказанных людьми друг другу, так как слова фиксируются в основном оболочками мозга. Последний вид разума объединяет все перечисленные. Существо становится разумным и способным контролировать все необходимые ему аспекты собственной жизни.

«...самое маленькое — это время, выделенное нам на жизнь. Лично познакомиться со всем и со всеми за жизнь невозможно. Другие люди мне рассказывают о том, что я никогда не смогу увидеть сама. Через них я проживаю дополнительную жизнь и очень их люблю за это. Единившись, мы удлиняем свои жизни. Разные люди, собравшись вместе, могут помочь друг другу выиграть время жизни» [Марченко Е.Д.. Ничего случайного не бывает. — СПб.: РАДАТС, 2009].

**Титарчук А.И.,
аспирант Киевского
национального университета имени Тараса Шевченко**

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВРЕМЕНИ В УЧЕНИИ АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА

У человечества издавна существовало разное отношение к понятию времени. Само время условно делят на разные категории:

время космическое, время историческое, время психологическое и т.д. До открытия Эйнштейном теории относительности человечество представляло время как некую абсолютную константу, обладающую рядом характеристик, а именно: 1).бесконечностью, т.е. отсутствием начала и конца (время представляется в виде прямой, не имеющей начала и конца); 2).направленностью, т.е. движением всегда в одну и ту же сторону и, как следствие этого, 3).необратимостью (то, что прошло, уже невозможно вернуть или изменить); 4).однородностью, т.е. равенством его частей самим себе в разных условиях. Современная физика всерьез поколебала привычные представления о времени. Однако в Священном Писании и у христианских философов, строящих свои рассуждения на его основе, мы находим принципиально иное отношение ко времени. Мы обратим свой взор на исход античности, а именно к Блаженному Августину, который, получив прекрасное образование, был прекрасно знаком с античной философией и, в частности, с работами Аристотеля. Именно аристотелевские мотивы в представлении времени во многом легли в основу рассуждений Августина. Но, как настоящий христианин, Августин творчески переработал античный взгляд на время.

Аврелий Августин (354 430) — бесспорно один из самых блистательных умов того недолгого периода в истории европейской культуры, который можно назвать христианской античностью. Примерными хронологическими границами этого полуторавекового периода являются издание Медиоланского (Миланского) эдикта в 313 г. и падение Западной Римской империи в 476 г. Миланский эдикт императора Константина Великого, уравнивший в правах с другими религиями Римской империи христианство, по существу заложил основы последующего его превращения в государственную религию Римской империи. С момента издания эдикта начинается ассимиляция христианства в мир европейской античной культуры, в частности работа по осмыслению христианского мироощущения в контексте классической античной философии. Одним из главных исполнителей этой работы и был Августин. Блаженный Августин по существу явился отцом всей западной средневековой философии: помимо того, что он был для неё высшим авторитетом и примером для подражания, можно сказать, что весьма значительную часть её содержания составляют комментарии на его сочинения. Почти целое тысячелетие, до появления таких соизмеримых с Августином по масштабам интеллекта фигур как Фома Аквинский и Дунс Скот, Западная Европа жила его наследием, да и в позднем Средневековье это наследие продолжало играть заметную роль.

Одновременно для современных философов продолжает играть важную роль учение Августина о времени, изложенное в основном в XI книге «Исповеди», а также в трактатах «Об истинной религии», «О граде Божьем», «О книге Бытия буквально». Если сравнить эти суждения Августина с идеями Аристотеля о том, что прошлое познается с помощью памяти, настоящее — в опыте, а будущее познается за счет привлечения воображения, то окажется, что и Августин, по сути, пишет о тех же свойствах души, с помощью которых познаются различные модусы времени.

Начинает свои размышления о времени Августин так: «Говоря всё это о времени, я ничего не утверждаю, а только доискиваю истины и пытаюсь узнать её», — пишет он [«Исповедь», кн. XI, гл.XIV,17]. Стараясь теоретически осмыслить время, Августин спрашивает себя: «Что такое время? — и отвечает: — Пока никто меня о том не спрашивает, я понимаю, нисколько не затрудняясь; но как скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь совершенно в тупик» [«Исповедь», кн. XI, гл.XIV,17]. При решении этого вопроса Августин, прежде всего, обращается к Богу и полагает, что время не существовало до сотворенных Богом вещей, а возникло вместе с ними по воле Божьей. Сам же Бог существует в другом мире, где времени не существует. Бог творит и поддерживает мир. Творение не было историческим событием, но есть постоянный процесс.

Вечность же мыслится Августином так: в мире мыслей-идей Бога все есть раз и навсегда — статичная вечность неотделима от Бога: «Умственным взором я отделяю от вечного всякую изменчивость и в самой вечности не различаю никаких промежутков времени, так как промежутки времени состоят из прошедших и будущих изменений предметов. Между тем, в вечном нет ни переходящего, ни будущего, ибо что проходит, то уже перестает существовать, а что будет, то еще не начало быть. Вечность же только есть, она ни была, как будто ее уже нет, ни будет, как будто доселе ее еще не существует» [«Об истинной религии» X].

Рассматривая проблему времени, Августин утверждает, что при анализе времени мы впадаем в парадоксы. Думая о природе времени, мы приходим к выводу, что его нельзя измерить, так как прошлое время не существует, раз оно прошло, будущее время еще не существует, так как оно не наступило, а настоящее время становится прошлым, как только осуществляется. В конце концов, Августин решает, что время — это определенный вид протяженности, и то, что мы измеряем, когда измеряем время, — это впечатления и отпечатки памяти. Обращаясь к своему сознанию, он говорит: «В тебе, как я сказал, я измеряю периоды времени. Я измеряю как время

настоящие впечатления, которые вещи производят на меня, в то время как они проходят мимо меня. Я не измеряю сами вещи, а только впечатления, которые оставляют вещи, когда они проходят мимо меня. Это есть то, что я измеряю периоды времени» [«Исповедь», кн. XI, гл. XXVIII, 36].

Августин, акцентируя духовный аспект восприятия времени, считал, что время существует лишь в духовном мире человека, который склонен разделять время на прошлое, настоящее и будущее. Он пишет: «Совершенно ясно теперь одно: ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен: прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы говорить так: есть три времени — настоящее прошедшего, настоящее настоящего, настоящее будущего. Настоящее прошедшего — это память; настоящее настоящего — это непосредственное созерцание; настоящее будущего — это ожидание [«Исповедь», кн. XI, гл. XX, 26]. Время хотя и связано с движением, но не совпадает с движением и движущимся (об этом писал Аристотель), скорее оно принадлежит душе, поскольку структурно связано с памятью, интуицией и ожиданием [«Исповедь», кн. XI, гл. XXIV — XXVI].

Хижняк А.В.,
канд. соц. наук,
ст. преподаватель Харьковского
национального университета имени В. Н. Каразина

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ КОЛЛЕКТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

В исследованиях социального конструирования и организации времени недостаточно изученными остаются темпоральные аспекты социального действия, как индивидуального, так и коллективного. Между тем присутствие темпоральности в моделировании социального действия имеет практическое значение, поскольку позволяет включать временное измерение в социальные технологии управления поведением индивидуальных и коллективных субъектов и тем самым повышать адекватность социальных технологий социальной реальности. Трудно не согласиться с мнением о том, что теория действия «... должна избегать жесткого абстрагирования от ситуативного и биографического контекста дейст-

вия, диктата рациональности» [Горностаева М. В. Креативность социального действия по Х. Йоасу — постулаты и пределы / Горностаева М. В. // Социологические исследования. — 2010. — № 6. — С. 26]. Это касается проявлений социального времени как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях, в индивидуальных и коллективных социальных действиях.

Социальное время, по Э. Гидденсу, структурируется на уровне обыденного, рутинной жизни, на уровне человеческой жизни (рождение, детство, юность, зрелость, старость, смерть), на уровне существования социальных институтов. Время как черта общественной жизни имеет ряд признаков: относительность; многомерность; существование в различных формах (циклическое, линейное время), уровень осознания; ориентация на прошлое, настоящее или будущее; интерпретация будущего; последовательность и др. Применительно ко времени выделяются полихронные и монохронные культуры. Принадлежность личности к одной из этих культур предопределяет ее существование во времени и отношение к нему. Кроме того, рост цены времени повышается с развитием рыночных отношений, когда не только предприниматели, но и обычные люди пытаются экономить время как ресурс с помощью специальных видов деятельности, таких как осуществление покупок товаров и услуг по телефону, через компьютер; питание в ресторанах быстрого обслуживания; наем работников по уходу за домом; приготовление пищи из замороженных готовых продуктов и др. Внедрение технологий гарантии времени при покупке товаров и выпуск продуктов, способных снижать цену времени, — это важная черта современного бизнеса, ориентированного на личность, которая ценит свое время. Для того чтобы личность действительно могла свободно структурировать и интерпретировать время, необходимо: поощрение стратегического видения собственных перспектив самореализации в различных сферах; самопроектирование своей трудовой и частной жизни, повышение веры в собственные возможности; поощрение занятия самообразованием (общим и профессиональным), в процессе которого преодолевается нехватка необходимых для выполнения профессиональных обязанностей знаний, навыков и умений; ориентация системы управления персоналом на расширение границ применения самоконтроля и самоорганизации во времени; превращение свободного времени в оптимальный стиль проведения досуга; обучение технологиям управления своим временем, предоставление индивидам возможности контроля над факторами, которые определяют достижение личных целей и их согласование с целями и ценностями общества.

В последние десятилетия происходил рост индивидуализации в жизни западных обществ, что стало одним из последствий социальных изменений, которые в них происходят. Повышение роли внутренней детерминации поведения личности, переход к новому сценарию ее существования во времени и разговор со временем, индивидуализация актуализирует тягу людей к самостоятельности в своих решениях и поступках, эмансипации, удовлетворенности, приводит к постепенному освобождению личности от доминирующего влияния традиционных институтов и традиций. Настоящее же свидетельствует о повышении роли протестного коллективного социального действия как следствие реакции индивидов и групп на глобальный экономический кризис и падение качества жизни многочисленных слоев населения в различных регионах мира.

В социальных системах в нестабильное время, которое характеризуется как особое (разорванное и динамичное, жестко давящее на людей), особую значимость приобретает как построение собственного, субъективного времени, так и определение темпорального контекста коллективного социального действия. Различные группы различаются по масштабу контроля социального времени, имеют разный объем и характер использования свободного времени, что выступает одним из существенных проявлений социального неравенства. Так социальное время и социальная иерархия становятся взаимосвязанными. Однако индивидуализированное общество через расширение жизненных шансов индивидов способно постепенно преодолевать эти неравенства. И неслучайно в аналитической модели современной личности, по свидетельству социологов, присутствуют, прежде всего, такие качества, как ориентация на настоящее и будущее, а не на прошлое; экономия времени, пунктуальность, планирование будущих действий; уверенность современного человека в том, что он способен организовать свою жизнь так, чтобы быть способным преодолевать создаваемые ею препятствия.

Темпоральность коллективной социальной деятельности имеет многочисленные проявления. Во-первых, коллективное действие включает временные фазы, в течение которых происходит осознание необходимости коллективных усилий, организация коллективного действия и его развертывание, достижение цели коллективного действия или осознание истощенности коллективных усилий. Во-вторых, характеристики коллективного социального действия (например, его креативность, открытость, организованность) обусловлены темпоральным опытом его участников. В-третьих, направленность и результативность коллективного социального действия задаются социальным временем и пространством.

Коллективная социальное действие имеет протяженность во времени и при этом его результатом, как правило, становятся изменения, свидетельствующие о новом времени (или новом его восприятии теми или иными субъектами). Однако стандартизированные темпоральные системы, присущие современной культуре, недостаточно учитывают, на наш взгляд, специфику темпоральности коллективного социального действия, которая обусловлена социокультурным контекстом.

**Цуканова Ю.Б.,
ассистент Одесского национального
университета имени И.И. Мечникова**

СОБСТВЕННАЯ ЕДИНИЦА ВРЕМЕНИ, КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ К ЗРИТЕЛЬНЫМ ИЛЛЮЗИЯМ

Возникновение иллюзий восприятия — одно из загадочных явлений в психике индивида, которое, несмотря на большое количество теорий, до сих пор не получило исчерпывающего объяснения. Многие исследователи пытались найти ответ на вопрос, почему некоторые изображения воспринимаются нами искаженно? Существует ряд попыток, объясняющих то, что у некоторых индивидов возникает сильная иллюзия, а у других не возникает вовсе, зависимость от возраста, принадлежностью к определенной культуре, уровнем образования, развития умственных способностей и даже наличием психических заболеваний [Артамонов И.Д. Иллюзии зрения. М., 1961; Грегори Р.Л. Разумный глаз. Изд. 2-е. — М.: Едиториал УРСС, 2003; Демидов В. Как мы видим то, что видим. — М.: Знание. — 1979. С. 172 —179; Шиффманн Х.Р. Ощущения и восприятие. 5-е изд. — СПб.: Питер — 2003 — С. 785-787; Пиаже Ж. Психология интеллекта — СПб.: Питер — 2003 — 192 с.; Wimmer M.C., Doherty M. J. Children with autism's perception and understanding of ambiguous figures: Evidence for pictorial metarepresentation, a research note // British Journal of Developmental Psychology (2009), in press 2009 The British Psychological Society; Dima D, Roiser JP, Dietrich DE, Bonnemann C, Lanfermann H, Emrich HM, Dillo W. Understanding why patients with schizophrenia do not perceive the hollow-mask illusion using dynamic causal modelling.// Neuroimage. — 2009 Jul 15; Epub 2009 Mar 24].

В собственных исследованиях мы предположили, что существует совокупность врожденных индивидуальных различий, или определенный фактор, «ответственный» за силу зрительной иллюзии, или за устойчивость к ней. На наш взгляд, среди человеческой популяции можно выделить группу «точных» индивидов, которые, независимо от вышеуказанных условий, продемонстрируют устойчивость к зрительным иллюзиям на примере «иллюзии стрелы» и «иллюзии параллелограмма» [Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. — М.: Прогресс. — 1978. — Вып. 6. С. 40-43]. Дополнительно мы исследовали способность поделить отрезок прямой по правилу золотого сечения, так как эта операция требует высокой точности зрительного анализатора индивида; и уровень понимания, в качестве показателя интеллектуального развития [Дружинин В. Психология общих способностей. С-Пб., 1999 Стор. — 66]. В основе разделения индивидов на «точных» и «подверженных ошибкам» мы взяли собственную единицу времени (τ), которая является врожденной, жесткой константой, определяющей течение времени в психике индивида [Цуканов Б.И. Время в психике человека — Одесса. — Астропринт — 2000 с. 217]. В зависимости от размера собственной единицы времени, субъекты делятся на «спешащих», «точных» и «замедленных». Они живут в разных временных условиях, у них разная субъективная скорость течения времени, которая четко определяется соответствующими глагольными формами темпоральности, и разное отношение к прошлому, настоящему и будущему. Каждый носитель собственной единицы времени был назван « τ -типом». Сплошной спектр индивидуальных значений τ находится в пределах $0,7 \text{ с} < \tau < 1,1 \text{ с}$. [Цуканов Б.И. Время в психике человека — Одесса. — Астропринт — 2000 с. 217].

В наших исследованиях приняли участие 230 женщин и мужчин, в возрасте 16 — 52 года.

Мы установили, что существует зависимость между выраженностью иллюзий «стрелы» и «параллелограмма» и « τ -типом». Сила иллюзий медленно снижается с увеличением значения τ до определенного предела, который находится около значения 1,0 с. в сплошном спектре « τ -типов». Далее сила иллюзий меняет знак и снова начинает расти. Таким образом, мы получили новое разделение непрерывного изменения силы двух пространственных иллюзий, в зависимости от эталонной временной организации психики, на «отрицательно-иллюзорных» ($0,7 \text{ с.} \leq \tau \leq 0,98 \text{ с}$), «положительно-иллюзорных» ($1,02 \text{ с.} \leq \tau \leq 1,10 \text{ с}$) и «индивидов с минимальной иллюзорностью» ($0,98 \text{ с} \leq \tau \leq 1,01 \text{ с}$), которая в отдельных случаях достигает нулевого значения ($\tau = 1,0 \text{ с}$) Общая мера искажения восприятия пространства и отображения собственной временной орга-

низации у субъекта имеет сильную прямолинейную корреляцию. ($r = 0,6$) [Цуканова Ю.Б. «Ілюзія стріли та «гау-тип» індивіда» // Вісник ОНУ Психологія, Одеса, 2005; Цуканова Ю.Б. «Індивідуальна виразність ілюзії паралелограму і часова організація психіки» // тези доп. В зб. «Наукові студії із соціальної і політичної психології». Київ 2007]

Полученные нами данные деления прямой по правилу золотого сечения показывают, что только индивиды с минимальной иллюзорностью, способны верно разделить отрезок. Нами использовалось отношение меньшей части целого к большей, оно было обозначено как индивидуальная мера золотого сечения, которая в идеальном случае равна 0,618 единиц. В ходе исследований выяснилось, что у индивидов, принадлежащих к группе «спешащих» ($0,68 \text{ с} \leq \tau \leq 0,90 \text{ с}$) «золотое» отношение колеблется в пределах $0,44 — 0,57$ единиц, это довольно далеко от идеала. Представители «замедленной» группы ($1,01 \text{ с} \leq \tau \leq 1,1 \text{ с}$) разделяют отрезок на две части таким образом, что отношения между ними более чем классическая золотая пропорция. Ближайшими к значению классической золотой пропорции, оказались индивиды «точной» группы ($0,91 \text{ с} \leq \tau \leq 1,0 \text{ с}$), но особого внимания заслуживают индивиды, чье τ приближается к 1,0 с. Им соответствует золотое отношение, равное 0,618 единиц [Цуканова Ю.Б. «Індивідуальна міра золотого розтину та часова організація психіки». // Психологія і суспільство, Вип.. 3, 2006, Тернопіль].

Исследование уровня понимания позволяет сделать вывод, что устойчивость к зрительным иллюзиям не является показателем низкого уровня развития интеллекта — средняя оценка по шкале «Понимание» равна 16 баллам.

Чернова Е. А.,
д-р соц. наук, ст. научн. сотрудник Киевского
национального университета имени Тараса Шевченко

ВРЕМЯ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Время, как известно, это объективная реальность особенного вида. Некоторые свойства времени, а именно, его направленность, течение, необратимость, деление на прошлое, настоящее и будущее проявляются непосредственно перед субъектом в процессе соци-

альных изменений. Парадоксальность времени, как известной философской категории «бытия и времени», а также и социологической, используемой для анализа социальных процессов, известна давно, но и ныне феномен времени исследовать весьма непросто.

Исследованию науки о времени — хронометрии, темпологии, хрономии посвящены труды М.Фуко, Дж. Мида, Ж.-П.Сартра. Анализ времени как конкретного времени самоосуществления субъектом самого себя рассматривается в трудах В.Дильтея, изучение времени как синтетической формы для смысловой основы опыта и особенности часовой, психологической реальности исследовали Э.Гуссерль и А.Бергсон. Некоторые исследователи считали, что время — это только свойство человеческого ума, другие утверждали, что время — это основная форма существования материи, и оно не зависит от сознания субъекта.

Отметим, что феномен времени выступает важным направлением исследования теоретической социологии. Сегодня в социологической науке проблематикой времени занимается историческая социология и социология времени. В классической социологии такие исследователи как Э.Дюркгейм, А.Убер, М.Мосс утверждали, что время проявляет себя через социальный характер и обеспечивает нормативную регуляцию социальной жизни социума. Научное освещение этой проблемы также можно отыскать в феноменологии А.Шюца, который выделяет «интерсубъективное время» (внутри индивидуума) и «интеробъективное время» (космическое). А проявление индивидуума, его «Я» во внешнем мире и внутри себя дает возможность осуществить переход из субъективного к объективному времени, соединить их в единый поток «живой настоящий» [Григорьев Л.В. «Социология повседневности» Альфреда Шюца // Социологические исследования. -1988.-№ 2. — с. 125].

Следует констатировать, что рассмотрение феномена времени как фактора изменений социальных явлений и положений можно описывать с помощью разных подходов и моделей, а именно: линейной, циклической, фазовой и т.д., но последние, как правило, используются в рамках математической парадигмы. Что же касается гуманитарной парадигмы, то следует отметить, что наиболее целесообразными выступают функционально-системный и структурно-деятельностный подходы, которые дают возможность анализировать время во взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего по отношению к человеку. Сторонники таких подходов считают, что время не существует вне сферы человеческого бытия, оно формируется коллективно и предназначено для упорядочения и регулирования социальной жизни. В этом плане обратимся к ведущему немецкому историку Р.Козеллеку, который исследует опыт

исторического времени и временные понятия, используя такие термины, как «коллективное самосознание» и «историческая память».

В учебниках по этносоциологии отмечается, что коллективное самосознание, сформировавшись в ходе этногенеза, фактически выступает в будущем не только как важный показатель этнической принадлежности (оттесняя в этом отношении даже признак родного языка), но и как сила, объединяющая членов этноса и противопоставляющая их в этническом отношении другим этносам. Кстати, именно наличие этнического самосознания у того или иного индивидуума и его проявление через участие в деятельности этнических организаций в поддержании этнической культуры, традиций, обычаев свидетельствуют о возможности реализации фундаментального права меньшинств, соотнесения себя с той или иной этничностью. При формировании, поддержании и расцвете этнического самосознания, как и при существовании самого этноса, решающую роль играют диахронные информационные связи. Именно эта особенность бытия этноса отличает его от нации, для которой определяющими выступают синхронные, существующие в одном и том же часовом пространстве, связи [Свтух В., Трощинский В., Галушко К., Чернова К. та ін. Етносоціологія: терміни та поняття. Навч. посіб. — К.: Вид-во УАННП «Фенікс», 2003. — с. 32]. Важной и наиболее существенной особенностью этнической группы выступает «наличие собственного самосознания». Этническое самосознание, как духовное порождение, представляет собой способность идентифицировать себя с конкретным этносом, отдаляясь одновременно от других этносов, осознавая свое этническое «я» как неповторимое, уникальное событие. Этническое самосознание считается наиболее существенным признаком коллективной этнической принадлежности. Как пример, рассмотрим сохранение этнической группой коллективного самосознания и исторической памяти. По мнению В.Арбениной, для того, чтобы группа стала коллективным субъектом социального действия, необходимы такие условия: это формирование группы как социально-психологического сообщества («субъективно сознательных общин» за определением П.Браса); развитие системы непосредственных и опосредованных связей между индивидуумами, которые относятся к одной и той же этнической категории. (Этнические категории — уровень инкорпорации, вхождения в группу); возникновение институций, исполняющих роль идеолога и организатора группы и представляющих ее на социальной арене [Арбенина В.Л. Етносоціологія: Навч. посіб. — Ч. 1. Теоретико-методологічні проблеми дослідження етнопонаціональних феноменів. — Х.: ХНУ імені В.Н.Каразіна, 2004. — с.110]. Поэтому конкретного рассмотрения

требуют критерии формирования пространственной, временной и функциональной структуры этнических групп как составляющих социальной структуры общества. Отметим, что кристаллизация структуры этногруппы начинается тогда, когда исчезают реальные возможности и причины возвращения к прежнему социуму, когда вместе с этим у иноэтнофоров нет психологической и социальной готовности ассимилироваться. Как и в процессе переселения, при оформлении этнической группы в социальный институт действуют два главных фактора. Первый указывает на деятельность самих иноэтнофоров, стремящихся образовать корпоративное объединение, в существовании которого индивидуумы заинтересованы в сохранении собственных этнических потребностей, другой — на внешнюю среду, в которой они находятся и которая в разных сферах жизнедеятельности отторгает, а также — от искусственных принуждений органов власти нового социума [Илларионова Т.С. Этническая группа: генезис и проблемы самоидентификации. — М.: Нойес лебен, 1994. — с. 62]. Таким образом, учитывая выше изложенное, можно утверждать, что время — это способ организации, приобретения и сохранения социального опыта в пространственно-временных координатах социума.

Секция IV

ВРЕМЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНТЕКСТАХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ

*Билоножко Е.П.,
канд. филос. наук, ассистент
Киевского национального экономического университета
им. Вадима Гетьмана*

К ВОПРОСУ ВРЕМЕННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КАК ИДЕОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ КРИТИКИ ПРОГРЕССИВНОГО ВИДЕНИЯ РАЗВИТИЯ СЕМЬИ РОБЕРТОМ НИСБЕТОМ)

Осмыслению времени в социальном измерении мешают идеологические предубеждения. Идеологичность предлагается понимать как заангажированность и не восприятие идей другой стороны, даже для критической интерпретации. К сожалению, такая позиция также присуща научному миру, примером может служить понимание прогрессивистского движения истории. Для иллюстрации данного тезиса предлагаю рассмотреть идею изменений (развития) в брачно-семейных отношениях.

На сегодня в социальной философии и социологии широко распространены взгляды представителей либерально-прогрессивистской парадигмы (модернистов), который рассматривает изменения, происходящие с институтом семьи, как процесс развития, на фоне которого все кризисные явления считаются временными и незначительными.

Согласно теории модернизации, однолинейный исторический прогресс предполагает последовательную смену одного типа семьи другим — более развитым. Так, «традиционная» («патриархальная») семья, следуя за социально-экономическими изменениями в обществе, должна уйти в прошлое и быть заменена новой формой семьи («семья-клуб», «семья-общество», пост-семейная, семейная и др.).

Противоположной точки зрения придерживаются ученые, которые относят себя к консервативно-кризисной парадигме, рассматривают изменения в семейной сфере как глобальную трансформацию общества. Большой вклад в разработку данного подхода сделали представители фамилистической школы (альтернативной) американской социологии (А. Карлсон, П. Сорокин, Р. Нисбет и другие), они отрицают «возможность какого бы то ни было» прогрессивного развития «модернизации общества, которое само создается для себя атрибуты» [Карлсон А. Общество. Семья. Личность / / А. Карлсон / Под ред. А. И. Антонова. М., 2003. с.8] и противопоставляет «естественную семью» эволюционно-прогрессивистские теории развития.

Нисбет выделяет семью из ряда других добровольных ассоциаций и указывает на ее особое место в социальной структуре и на ее особое значение для других сфер общественной жизни: «Есть абсолютно очевидным, что именно семья, а не индивид является настоящей молекулой общества, ключевым звеном в социальной цепи существования» [Nisbet, R. Przesady: słownik filozoficzny / R. Nisbet / przeł. M. Szczubińska. wyd. Warszawa: Fundacja Aletheia, 1998. s.280]. Анализируя институциональный кризис семьи с позиций функционализма, он приходит к выводу, что дезорганизация института семьи связана, прежде всего, с эрозией семьи вследствие перехвата семейных функций другими социальными институтами, прежде всего, государством. Роберт Нисбет предлагает идею плюралистической истории, т.е. истории без заранее заданного вектора. В работе «Поиски общины» выдвигается тезис, что историю нельзя считать ни прогрессом, ни упадком — любой односторонний взгляд на нее будет неправильным, потому что история есть и тем, и другим одновременно. В настоящее время слово «социальное» потеряло свое значение и стало означать исключительно «политический», поэтому возникает потребность вернуться к первоначальному смыслу и проанализировать исторический процесс не только с политической стороны.

Р. Нисбет считает, что более корректную оценку и полное понимание тех или иных периодов или событий в человеческой истории мы можем получить только при условии, что в сферу нашего рассмотрения попадут не только политические события, но также и те, что в это время развивались, есть важнейшие социальные институты такие, как семья, собственность, соседство, местная община и т.д. Анализируя развитие этих посреднических структур, Р. Нисбет утверждает, что в наиболее растиражированных в современной истории эпохах — Возрождения и Просвещения, вышеуказанные социальные институты характеризовались эрозией и дегра-

дацией. Критическое отношение к эпохе Просвещения высказывает и немецкий философ В. Ред: «Вера в разумный порядок действительности составляла базис характерного для просветительского мышления оптимизма, особенно оптимистичной веры в культурный прогресс. Если разумное мышление согласуется с объективным порядком, то можно предположить, что человек, который разумно судит и соответственно делает, находится в гармонии с действительностью... и тем самым способствует прогрессу человечества.... в просветительский мысли ни содержание, ни методы философии XVIII в. новыми не были, а лишь по-новому были расставлены ударения» [Рьод В. «Шлях філософії з XVIII по XIX століття // В. Рьод / пер. з нім. В. Терлецького та О. Ведрова. — Київ: Дух і Літера, 2009. — с.86].

Анализируя идею прогресса, Р. Нисбет не исключает и позитивного влияния на общество. Вера в прогресс дает людям надежду на то, что следующий этап развития общества будет лучше предыдущего, и тем самым вызывает у них оптимистичный подход к жизни. Однако, с другой стороны, все изменения воспринимаются некритично и непредвзято.

Соответственно знак тождества между политическим и социальным, правовым и развитым, эгалитаризмом и свободой, рациональным и истинным мы не может ставить. Направленность не может означать прогрессивности, особенно в сфере личностного. Одновременно следует подчеркнуть, что освобождение от дискурсивных парадигм (идеологичности) маловероятно, пока современная философия не вернется к классическому пониманию истинности.

Грищук В.В.,
директор «Украинского института
процессуальной терапии и консультирования»

ГИПОТЕЗА О ДВУХМЕРНОСТИ ВРЕМЕНИ: ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

В работе выдвинута гипотеза о двухмерности времени. При этом использовался метод аналогий и базовые понятия аналитической геометрии. На наглядных примерах рассмотрена модель повышения мерности пространств. Следствием этой модели есть вывод, что время имеет две координаты и является плоскостью. Это

показывает, что наше представление о времени как о линии соответствует следу, оставляемому при движении по плоскости. Другими словами, ретроспективный взгляд ограничивает возможность восприятия времени как плоскости — оно воспринимается как линия. При движении по плоскости времени выбор направления — это равновероятностный выбор трехмерного пространства с разными качествами.

Осознанный процесс перемещения из точки в точку на плоскости времени происходит путем изменения качества действий в определенный момент времени (точка перехода). Если соотносить качественно разные временные интервалы, которые находятся между точками перехода, в пропорции «золотого сечения», то появляется возможность создавать, так называемые, автоволновые процессы. Особенностью построенных таким образом процессов является возможность получить результат, который больше суммы его составляющих.

Исходя из гипотезы о двухмерности времени, в точке перехода осознанно делается выбор пространства с другим качеством, то есть, меняя событийный ряд, меняем качество пространства. Следовательно меняя качества временных интервалов и переходя таким образом из одного качества пространства в другое, приходим в пространство с заранее заданными качествами.

При смене качеств событийного ряда, меняется качество времени. Задача — находиться в пространстве с желаемым качеством времени. Модель облегчает понимание, как попасть в желаемое пространство с желаемыми качествами.

*Качаев Н.А.,
сотрудник Института ритмологии
Евдокии Марченко (ИрлЕМ)*

ВРЕМЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Лучшие умы человечества размышляли о времени. Для Г. Галилея и И. Ньютона пространство было бесконечно и евклидово, а время текло равномерно и бесконечно. Для А. Эйнштейна пространство-время было единым, составляющим некий континуум. В 1915 году он завершил создание общей теории относительности (ОТО), установившей связь между пространством-временем и ма-

терией. Свой вклад в исследование времени как субстанции внесли В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский, И.Р. Пригожин. Для Н. А. Козырева исследование звезд было связано с поиском источников энергии. По его представлениям, физические свойства времени проявляются в причинно-следственных связях, причем физическое время выступает в качестве «движущей силы». «В природе существуют постоянно действующие причины, препятствующие возрастанию энтропии». Как повсеместно действующий фактор выступает физическое время, которое «в силу своей направленности может совершать работу и производить энергию» [Дадаев А.Н. Биография Н.А. Козырева. <http://www.timashev.ru/Kozyrev/>]. «Звезда черпает энергию из хода времени» [Козырев Н.А. Избранные труды. Изд-во Ленинградского ун-та, 1991].

Шаг вперёд в познании времени удалось сделать Евдокии Дмитриевне Марченко. В результате её исследований времени на протяжении более чем 20 лет, в том числе в качестве астронома ракетного центра, в ходе экспедиций более чем в 100 стран мира, экспериментов на базе созданного ею института ИрлЕМ, было опубликовано более 250 книг о времени. «Земля со своими обитателями является частью Вселенной и на неё оказывают влияние не только галактики и звёзды, но и планеты. В основе всего мироздания... лежит определённый Ритм, который был задан изначально: в момент возникновения жизни как таковой. Этот Ритм и руководит всеми процессами, происходящими в световой Вселенной» [Марченко Е.Д. Обо мне заботятся (Ритмология для каждого). СПб.: Радатс, 2006.]. Вместилищем для приёма времени и инструментом для его изучения являемся наш мозг. От прикосновения ко времени мозг человека развивается, включаются 95 % его «простаивающего» резерва. Многие хотели бы изменить свою жизнь к лучшему, избавиться от преследующих их проблем. В основе многих бед человека лежит то, что его мозг не фиксирует всё происходящее с ним. При грамотном введении времени в мозг появляется способность к наблюдению за событиями своей жизни в многомерном режиме. «Ритмология есть постоянный анализ и наблюдение своей собственной жизни... Неразобранные события постепенно плесневеют, ржавеют, стареют и превращаются в проблемы. Не распакетованные вовремя проблемы, не разобранные по своим полочкам по их предназначению, постепенно превращаются в ущербность... В ритмологии всё начинается с наблюдательности» [Марченко Е.Д. Ритмомеры, книга 2. СПб.: Радатс, 2008.].

«Однажды лифт, в котором я ехала, застрял, и меня охватил панический страх. Это чувство повторялось при каждом посещении лифта». Этот страх съедал силы, мешал жить. Наблюдение за собой

позволило заметить, что боится любого замкнутого пространства. С помощью Ритмологии смогла осознать причину своего страха — мама рассказала ей, как дочь «застряла» при родах. Протянув цепочку повторов своего страха, избавилась от страха. Однажды самолёт, на котором она летела, при заходе на посадку не мог выпустить шасси, пассажиры не на шутку перепугались. Только наша героиня сохраняла полное спокойствие и невозмутимо подбадривала всех, всё закончилось благополучно.

Ритмология помогает грамотно пользоваться временем и выстраивать для себя счастливую жизнь.

Кичигина В.В.
канд. филол. наук,
Белгородский государственный университет,
сотрудник Института ритмологии
Евдокии Марченко (ИрЛЕМ)

Книга «ИрЛЕМ» Е.Д. Марченко
как социокультурный феномен
(художественные особенности сюжета
«книги из времени»)

При исследовании трёх основных составляющих сюжета — пространства, времени и события — акцент традиционно делается на способах организации пространства и события. Поэтика времени как категории художественного целого представленная, в основном, в работах М.М.Бахтина и Д.С.Лихачёва, тяготеет к *внешней* фиксации определённого интервала событийного взаимодействия [Бахтин М.М. Литературно-критические статьи/Сост. С. Бочаров и В. Кожин. М., 1986; Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-1970 гг. Собр. соч., т. 6. М., 2002; Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы. СПб, 1999; Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979; Успенский Б.А. Поэтика композиции. М., 1970; Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М., 1990.; Бахтин М.М. Литературно-критические статьи / Сост. С. Бочаров и В. Кожин. М., 1986].

Совокупная пространственно-временная организация текста (хронотоп) представляет собой определённую границу перехода

героя из одного состояния в другое. Данный переход невозможен без разрушения предыдущего состояния, а, следовательно, всегда конфликтен, причём природа конфликта заложена в оппозиционной сущности познания человеком мира и самого себя [Бахтин М.М. Литературно-критические статьи/Сост. С. Бочаров и В. Кожин. М., 1986]. Конкретно же хронотоп «конституируется в произведении путём называния физических объектов и их состояний и промежутков-интервалов между упоминаемыми объектами и состояниями» [Faryno E. Введение в литературоведение *Wstep do literaturoznawstwa*. — Wyd. II. — Warszawa, 1991].

Книга Е.Д.Марченко «ИРЛЕМ» представляет собой модель взаимодействия иного типа, при котором переход героями за границы привычной реальности происходит без отрицания ранее созданного мира, с сохранением существующих узнаваемых оболочек, а, следовательно, бесконфликтно [Марченко Е.Д. ИРЛЕМ. СПб.: «Авторский Центр «РАДАТС», 2008. — 536 с.].

Персонажи книги существуют в узнаваемых параметрах современного мира. Эта узнаваемость проявляется и в оппозиционности некоторых пар, отражающих «вечные» конфликтные ситуации: муж-жена, мать-дочь, мужчина-женщина. Как правило, исходная точка их взаимоотношений — непонимание, возникающее на границе привычных стереотипов и неких новых форм, к которым прикоснулся один из участников оппозиции. Однако непонимание не приводит к конфликту. Источник бесконфликтности сюжета — субстанция «время», дающая дополнительную степень свободы в трёхмерном пространстве изображения. Разрешение конфликта происходит *внутри сознания* героев, за счёт раскрытия потенциала мозга с помощью метода, созданного автором книги, и имеющего название 7P0.

Жизнь человека во времени, описанная в книге в необычных категориях Метода 7P0, представляет собой описание реального мира, живущего по временным законам, которые могут восприниматься невероятными. Тем не менее, это — новая реальность, и выход в неё *возможен и доступен* разумному человеку.

Книга «ИРЛЕМ» не поддается жанровому определению, поскольку она создана на границе литературы, философии и публицистики в том пространственно-временном континууме, из которого может быть прочитана по-разному, в зависимости от целей, задач и подготовки читающего.

Социокультурный феномен книги «ИРЛЕМ» как бесконфликтной определяется особенностями её внутренней и внешней организации.

Коларж И.Я.
канд. экон. наук,
ст. преподаватель Таврического
национального университета имени В.И. Вернадского,
сотрудник Института ритмологии
Евдокии Марченко (ИрЛЕМ)

ВРЕМЯ КАК ОБЪЕКТ НАУКИ: СУБСТАНЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ВРЕМЕНИ

Наши представления укладываются в систему: в мировоззрение или парадигму. Понятие времени требует новой парадигмы. Представления человечества о времени менялись. Первоначальным представлением о времени являлись календари.

В 17-19-м веках представления о времени базировались на ньютоновском понятии абсолютного времени как внешнего. В конце 19 века учёные обнаружили, что время — это четвёртая координата нашего трёхмерного пространства. Своё развитие понятия времени получило в трудах Д. Локка, Ж.-Л.д'Аламбера, Ж. Л. Лангража, Г.Фехнера. На заре XX века классическую механику Исаака Ньютона сменила общая теория относительности Альберта Эйнштейна с представлением о едином континууме пространства-времени.

Г. Минковский, А.Эйнштейн обосновали релятивизм пространства-времени. Время в модели пространства-времени является не подсобной, а главной составляющей континуума, его стали рассматривать как внутреннее. Человеческое сознание оперирует внутренним временем.

За внутренним психологическим временем наблюдал русский философ-священник П. Флоренский. Изучая движение времени во сне, он обнаружил: время во сне движется в обратную сторону — от развязки к завязке сна. И только после пробуждения оно выстраивается в привычном для нас порядке.

По мнению астронома Н. А. Козырева, время — есть энергия события. Астроном — солнечник, профессор Е.Д. Марченко расширила эту формулу: пространство — есть информация события [Марченко Е.Д.. Ритмология об экономике и управлении]. «Из прямого хода времени выводится формула: время есть энергия события. Из обратного хода времени выделяется формула: «пространство есть информация события» [Марченко Е.Д.. Откровенное знакомство, часть 2].

При изучении времени учёные столкнулись с определёнными трудностями: время не обладает повторяемостью, это постоянно

исчезающий объект и оно невоспроизводимо. Поэтому необходимо разработать методы изучения времени, составить понятийный аппарат.

Одним из способов решения данной проблемы является подход к исследованию и изучению времени, предложенный астрономом Е. Д. Марченко, создателем и научным руководителем института ритмологии ИРЛЕМ (г. Москва). По мнению Е.Д. Марченко время может жить внутри мозга человека. Время можно привносить в свою собственную жизнь. Время делится на календарное, относительное, абсолютное. «Время, существующее внутри нашего мира, делится на несколько категорий. Первое время — выделенное вам для своей жизни. Второе время можно получать от других людей, которые теряют своё. Третье время, имеющее гораздо больше возможностей называется «ритмовремя» и вводится оно из Ритмов» [Марченко Е.Д.. Откровенное знакомство, часть 2].

В своих монографиях Е.Д. Марченко расширила наше представление о времени, описав категорию ритмовремени. «Ритмовремя состоит из капсул, называемых ритмами. Капсулы свободны и проникающи. Они пересекают границу времени, доходят до людей, организуют там пространство, которое называется ритмопространство». Ритмовремя, проходя в пространство, оставляет там свои знаки, которые есть рубежи ритма. «Ритмовремя — это то, что сейчас позволит человеку разобрать всё внутри себя, свою собственную жизнь» [Марченко Е.Д.. Откровенное знакомство, часть 2]. Опираясь на знаки, человек способен понять события своей жизни.

Под руководством профессора Евдокии Марченко начала формироваться новая система знаний — ритмология. Ритмология — наука третьего тысячелетия. Она обучает законам управления временем.

Ритмология осуществляет «входа во время и проход через время» [Аксенов М. О времени. Трансцендентально-кинетическая теория времени. Харьков, 1896.]. Благодаря разработанному методу, сам «человек способен управлять скоростью течения времени внутри собственного мозга: растягивать время и сокращать его по необходимости и за счёт этого управлять событиями своей собственной жизни, корректируя её длину и насыщенность, менять этот мир, перемещаться в прошлое или будущее, выходить в причины происходящего, меняя следствия».

Накопленный студентами Института ритмологии под руководством Е.Д. Марченко теоретический и экспериментальный материал, позволил доказать, что временем можно не только управлять, а время можно складывать и хранить. Хранилищем времени являются Ритмы. И каждый человек может пополнять запас времени, и

в нужный момент брать его из своих запасов. А затем, по необходимости, переводить время в пространство, в информацию или энергию.

**Кравчук Н.О.,
студент Киевского национального
университета имени Тараса Шевченко**

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ «ПРОШЛОЕ-НАСТОЯЩЕЕ- БУДУЩЕЕ» В КОНТЕКСТЕ ТОТАЛИТАРНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Одним из самых заметных феноменов, которым означился XX век, следует считать феномен тоталитаризма, который оставил огромный кровавый след в истории человечества. Более шестидесяти лет данная проблема привлекает внимание исследователей, но полноценный анализ этого феномена стал возможным после распада Советского Союза — тоталитарного государства, которое почти на семьдесят лет пережило режим-близнец, то есть Третий Рейх. Это значит, что здесь тоталитарное господство реализовывалось на глазах у почти трех поколений. Именно в связи с этим фактом мы и сейчас наблюдаем глубокий кризис, вызванный посттоталитарным синдромом, в котором находится в том числе и наше общество. Подобного рода ситуация демонстрирует необходимость осмысления данного феномена как в отечественной, так и зарубежной науке. Данный доклад посвящен анализу соотношения прошлого, настоящего и будущего как трех временных измерений в контексте тоталитарной идеологии.

Уже с возникновением национальных государств после Первой мировой войны история начинает выполнять важную функцию самообоснования сообщества, обеспечивая связь последней с давними племенами и государствами. Следует отметить, что проблема политической наследственности, а значит и претензий на региональное лидерство, была также и в эпоху Средневековья и Нового Времени, но по-настоящему новое звучание она получает именно в контексте национального государства, ведь глубокие исторические корни народа являются достаточным и весомым основанием для создания собственного государства. В этом отношении обращение к прошлому отыскание в нем своих истоков, обеспечивало сохранение сообщества и его будущее развитие. То есть, здесь общество существует в контексте трех временных измерений: прошлого, настоящего и будущего, причем как прошлое, так и будущее оказываются значимыми именно в контексте настоящего, поскольку в первом случае речь идет о самообосновании и самоидентификации сообщества в *современности*, а во втором — о горизонте его развития.

Но настоящее обожествление истории все же связано не с национальным государством, а с феноменом тоталитаризма, чья идеологическая доктрина основывалась, прежде всего, на обращении к прошлому и будущему. Этот факт, на первый взгляд, не отличает тоталитарную идеологию, по крайней мере, в данном отношении, среди других идеологических доктрин, в том числе и национальных. Поэтому здесь необходимо совершить докладное рассмотрение. Первой важной чертой, до этого неизвестной в контексте обращения к прошлому как инстанции самообоснования, являются практики мемориальных церемоний в том их виде, которого они получили в контексте идеологических доктрин в Национал-социалистической Германии и Советском Союзе. Речь идет не просто о напоминании некоторого события или оказании почестей памяти погибших, а о систематическом *проигрывании* событий в некотором цикле таким образом, что они «распространялись на все сферы жизни, а также имели всеобщий характер» [Коннертон П. Як суспільства пам'ятають. — К.: Ніка-Центр, 2004, с. 70]. Это означает постоянное присоединение к событиям прошлого даже тех поколений, которые физически в них никогда участия не принимали, но подобные телесные практики позволяют даже у таких индивидов закрепить чувство принадлежности к этим событиям прошлого. В то же время, следует отметить и специфическую сакрализацию прошлого, наделение его метафизическим смыслом. Предлагаемая его идеологическая доктрина не должна иметь противоречий, демонстрируя некоторые «законы истории», а также «принципы исторической справедливости», которые обращены в будущее и являются средством обоснования конечных целей общества, что позволяет «освободить аргументы от проверки современностью и утверждать, что только будущее сможет раскрыть их преимущества [Арендт Х. Джерела тоталітаризму. — К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2005, с. 395]. Таким образом, действия возникают в соотношении прошлое-будущее, теряя связь с настоящим на фоне этого движения природных законов исторического развития.

Постоянное обращение к мифическому прошлому, на критический взгляд которого наложено табу, повторяющиеся мемориальные церемонии, которые совершают непрерывное присоединение к прошлым событиям — все это приводит к сминанию настоящего, подмены его проигрыванием прошлого. Оно растворяется между прошлым и будущим, превращаясь в непрерывное воспроизведение сакральных событий истории. Как показывает Курт Зонтгаймер, «универсальная средневековая идея Рейха отличалась от современности лишь тем, что последняя была лишена христианских критериев» [Зонтгаймер К. Як нацизм прийшов до влади. — К.: ДУХ І

ЛІТЕРА, 2009, с. 233]. Канонизация истории и её тотализация относительно сферы настоящего делает невозможным интенсивное, инновационное развитие общества, поскольку определяет стандартный набор решений, который легитимирован прошлым, в отношении ситуаций, которые возникают, а любое нестандартное решение не получает надлежащей поддержки. В этом отношении общество функционирует в режиме воспроизведения образца.

Таким образом, тоталитарная идеология в своей апелляции к прошлому и будущему, теряет феномен настоящего, погрязая в мифе истории. Настоящее — это проигрывание героического прошлого, которое обращено на достижение объективно-исторических целей в будущем. Потеря современного как важного модуса общественной жизни приводит к «обществу мифа», которое не в состоянии дать адекватный ответ требованиям времени, поскольку интерпретирует их в заблаговременно определенных схемах.

В этом смысле возникает интересный вопрос посттоталитарного синдрома, а также путей его преодоления, поскольку тоталитарная идеология и после падения режима продолжает свою функционализацию, осуществляя реакционную функцию. Проблема посттоталитарных обществ состоит в отсутствии модуса современного, стремлении интерпретации ситуации в привычных схемах «прошлое-будущее», которая не позволяет выйти за рамки стандартных решений, создать качественно новый инструментарий для решения ситуации. В этом отношении, одним из аспектов преодоления выше названного синдрома является включение модуса современного в контекст общественного времени.

Без сомнения, модус прошлого, как было показано выше, имеет важное значение для существования сообщества, сохранения традиций и прочее. Неоспоримой является и важность будущего. Но конструктивную роль эти модусы общественного времени исполняют лишь в единстве с современностью.

**Марченко Е.В.,
канд. педаг. наук,
докторант Харьковского
педагогического университета имени Г.С. Сковороды**

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Исследование проблемы соотношения пространства и времени в европейской научной традиции схематично можно представить как развитие диаметрально противоположных концептуальных направ-

лений, которые обосновывали объективность или субъективность пространственного и временного измерений, их абсолютность или релятивность, дискретность или непрерывность, что до сих пор является предметом ожесточенных дискуссий. Открытыми остаются и вопросы теоретического обоснования измеримости пространства и времени, необратимости реальных процессов во времени, асимметрии прошлого и будущего. Решение этих проблем является важным фактором развития, в первую очередь, для методологии и логики новых научных теорий, объединения частных концепций в единую мировоззренческую систему.

В контексте социокультурных преобразований эпохи постиндустриализма особую актуальность приобретает и проблема конституирования образовательного пространства на основе исторически обоснованных детерминант развития пространственно-временных связей. Об активизации интереса к категориям пространства и времени в их образовательно-философской интерпретации свидетельствуют труды В. Андрущенко, Д. Дзвинчука, А. Ионовой, М. Култаевой, В. Лутая, М. Михальченко, И. Предборской, С. Пролеева и др. Теоретико-социологическое обоснование роли пространства и времени в структурировании социальных процессов и символической репрезентации социальных действий было сделано еще Г. Зиммелем и Н. Элиасом. Идеи этих классиков социологической мысли, прежде всего, относительно времени как символической смысловой структуры, могут стать полезными для научных исследований в области философии образования.

Цель: анализ глубинных закономерностей в соотношении пространства-времени и экспликация их в проблемное поле философии образования.

На первых этапах развития человечества пространство «подчиняло» себе время и «выражало» его. Такое пространственное видение реальности, характерное для сознания первобытного человека, было детерминировано большей активностью правого полушария мозга, способ мышления которого можно назвать «манипуляционно-пространственным». Далее, с развитием левого полушария мозга, начали формироваться и представления о времени. Время как будто подтачивало, а затем разрушало устойчивость пространственно-циклических социумов, потому что в их незыблемость всегда «вмешивалось» зернышко нового, неизвестного, непредсказуемого. Постепенно накапливаясь, эти новации вызывали кризис тех или иных аспектов функционирования консервативных систем, что отражалось на изменении исходных цивилизационных структур.

Классическую античность, которая стремилась к объемному видению мира и человека можно считать периодом нераздельного слияния времени и пространства. Мир выступает как геометрический образ, а его развитие во времени осмысливается как концентрическое расширение. В средние века циклическое время трансформируется в линейное и становится определяющим мерилем социальных и онтологических качеств людей и вещей. Временная координата и вертикаль сформировали на данном этапе исторического развития «готическое мировоззрение». Эпоха Возрождения отмечена секуляризацией земного пространства, которое выступает как географическое, соотнесенное в каждый момент времени с телом. Именно в этот период социальное пространство обретает самостоятельность и в определенной степени становится независимым от политических и сакральных интерпретаций, когда основной точкой отсчета становится сам человек.

Развитие науки и абсолютизация ее значимости во второй половине XIX века приводят к тому, что организующими принципами теоретической и практической деятельности людей в эту эпоху становятся абстрактное пространство и абстрактное время. Они тесно связаны с выработкой в общественном сознании и все более широким культивированием в деятельности человека системы абстрактных эталонов, сопоставляющей самые разнообразные человеческие и природные качества с системой норм, которая упорядочивала многочисленные социальные взаимодействия. Именно здесь пространство впервые было осмыслено как однородная пассивная протяженность, которую надо освоить, а эффективность этого освоения уже будет зависеть от рациональной организации временных параметров деятельности. В это время вещи и люди сведены к материальным точкам, движущимся в пространстве. Все потенции человека редуцированы по отношению к средним или необходимым затратам времени и могут транслироваться, составлять общую сумму, сливаться в общий объем.

В конце XIX века появляются новые предпосылки для переосмысления пространственно-временной структуры мира. Теория относительности связала воедино пространство, время и движение, утвердив зависимость этих параметров от конкретных форм бытия. Это касается и социального бытия, в котором все явственнее становится давняя идея хронотопа, отброшенная в небытие несколько веков назад. В эпоху постсовременности «пространственность времени» приобретает все большую актуальность. С приобретением пространственных свойств, время теряет свою легкость и динамичность. Вместе с тем, пространство видоизменяется, перестает быть статическим и пассивным. Формируется своеобразное «время-

пространство», что проявляется на всех уровнях бытия. На современном этапе системное осмысление времени и пространства, исследования в области антропологии, культурологии, психологии приводят к синтетическим понятиям биологического времени, исторического пространства, других интегративных по своей сути концептов. Оформляются новые подходы к пониманию социального пространства и времени, в частности таких инвариантов, как образовательное пространство и время.

Выявленные нами в ходе историко-философского анализа закономерности развития представлений о соотношении пространства и времени вполне уместны и для осмысления образовательного процесса. Так, телесно-антропологический характер образования в греческом полисе свидетельствует о сосредоточении пространственно-временных координат в едином центре, что представляет собой человек. Символизм и универсализм средневекового мировоззрения приводит к расширению образовательного пространства, тогда как время приобретает линейный характер. Расширение географического пространства в эпоху Возрождения, его открытость существенно видоизменяют содержательное наполнение и принципы конституирования образовательного пространства, в центре которого вновь встает человек. Стремление все подчинить определенной иерархии, присущее Новому времени, нашло свое отражение в четком структурировании педагогических систем и их элементов.

Современное образовательное пространство характеризуется открытостью и подвижностью, незамкнутостью; образовательные ситуации развиваются по принципу нелинейности, что открывает для человека новые возможности для саморазвития и в то же время приводит к новым рискам. Пространство уже само осваивает себя, его структура действительно стала похожа на делезовскую ризому, где любая точка может объединиться с другой, поскольку на ее пути не стоит Центр.

Таким образом, для человека в любую историческую эпоху пространство и время являются определяющими факторами в конституировании культуры. Внутренние противоречия, связанные с корреляцией пространства и времени в сознании человека и социума, на протяжении веков определяли характер образовательного процесса и его содержательное наполнение. Требованием современности является гармонизация этих противоречий с учетом исторического опыта и перспектив развития глобализованного общества.

*Матыцин А.И.,
аспирант Киевского национального
университета имени Тараса Шевченко*

ВРЕМЯ В ПРОСТРАНСТВЕ УКРАИНСКОЙ ИКОНЫ XVI ВЕКА

Украинская икона XVI века является сложным феноменом, смысл которого не сводится к репрезентации одной отдельно взятой составляющей. В иконе нет случайных составляющих — это чрезвычайно продуманная, многоуровневая, глубоко символическая система. Изменения в иконе в сущности являются не только изменениями палитры цветов, композиции или характера изображения фигур, то есть внешними, — это изменения образа иконы, изменения, которые протекают на уровне глубинного содержания. Символизм и образность пронизывают всю икону. Они являются ее внутренней составляющей. Показательным является универсальный характер иконографического образа и его стойкость к изменениям. По высказыванию В.И. Панченко: «Чем более крепко традиционный символ связывается с адекватным ему визуальным образом, тем более стойким он оказывается относительно интеллектуальных концепций, которые не заимствуют более ничего из восприятия, к сдвигам философского и доктринального свойств».

Важным аспектом, что все же испытывает изменения в украинской иконописи именно в XVI-м веке, является время в пространстве иконы. Геоцентрическая модель мира средневековой культуры передавалась через ее хронотоп, который является определенной «системой координат» периода и отображает мировоззренческие особенности Средневековья. Средневековые пространственно-временные соотношения имели определяющее влияние как на общекультурный контекст, так и на структуру иконописного изображения. Понимания времени и пространства составляют основу культуры, превращаются в художественное время и пространство, определяют пространственно-временные соотношения, внутренний строй и образную систему иконописного произведения.

Средневековая модель мира воспринималась как знак двух пространств, где «занебесный мир» доминировал над «поднебесным», что более выразительно читается в сакральном пространстве храма, который был выражением внутренней структуры культуры, метафорически закрепленной в изобразительной и декоративной системе как увещевленной идее высшего бытия. Трансформация храмо-

вого пространства в символическое небо осуществлялась через эффект «восхождения» изображений в другое пространство. Икона включала в себя необъятное пространство, что строилось на двух взаимосвязанных моментах: соотношении композиции и зрителя. В каждой иконе как подобию идеального мира всегда присутствует средняя ось. Средневековые художники создали собственную систему изображения пространства, строя мир иконы с особенным пространством обратной перспективы.

Как пример рассмотрим икону «Спас в Славе» с Дрогобыччины (последняя четверть XVI века). Спас находится в сакральном пространстве, что не имеет признаков конкретного места и времени. На принадлежность к другому миру указывает наполненность пространства вокруг Христа небесными Силами.

Часовая последовательность событий в средневековой иконе снята. Нет прошлого, настоящего и будущего в их историческо-хронологической текучести. Такая трактовка событий значительно расширяет горизонты мировосприятия. Событие в один и тот же момент является нам во всем его многосторонности. Рассказ ведется не последовательно, когда за пределами одного этапа развития действия не видно последующих, а раскрывается сразу, приобретая, тем самым, совсем другой, необычный для нашего «исторического» сознания смысл. Богоматерь смотрит на своего Младенца одновременно и радостными глазами счастливой матери и скорбным взглядом, перед которым уже раскрыт весь страстной путь ее сына. В иконе «Недремлющее око» изображаются все орудия пыток, которыми сопровождалось распятие: крест, терновый венец, копьё, гвозди. Над входом в одну из ереванских церквей есть изображение Богоматери, где Младенец сидит на кресте, что лежит на коленях Марии.

Еще более поражающим примером плодотворности изображения разновременных событий на одной иконе является классическая иконография Рождества Христова. Рассмотрим икону Львовской школы XVI века. В центре иконы располагается изображение Марии и Младенца (в полном согласии с Евангелиями), в верхней части — ангелы, которые несут Благовест пастухам, и волхвы, которых ведет Вифлеемская звезда. В нижней — погруженный в сомнения Иосиф и обмывание Саломиею Младенца. Конец 3-го члена Символа веры, в котором говорится — «и воплотившегося от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечшася» — показан на нижней части иконы. Известно, что как Иосиф, так и Саломия сомневались в возможности непорочного зачатия и получили, каждый на свой манер, подтверждение абсолютной достоверности этого чуда (расцвела палка, с которой подошел к Иосифу человек, что утверждал,

что чудо Рождества является невозможным, как невозможным является и появление листьев на высохшей палке; исцелилась при обмывании Младенца рука Саломии, которую поразил паралич, когда Саломия публично отрицала возможность непорочного зачатия).

Таким образом, казалось бы, разрозненные и разновременные эпизоды, которые обычно трактуются как рассказы о событиях, связанных с Рождеством Христовым, оказались связанными поражающим единством, что позволяет непосредственно созерцать как написанное в Евангелиях и такое, что сохранилось в Святом Письме, так и высший смысл события, сформулированный в Символе веры.

В искусстве Нового времени прямое изображение высшего смысла стало невозможным. Одно из требований нового искусства сводилось к тому, чтобы картина воспринималась как «окно в реальный мир», потому на ней можно было показать лишь один эпизод. Вместо единой композиции, что существовала в средние века, возникло несколько отдельных картин: «Рождество Христово», «Поклонение волхвов», «Поклонения пастухов». Изменение эпох обусловило изменения в эстетическо-мировоззренческой традиции, что в свою очередь повлекло изменение в художественном образе иконы. Переход от Средневековой богословско-эстетической парадигмы к эстетике Ренессанса четко отразился и на характерных чертах украинской иконы XVI века.

*Медведская Л.Е.,
аспирантка Киевского национального
университета имени Тараса Шевченко*

ПРЕДПОСЫЛКИ «ГЕНДЕРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» 1725 ГОДА В РОССИИ: ТЕМПОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Политическая история России XVIII в. отличается уникальной особенностью — носителями самодержавной власти в громадной империи длительное время были женщины, пионером среди которых стала иностранка, престололюбница и бывшая пленница Марта Скаврнская. Исследования обстоятельств воцарения первой женщины на российском императорском престоле привели ученых к выводу относительно доминирующего влияния на это явление гендерного и темпорального факторов.

1725 год для Российской империи стал своеобразной точкой отсчета, ознаменовав собой начало так называемой эпохи «царства женщин» [Валишевский К. Царство женщин — Изд. «Тера-Книжный клуб», Москва, 2004. — с. 1] — позже этот «ярлык» К. Валишевского оформился в российской историографии в понятие «женского века». Смерть Петра I стала для Российской империи тем событием, которое перевернуло обычный ход ее политического развития. Лишившись «царя-батюшки» и, таким образом, политически «осиротев», российское общество встало перед проблемой вынужденного безвластия. В 1725 году страна потеряла своего первого императора и одновременно получила первую императрицу. Вместо родного образа «царя-батюшки» перед Россией встает непривычный и еще такой чужой образ «царицы-матушки». Казалось бы, политическая активность российской женщины была навсегда похоронена вместе с царевной Софьей за стенами Новодевичьего монастыря. Однако даже не ирония, а сарказм истории состоял в том, что одну самых могущественных стран того времени возглавила бывшая прачка. Литовская крестьянка Марта Скавронская, известная в истории под именем Екатерины I, получила самодержавную власть — то, что так и осталось недостижимым для чистокровной аристократки царевны Софьи. История России не знала подобного случая — перед иностранной «портомоей» склонился в глубоком поклоне цвет российского дворянства.

Беспрецедентная ломка традиций, которая выразилась в воцарении женщины на престоле патриархальной страны, ознаменовала собой начало феноменального периода в истории государства, которое на протяжении 70-ти лет возглавляли женщины. Гендерную рокировку на императорском престоле в политической истории России можно было бы назвать «открытием женского сезона».

Перемена гендерных ролей на престоле государства, в котором женщина еще накануне была практически погребена в тереме, — явление феноменальное в истории России. И исследование природы этого феномена прослеживается как в исторической мысли дореволюционной России, так и в современной российской историографии. Основополагающую роль в становлении самого феномена до недавнего времени историки отводили модернизационным преобразованиям Петра I, акцентируя на неизбежности борьбы Петра со «старой российской женщиной, которая была едва ли не сильнее старого русского мужчины, пятившегося, когда ему брили бороду и одевали его в немецкую одежду» [Мордовцев Д. Л. Русские женщины нового времени. Женщины I половины XVIII века. СПб., 1902. — с. 131]. Политика Петра, направленная на европейскую «стилизацию» российской женщины, у многих вызвала живейшее

сочувствие. Так, личность Петра I в российской дореволюционной историографии рассматривается как движущая сила той «женской революции» — царь предстает кем-то вроде фокусника, который на глазах у удивленной толпы срывает с женщины покрывало затворничества и невежества. Вроде бы, именно из «прорубленного» им окна на Европу взглянула модно причесанная женская головка. Пройдет совсем мало времени — и такая головка с императорской короной будет снисходительно принимать поклоны послов из еще совсем недавно столь чужой Европы.

Ореол освободителя российской женщины, которые веками «вырисовывали» историки вокруг фигуры Петра, на сегодняшний момент несколько потускнел. Отметим попытки ученых подчеркнуть отсутствие элемента внезапности в превращении теремной девицы в придворную даму [Анисимов Е.В. Женщины на российском престоле. — СПб: «Норинт», 1997; Курукин И. Превратности Фортуны, или Картины из жизни Екатерины I // Знание — сила, 2002. № 4; Пушкарёва Н.Л. Знаменитые россиянки. М., 1991. и др.]. Вследствие царской инициативы женщины научились танцевать и флиртовать, обзавелись напудренными париками, мушками и глубокими декольте. «Фокус» с переодеванием российской женщины, продемонстрированный Европе Петром I, создал иллюзию «прыжка во времени» — вроде бы «старая», дореформенная женщина молниеносно превратилась в «новую».

Значительный рывок в разрушении Карфагена таких историографических стереотипов в российской научной мысли было сделано именно с помощью изучения темпорального аспекта проблемы. В результате этого наряду с понятием «революция» встает термин «эволюция», наделяя, таким образом, историографическую реконструкцию тех событий амбивалентной направленностью: революция положения женщины в юридическом аспекте и эволюция ее готовности к переменам в аспекте психологическом. Социальная самоидентификация российской женщины как длительный процесс занимает надлежащее место в перечне движущих сил так называемой «женской революции».

Тенденция к разрушению «берлинской стены» между четко очерченными до недавнего времени понятиями «старой» и «новой» — «допетровской» и «послереформенной» — женщины в России также является следствием изучения роли временного фактора в этом процессе.

Переосмысление «революции с женским лицом», которая в представлении ученых на протяжении столетий было крепко связана непосредственно с личностью Петра I, требует применения новых исторических подходов. В лишении Петра историографическо-

го амплуа своеобразного «Колумба», который открыл российскую женщину миру, значительную роль сыграли именно исследования взаимовлияния гендерного и темпорального факторов. Такой научный подход позволил современным российским историкам доказать, что эпоха «великих женских открытий» в России берет свое начало задолго до петровского юридически закрепленного «переводения».

Мормуль О.Г.,
канд. филос. наук, член-кор. Крымской Академии наук
доцент Керченского
экономико-гуманитарного института
Таврического национального университета
им. В.И. Вернадского

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ВРЕМЕНИ

Каждая эпоха, взятая как определенный исторический тип жизнедеятельности людей, возникает и развивается на основе предыдущей, заимствуя и обогащая или видоизменяя социальный опыт предков, что создает условия для сохранения и воспроизведения текущего исторического континуума. Временной порядок событий в культуре объясняется эмотивной реакцией индивида и социальным бытием субъекта в культуре. Отсюда значимость исследования социокультурного аспекта времени в связи с памятью, пространством-временем, коммуникативным процессом.

Память. С древних времен память исследуется не только в ответствии с душой человека, психикой, историей, но и временем. Время относится к тем реалиям, которые издревле определяли смысловое поле человеческого мировосприятия. Значение времени в понимании памяти вытекает из самого определения памяти как фактора культуры, то есть как обозначение «временных параметров культуры» и преобразование «информации... о прошлом с целью сохранения накопленного общественного и культурного опыта и передачи его от одного поколения к другому» [Хоруженко К. М. Культурология / К. М. Хоруженко. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. — С. 368]. В отношении памяти время выступает культурным, социальным и биологическим аспектами. Биологический аспект рассматривается как основа формирования исторического времени (В. И. Вернадский). Субъективный подход в восприятии

прошлых событий создает условия для формирования «метода истинного отношения к прошлому» и «своего времени» (В. Н. Муравьев, А. Н. Лой), «осевого времени» (К. Ясперс), «номологической концепции о течении времени» (Р. А. Акимов), а также социальных ритмов, социально-экологического времени, а в связи с постановкой глобальных проблем современности в философии обосновывается возможность появления второго «осевого времени» истории [Муравьев В. Н. Овладение временем как основная задача организации труда / В. Н. Муравьев // Овладение временем: избранные философские и публицистические произведения. — М.: Наука, 1998. — С. 112], [Лой А. Н. Социально-историческое содержание категорий «Время» и «Пространство» / А. Н. Лой. — К.: Наук. думка, 1978. — С. 55], [Акимов Р. А. Номологическая концепция времени / Р. А. Акимов // Вестник Московского университета. — 1999. — № 3. — С. 55—56].

Пространство-время. В XX столетии В. И. Вернадский формулирует вывод о едином пространстве-времени, где пространство и время взаимосвязанные факторы [Вернадский В. И. Труды по философии естествознания / В. И. Вернадский. — М.: Наука, 2000. — С. 15]. В качестве пространственно-временной характеристики в настоящее время выступает компьютерная революция, характеризующаяся не только развитием производства, но и появлением новых возможностей в культуре. Формируется неклассическое искусство, в том числе киборгкультура. Социальное пространство становится безграничным и многовариантным. «Информационная революция», достижения микрокомпьютерной техники позволили «закодировать в электронные программы» значительную часть социокультурного опыта предшественников. Постоянная угроза рассеивания культурной информации, размывание символического понимания самой культуры привели к необходимости еще более глубокого осознания культуры в контексте времени. Отсюда — стремление к мифопоэтическим направлениям, фольклорному наследию, искусству. Это способствует не только пространственно-временному существованию культуры, но и осознанию временного измерения культурных ценностей.

Коммуникативный процесс. В работе «Смысл и назначение истории» К. Ясперс человека сравнивает с «экзистенцией», которая «действует только в исторической конкретности, в которой никто не является «исключением», однако в которой исполняется судьба» [Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. — М.: Политиздат, 1991. — С. 126]. Именно благодаря коммуникации К. Ясперс видел возможность различия в человеке объективно-предметного свойства в эмпирическом смысле и экзистенции человека. Судьба,

по мысли ученого, выступает условием экзистенциального общения на межличностном уровне. Однако в качестве условия общечеловеческой коммуникации К. Ясперс видел общий духовный источник всего человечества. Этим источником философ назвал «осевую эпоху», «осевое время». Понимая «осевое время» как триединую историческую модификацию (Китай, Индия, Западный мир), К. Ясперс время рассматривал как призыв к безграничной коммуникации, пониманию и возможности преодолевать узость замкнутой в себе историчности [Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. — М.: Политиздат, 1991. — С. 49]. Философ утверждал ценность Восточной культуры не только в ее конкретном проявлении, но и ее роль для Запада, особенно на основе коммуникативных процессов. Собственно коммуникативный процесс в настоящее время проявляется не только на уровне «монолог-диалог-полилог», но и благодаря современным технологиям, расширяющим коммуникативные границы.

Время как социокультурный аспект исследуется в связи с памятью, пространством-временем, коммуникативным процессом. Значимость такого подхода объясняется как терминологической особенностью рассматриваемых процессов, так и новациями, влияющими на развитие современной культуры.

***Прокопчук Д.В.,
студент Национального университета
«Киево-Могилянская академия»***

УСКОРЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО ВРЕМЕНИ В ПОСТМОДЕРНУЮ ЭПОХУ

В первую очередь я объясню, что я имею в виду, когда говорю «жизненное время». Каким бы не было субъективное восприятие времени, очевидным фактом остается его ограниченность в жизни каждого из нас, человек имеет довольно немного, чтобы успеть осуществить свои мечты, желания и планы, прежде чем он состарится и умрет. С точки зрения анализа времени в общественно-политической плоскости время является потоком событий [Час у дзеркалі науки. Время в зеркале науки. Спеціальний випуск збірника наукових праць «Гуманітарні студії». Частина 2. — К: Центр учбової літератури, 2010 — 236 с. \ Д. Прокопчук, І. Савчен-

ко, А. Осаволюк, «Три парадигмы анализу часу в політичних науках», с. 50-62]. Если так, то ценное для нас время, время, существующее для нас как для личностей, время, что состоит из событий, должно укладываться в наше физическое время, отведенное нам природой и внешними обстоятельствами.

Я исхожу из утверждения Лиотара, что мы живем в постмодерную эпоху [Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна/Пер. С фр. Н. А. Шматко — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. — 160 с. (серия «Gallicinium»)]. Некоторые авторы называют ее постиндустриальной или информационной эрой, нетократией, Третьей Волной и т. д. — в зависимости от аспекта, в котором рассматривается данный исторический этап и в зависимости от широты трактовки базовых понятий, можно спорить о конкретном времени завершения современной эпохи и о значении этих перемен для каждой отдельной сферы общественной жизни, будь то политика, экономика или культура. Для рассмотрения явления, о котором я тут говорю, термин «постмодерн» подойдет лучшим образом, хотя мы коснемся во многом не только культурной, но и информационной сферы.

Постмодерная эпоха в социокультурном плане отличается от современной несколькими вещами, которые я называю симптомами. К таким относятся:

- Возрастающее количество информационных потоков благодаря технологическому прогрессу и развитию коммуникационных технологий [Ян Зодерквист. Александр Бард. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма: Стокгольмская школа экономики; СПб.; 2005. 369 с., с. 84.];

- Раскол общества на неисчислимое множество закрытых и полужакрытых групп, которые представляют собою сети, носящие часто глобальный характер [Джин Эдвард Вейз младший. Времена постмодерна. 2000, Фонд «Лютеранское наследие» — 240 с., с. 145.];

- Огромное количество идей, ценностей, стилей жизни, доступных для выбора или критики и анализа любому.

Последний фактор становится возможным благодаря первым двум и приводит к ускорению жизненного времени. Каким образом?

Потребительская культура и невиданная ранее свобода выбора не только товаров, но и общественных ролей, а также собственных убеждений приводят к тому, что вместо индивида, человека неделимого, личности, возникает индивид — человек, состоящий из многих (часто противоречивых между собой) граней [Ян Зодерквист. Александр Бард. Нетократия. СПб.; 2005., с. 274.].

Почему так происходит?

Основной причиной является конструируемый, искусственный спрос на невероятно длинный перечень личного опыта и достижений. Человеческая жизнь в информационную эпоху переполнена предложениями самых разнообразных вещей, которые хочется попробовать, купить, и ролей, которые хочется на себя примерить. Это приводит к увеличению количества событий в рамках того же физического времени. Т.е. общественно и лично значимое жизненное время увеличивается, но при этом оно должно уместиться в примерно устойчивое время физическое. Как правило, это бывает трудно осуществить, следовательно, растет потребность в управлении временем, актуализации тайм-менеджмента.

Что это значит?

На переживание отдельного значимого события нашей жизни (отдельного личного периода), например, детства, получения образования, романтического периода отношений или, скажем, периода пребывания в роли молодого и перспективного специалиста, у нас становится все меньше времени. Поэтому и опыт, полученный из каждого события в жизни, является поверхностным, неполным. Ускорение жизненного времени обуславливает развитие когнитивного аналога «клипового сознания» на эмоциональном уровне.

Почему это проблема и мы не можем просто желать меньше и брать на себя меньше?

В действительности, мы можем, но мы испытываем ограничения со стороны общества, которое требует ускорения и постоянно-го разностороннего развития собственного опыта и граней собственной личности. Вследствие такого ритма жизни происходит духовное опустошение человека, не просто вопреки насыщенности его жизнь, но с прямой зависимостью между насыщенностью событиями и душевным опустошением.

Итак, во-первых, мы имеем дело с двумя типами времени: временем физическим, которое можно измерить с помощью часов, и временем жизненным, которое измеряется последовательным потоком событий в жизни конкретной личности, находящейся в обществе. Во-вторых, наполнение времени жизненного дополнительными событиями происходит не только благодаря развитию технических возможностей человечества, но и через формирование искусственного спроса заинтересованными в существовании потребительского общества компаниями. В-третьих, такое наполнение сокращает количество физического времени, выделяемого для важных событий, а значит и для интенсивности их переживания. В-четвертых, на выходе мы имеем общество людей, переживающих духовное опустошение несмотря на насыщенность жизни.

Сусская О.А.,
канд. филол. наук,
доцент Национального университета
«Киево-Могилянская академия»

ИЗМЕНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Традиционно-философское определение пространства всегда основывалось на постулатах евклидовой геометрии, т.е. подразумевало размерность: измерение длины, ширины, площади и т.д. С началом космической эры, практическим применением теории А.Энштейна, геометрии Н.Лобачевского, появлением средств электронной коммуникации появилось новое понимание пространства — основанное на его бесконечности и безграничности.

Именно такое понимание является естественным для изучения пространства распространения знаковой информации, в частности, совокупного теста массовой коммуникации. Особенностью этого пространства является функционирование в нем, в том числе, и аудиовизуальных «текстов» в общем контексте программ телевидения и радио, газетных статей, прочих сообщений. Таким образом, вырисовывается, как необходимое, такое понимание, информационного пространства: совокупность или ареал сообщений, которые распространяются средствами МК (массовой коммуникации) на данной территории и могут быть адекватно восприняты **реципиентами**.

Информационное пространство представляет собой мета систему [Разлогов К. Искусство экрана.- М.: Искусство, 1982. С. 135], в которой каждый текст (сообщение) является её природным элементом. Временные ограничения могут быть преодолены за счет повтора либо последовательного выпуска программ, газет, пр. на каждом отрезке часовых поясов, что является новым для традиционного временного измерения существования объекта. Понимание информационного пространства, таким образом, не будет отличаться от общепhilosophического, где пространство интерпретируется как: «форма существования материи, её атрибут (наряду с движением и временем); философская категория, которая характеризует сосуществование объектов, их взаимодействие, протяженность и структурность материальных систем» [Філософський словник. — К.: Гол. редакція УРЕ, 1986. — С. 545].

Феномен восприятия размерности пространства изучается традиционно не только психологией. Но психологи сделали шаг впе-

ред от сугубо физического восприятия параметров предмета к его феноменологическим особенностям, например, Вертгеймер (1923) первым осуществил фундаментальное исследование факторов, которые влияли на перцептивную группировку элементов в зрительном поле. А Ч. Осгуд (1953) — выявил законы организации перцептивного восприятия объектов в пространстве: близость, подобие, длина, транспозиция, выделение фигуры из фона, количественные интерпретации перцепции объектов, и т.д. [Ч.Осгуд. Перцептивная организация /Хрестоматия по ощущению и восприятию. — М.: изд-во МГУ, 1975. с.281; Шехтер М.С. Зрительное опознание. Закономерности и механизмы. — М.: Педагогика, 1981].

Естественно, что все приведенные особенности реальных пространственных особенностей восприятия достаточно далеки от параметров и характеристик, присущих информационному пространству. Ведь, чисто перцептивные психологические факторы здесь не срабатывают. Поэтому возникает насущная необходимость в определении специальных параметров информационного пространства, которыми могут стать: общее количество средств МК, общий объем их продукции, которая распространяется и принимается на данной территории; опосредованная фиксация тех или иных результатов контакта с продукцией средств МК реципиентов; их личностный информационный выбор; оценки адекватности восприятия совокупного текста средств МК (в широком понимании их содержания); фиксация параметров адресности и ориентированности информационных потоков.

Изменения пространственно-временных параметров, в частности, эфирного времени в электронных медиа, существенно влияют на наши традиционные представления, ведь благодаря технологиям время можно вернуть назад, повторить или несколько раз просмотреть фрагмент действительности, зафиксированный на видео, или же воспроизвести звукозапись, еще более поражают возможности преодоления течения времени в Интернете. Всё это раскрывает новые возможности пространственно-временных ориентаций в информационном пространстве современных масс-медиа.

Для любого специалиста в различных отраслях современных медийных коммуникаций является очевидным, что характерной особенностью эфирного вещания есть то, что оно находится в поле влияния двух сил — с одной стороны, подпадая под диктат техники, стремится максимально сохранить особенности устной речи; с другой — использует возможные для своей сферы функционирования, элементы музыкального и драматического искусства, кинематографа, живописи и др. Всё это реализуется в радио- и телепрограммах; также это еще раз доказывает невозможность «чистой»

репродукции при перенесении какого-либо зрелища на экран: поэтому ответственность «создателя событий» сегодня должна быть предметом научного рассмотрения, а не только лишь созданный ими информационный продукт. Только установив адекватность степени ответственности за тип и характер созданного на телеэкране образа события, мы можем оценить степень реагирования на него — как на событие действительное, или вымышленное, как на гиперреальность, а значит — симуляцию (высказывание Ж.Бодрийера), или на жизнь «как она есть».

Вне времени и пространства, иногда «вне реальности», но в то же время сегодня является очевидным, что телевидение регулирует доступ к социальной и политической жизни. Фундаментальное значение в понимании феномена массовой коммуникации, либо (по выражению А.А.Леонтьева) социально ориентированного общения, принадлежит отношению к самому концепту «массового общества». Этот термин используют с оговорками, либо отказываются от него как от нерелевантного для описания и анализа макрокоммуникативного состояния общества, мира «гиперреальности».

Поколение, выросшее в окружении новых средств массовой коммуникации, может утратить осознание противоречий виртуального мира и действительности, в т.ч. ощущение реального временного измерения пространства. Происходит, фактически, превращение виртуальности в особенную социальную ценность.

Анализируя виртуальность методами научного обоснования в рамках теории коммуникации, ученые обращают внимание на факт массового доступа к информации и знаниям. Идет речь также о внедрении новой техники и технологий, как в повседневность, так и в творчество, и — преимущественно — в коммуникации. Все это делает поднятую проблему не только актуальной, но и крайне злободневной, т.к. технологические эффекты и возможности всё более существенно вторгаются в нашу жизнь, иногда искажая мировосприятие человека.

**Чудова А.Н.,
магистрантка Института международных отношений,
Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко**

ГЛОКАЛЬНОСТЬ ВРЕМЕНИ В КРОСС-КУЛЬТУРНОМ МЕНЕДЖМЕНТЕ

В условиях глобализации экономики и общественной жизни на первое место выходят вопросы взаимодействия национальных де-

ловых моделей, которые становятся все больше полиэтническими и поликультурными.

Сейчас актуально говорить о глокальность мира («глокальный» от «*global*» и «*local*»), вопреки популярной концепции «глобальной деревни», в котором национально-культурные идентичности не исчезают, а через более активное их взаимодействие между собой порождают необходимость адаптации к местным нормам и ценностям.

В бизнес практике время играет чрезвычайно важную роль как специфическое измерение эффективности, производительности и собственно реализации бизнес-процессов. В данном исследовании время рассматривается как одно из измерений национально-культурной идентичности, и в частности исследуются такие параметры, как: временная ориентация, времявосприятие и *time-management* в разных культурах.

Казалось бы, время одинаковое для всех людей земного шара, однако, когда бразильцы говорят, что на выполнение определенно-го задания им понадобится 15 мин., европеец отметит, что по его часам прошло 1-2 часа. Итальянец уверяет, что придет утром, но немцу придется ждать его до позднего вечера или даже на следующий день.

По определению Троммсдорфа (Trommsdorf), данным в 1983 году, время — это многомерная когнитивно-мотивационная культурная концепция. Фрейз (Fraisse) в 1984 году заметил, что учитывая сложность времени, следует рассматривать его как понятие, а не концепцию. В 1967 году Леман (Lehmann) выделил четыре класса времени: внешнее время (хронометрическое время), внутренняя оценка времени (восприятие хронометрического времени), субъективное осознание времени (продолжительность) и субъективное проектирование времени. Первые две концепции касаются объективного понимания времени, в то время как две последние — субъективного опыта. Учитывая то, что поведение человека формируются под влиянием того, что он воспринимает, а не того, что объективно существует, то самое субъективное понимание времени представляет интерес для исследования в области кросс-культурного менеджмента.

Субъективная продолжительность времени, которая касается нашего субъективного переживания течения времени, которое в свою очередь зависит от нашей эмоциональной реакции и других ситуационных факторов, была детально исследована в психологической литературе (Фрейз, 1984). Большую заинтересованность темой времени раскрывают также исследователи поведения потребителей (такие, как: Фельдман и Хроник 1981, Грехэм 1981, Хиришман 1987, Хорник 1982 и Якобэ, Сцибилло и Бернинг 1976).

Относительно меньше внимания отводилось исследованию субъективного времявосприятия, которое касается нашего личного переживания прошлого, современного и будущего (Едлунд 1987). Тем не менее, некоторые исследователи (Дуб 1971, Грецем 1981, Клуххохн и Стротберк 1961, Холл 1976) отметили роль характерных культурных отличий в субъективном восприятии.

1. *Временная ориентация.* Как отмечали Клуххохн и Стротберк, личная временная ориентация главным образом связана с культурной принадлежностью индивида. Так, по мнению исследователя Холла (1959, 1976) по своей временной ориентации всех людей можно поделить на две категории: с монохронной и полихронной временной ориентацией. Люди с монохронной ориентацией (люди *m-time*) имеют склонность заниматься только одним делом в определенный момент времени, и как следствие, такие люди четко придерживаются графиков выполнения задач и отличаются высокой скоростью их выполнения, в то время как люди типа *p-time* отличаются тем, что делают несколько вещей одновременно, акцентируя внимание на привлечении человека в процесс и завершение задач, вместе с тем соблюдение текущих графиков отходит на второй план. Так, представители западных стран и США преимущественно являются монохронно ориентированными, а временная ориентация типа *p-time* характерная для уроженцев латиноамериканских, восточноевропейских и средиземноморских стран. [Hofstede, G. *Culture's Consequences: International differences in work related values.* Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1980. — 293 p.]

2. *Продолжительность времени.* Люди будто выстраивают мост между прошлым и будущим, и потому, чем более отдаленной в прошлое является одна половина этого моста, тем длиннее его край, направленный на будущее. Так, японские менеджеры отличаются от своих американских коллег длинной ориентации на перспективу. [Hall, E.T. and Hall, M.R. *Understanding Cultural Differences. Germans, French and Americans.* International Press, inc. Yarmouth, Maine, 1990. — 544 p.]

3. *Инструменты фондового рынка и времявосприятие.* Примером служат опционные контракты. различают американский, европейский и азиатский вид опционов. По американскому способу опционный контракт может быть выполнен досрочно в пределах указанного периода времени. Опционы европейского вида не разрешают преждевременного выполнения договора, и базовый актив продается/покупается лишь на момент окончания срока действия контракта. В случае же азиатских опционов, цена базового актива устанавливается не за последние несколько дней, а как среднеарифметическое или среднегеометрическое значение цены за опре-

деленный более продолжительный период времени. Здесь проявляется долгосрочная временная ориентация представителей Азии.

4. *Базовые единицы времени.* Определяя длину базовых временных интервалов времени в контексте кросс-культурного менеджмента, можно выделить длинные кванты времени. Так, базовая единица времени для британцев составляет 5 минут, для представителей Испании, славянских стран — 15 минут. Именно настолько времени разрешают себе опаздывать представители этих культур, ровно на одну базовую единицу. В то же время, для выходцев из культурных сред Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки длина базовой единицы времени может представлять от части суток до целого дня.

5. *Последовательная и циклическая модель времени.* В 1998 году бизнес-консультанты Итантс Тромпенаарс и Хомпдэн-Тернер разработали свою модель «Семь измерений культуры», где седьмое измерение — восприятие времени последовательно или циклически [Hampden-Turner Ch., Trompenaars F. Riding The Waves of Culture: Understanding Diversity in Global Business, Perseus Pub., 2003. — 73-99 p.]. Т.е. способные ли представители разных культур делать несколько дел одновременно, проявлять гибкость в отношении времени (синхронизированное время), или только одно дело за раз (последовательное время).

Выводы: 1. Специфика переживания времени тесно связана с особенностями национальной культуры. 2. Времявосприятие — одним из аспектов самобытности культурного континуума. 3. Осознание менеджментом отличий переживания времени представителями разных культур может предотвратить возникновение многих конфликтных ситуаций в кросс-культурной коммуникации и оказывать содействие повышению эффективности переговорного процесса и управление культурно диверсифицированным персоналом.

Чудова Л.Н.,
магистрантка Национального университета
«Киево-Могилянская академия»

ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ ИЛИ НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

В западной культуре глубокого укоренения в ментальности людей приобрел афоризм «время — это деньги», или *«time is*

money». Американцы утверждают, что время нужно использовать с умом, так как, иначе будущее никогда не будет лучшим, чем настоящее и прошлое. «*You only get so much time in this life, you'd best use it wisely. The future will not be better than past or the present*», говорят они.

Как правило, отождествления времени с деньгами происходит в контексте потери этих двух субстанций, т.е. потеря времени равноценна потере денег, ведь за потерянное время можно было бы их заработать.

Рассмотрим теперь феномен времени в его различных ипостасях в сфере экономики:

1. *Время как ресурс*. В отличие от денег, время нельзя набирать взаймы, накапливать и запасать впрок. Хотим мы того или нет, но мы должны его тратить, причем по твердому обменному курсу курсом — 60 минут за час. Самое важное отличие времени от денег в том, что этот ресурс разделен между всеми в абсолютно равной пропорции. В тоже время, время и деньги подобны тем, что эти два ресурса, будучи выкинутыми на ветер не приносят никакой пользы — разве что кратковременное и сомнительное удовольствие. Если же и тем, и другим человек распоряжается разумно, то обеспечивает себе настоящее благополучие — как материальное, так и психологическое.

2. *Время как капитал*. Население планеты возрастает в геометрической прогрессии, в то время как продовольствие и ресурсы для минимального обеспечения человека на грани выживания — в арифметической. И хотя ООН принял концепцию «постоянного развития» («*sustainable growth*»), к которой через систему получения гражданства присоединилось много транснациональных корпораций, все же ресурсов для комфортного существования всех людей земного шара уже через 50 лет остро не будет хватать. Поэтому сейчас есть смысл говорить о новой экономике, и ее новом ресурсе, который имеет все признаки капитала — время. Аккумулятором этого капитала призваны стать новые «банки времени». Идея создания производственного банка времени и бренд «Банк времени» возникли еще в 1976 году у советского ученого В.М.Лившица. В 1977 году в СССР было создано первый «Банк времени» производственного типа на хлебокомбинате в г. Кохтла-Ярве в Эстонии [Лившиц В.М. «Банк Времени» В кн. Тезисы докладов II Республиканского научно-практического семинара в Таллине 1979 г. — С. 138-140]. В Украине первым таким проектом стал социальный проект «Банк Времени» под названием БЧ «Добро Банк» за инициативы Днепропетровского областного благотворительного фонда. «Банк времени» — это организация, которая учи-

тывает (фиксирует) для своих участников то, сколько они внесли, потребили, или взяли в кредит времени, помогая, друг другу, в рамках социального движения взаимопомощи. Различают несколько типов Банков времени: волонтерский — время опосредствует операции взаимопомощи между волонтерами, производственный — операции с производственным временем работников и между организациями, объединенный Банк времени — для всех видов взаимопомощи, как между людьми, так и организациями. Расчетной единицей для всех видов услуг есть один час израсходованного времени (в США — «*Time-Dollar*»), в Японии «*DanDan*» («*I thank you very much*» — «спасибо тебе большое»). Время всех участников оценивается одинаково, независимо от содержания выполненной работы, от образования, привычек и умений: 1 час = 1 кредитной единице.

В теоретическом плане Банки времени связаны с «экономным производством» и эволюцией денежного обращения (введением альтернативных денег и альтернативных экономик, например LETS (*Local Exchange Trading Systems*) или ROCS (*Robust Complementary Currency System*), в которой вместо денег используется взаимный кредит доверия. Банки времени является характерным примером нелинейного менеджмента, составной частью электронной демократии. Разработано также специальное программное обеспечение «*Timekeeper*» — базу данных всех предложенных товаров и услуг. Координатор сообщается участниками соглашения о количестве израсходованных часов и вносит записи в кредит и дебет.

3. *Время як фактор экономической системы.* Немецкий экономист Сильвио Гезель в 30х гг. XX ст. предложил экономисту, основанную на временном факторе (ЭВФ), как альтернативную платежную систему, которая в условиях «большой депрессии» позволила бы предприятиям функционировать, не используя денежных кредитов. ЭВФ — теория об экономической системе, в которой основой определения коэффициентов обмена (стоимости), размера налогов, величина зарплаты — рабочее время (служебные часы) [Беньес, Герман, *Wer hat Angst vor Silvio Gesell* (2006)]. Основной целью ЭВФ является замена рентной системы установленными за выполненные работы нормативными платежами, которые зависят от времени (являются математическими функциями со временем как параметром). По принципам ЭВФ, капитал не может увеличиваться со временем без осуществления работы, продолжительность которой будет отвечать его увеличению. Еще одна цель ЭВФ — связать стоимость капитала с какой-то объективной физической основой, равно как размер и вес связаны с физическими понятиями

«расстояние» и «масса». Такой подход должен усложнить или даже сделать невозможным мошенничество и спекуляцию.

4. *Время как товар.* Время можно рассматривать как товар, благодаря системе таймшера («*timeshare*», — от англ. «время» и «пай, судьба»). Таймшер — право использования одним из владельцев собственности, которая находится в собственности многих лиц, саму собственность в отведенные промежутки времени [Ковалев Д. А. Мировая индустрия владения отдыхом. — М.: «Университетская книга», 2003. — 608 с.]. Время как товар чаще всего применяется в бизнесе недвижимости, как международная система обмена отдыхом среди совладельцев курортных отелей клубного типа. Время использования измеряют в неделях, которые сгруппированы в 3 цвета: красный (наиболее дорогой), белый и голубой.

5. *Время как мера стоимости денег.* Затраты и доходы, связанные с любой инвестицией, всегда осуществляются во времени. Риск или неопределенность в будущем также уменьшают стоимость денег. Через неопределенность в будущем риск со временем возрастает. Большинство инвесторов стремится избежать риска, поэтому выше ценят деньги, имеющиеся сегодня, чем те, что должны быть в будущем.

6. *Время как эквивалент стоимости человеческой жизни.* И обычно время — это деньги для всех тех, кто получает почасовую оплату труда. Так на западе в практику вошел вопрос «Сколько ты стоишь?», т.е. жизнь человека, по крайней мере, трудовой ее период, можно четко оценить в конкретной денежной сумме, перемножив рабочие часы на тариф почасовой стоимости его работы.

Выводы: 1. Время можно рассматривать как объект обмена, распределения и потребление с целью преодоления стагнационных процессов в экономической и общественной жизни. 2. Разноплановое исследование восприятия времени человеком является толчком к активизации его творческого потенциала. 3. Потенциально время может стать новым фактором современной экономической системы благодаря развитию информационных систем, социальных сетей и сети Интернет. 4. Время как капитал катализирует более рациональное управление временем и стимулирует взаимовыгодную волонтерскую деятельность. 5. Время может заменить финансовые ресурсы в случае их недостатка и стать объективной мерой стоимости. 6. Осознание времени как экономической категории может иметь как свои положительные, так и отрицательные влияния на жизнь человека.

СОДЕРЖАНИЕ

Секция I. ФИЛОСОФСКОЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ВРЕМЕНИ	197
<i>Бойченко М.И.</i> Коммуникативный потенциал социальной реальности относительно созидания будущего	197
<i>Бойченко Н.М.</i> Обучение как становление знаний во времени согласно теории Никласа Лумана	199
<i>Бабидорич С.Ю.</i> Непознанное — фактические аспекты влияния	202
<i>Бондарь О.В.</i> Время как социально-философская категория	203
<i>Даренский В.Ю.</i> Хроногенность исторического события	206
<i>Джигита А.Я.</i> Эдмунд Гуссерль: время и сознание	208
<i>Зинченко В.В.</i> Онтология глобальной историчности и темпоральности общественного развития в неомарксизме	211
<i>Илляхова М.В.</i> Характеристика структурных измерений феномена социального времени	214
<i>Карповец М.В.</i> Время городской культуры как способ репрезентации человеческого бытия	217
<i>Кемалова Л.И.</i> Парадоксы времени информационного общества	221
<i>Кожемякина О.Н.</i> Экзистенциальный контекст времени в измерениях доверия	223
<i>Мельник О.А.</i> Проблемная многоаспектность особенностей представлений о времени и его переживании	226
<i>Нужный А.С.</i> Модель времени за гранью сознания	229
<i>Полищук А.С.</i> Пространство и время — общие формы бытия	231
<i>Рыбак В.В.</i> Время — основа основ философии жизни, науки и политики	234
<i>Сватачева И.В.</i> Подход ко времени как важному эволюционному фактору развития человечества	235
<i>Соловьев В.С.</i> Проблема физической реальности времени: философский аспект	238

<i>Солоненко М.А.</i> Три научных похода к изучению времени и его восприятия человеком	240
<i>Стрыжков И.А.</i> Пройти сквозь страх — войти во время	244
<i>Титаренко О.А.</i> Образ времени в современных научных теориях как философская проблема	246
<i>Туренко В.Э.</i> Темпоральный аспект любви: философская постановка проблемы	249
<i>Хрипун В.И.</i> Ритмология: сознание способно созидать	252
<i>Цыба В.Н.</i> Структуры времени и понимания в герменевтике Вильгельма Дильтея	254

Секция II. ПОЛИТИКА И ВРЕМЯ 257

<i>Андрущенко М.А.</i> Хронополитический потенциал Стэнфордской модели кризиса развития	257
<i>Багинский А.В.</i> Консолидация демократии: измерение временем	260
<i>Бульдович П.В.</i> Особенности бюджетов социального и политического времени	263
<i>Гончарова А.К.</i> Триада времени как модель политической деятельности	265
<i>Зубрицкая Л.И.</i> Время как ресурс государственной власти	268
<i>Зубчик О.А.</i> Теория «зависимости от ранее пройденного пути» и шанс для Украины	271
<i>Илляшук А.Б.</i> Нациоисторичность и социотемпоральность Украины: ретроспективы общественных препятствий и перспективы утверждения	274
<i>Коршук Р.Н.</i> Проблема нации в темпоральном измерении: модернизм и примордиализм	277
<i>Миклашук И.Н.</i> Социальное время и проблема устойчивого развития	280
<i>Савченко И.Н.</i> Три парадигмы анализа времени в политических науках	283
<i>Сухомлин Е.Г.</i> Политическое время: поиск оптимальной парадигмы	285
<i>Шейко Ю.А.</i> Технология темпорализации в политике и обществе	288
<i>Якубин А.Л.</i> От политологии к политической науке: случай метаметодологии политического времени	290

Секция III. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ВРЕМЕНИ 296

Александров Ю.М. Временная координата ценностно-смысловой сферы в системе психологического благополучия личности 296

Аноприенко А.Я. Нооритмы — эффективная модель структурирования исторического времени 299

Белова Н.Н. «Белое» и «чёрное» время в экономике 301

Богайчук А.Д. Математические основы времени как векторальных последовательных закономерных событий 303

Буганова В.Н. Временные закономерности жизненного пути личности 306

Верник А.Л. Некоторые аспекты проблемы времени в психологии 308

Киреева З.А. Развитие сознания, детерминированное временем 311

Ковалев В.И. Темпоральная персонология как новое направление в исследовании психологии человека 314

Кравченко С.Н. Категория времени в физике, психологии и ритмологии 317

Магнитогорцева Т.В. Время как главный фактор развития мозга человека в научных исследованиях XXI века 319

Марченко А.А. Время в структуре автобиографической памяти 322

Мироненко А.В. Темпоральные особенности взаимодействия человека с мультимедиа 325

Мостовая Т. Д. Психологические особенности восприятия времени у субъекта с наркотической зависимостью 327

Николаевский М.В. Особенности мужского негативного индивидуального опыта в контексте личностного и временного аспектов. 330

Полунин А.В. Новый ответ на старый вопрос о субъективном настоящем 333

Роздобутько Е.Н. Время как объект социологической рефлексии: методологический аспект. 335

Рурикевич Т.Ю. «Время» и «деньги»: особенности представлений частных предпринимателей и работников государственных структур 338

Салатич Т.П. Время требует ритмологического мышления 340

<i>Свинаренко Р.Н.</i> Временная составляющая потенциала самореализации личности	343
<i>Скок Н.С.</i> Субъективное время и виртуализация пространства: новые горизонты	344
<i>Скрипник Е.А.</i> Ошибочность восприятия времени психикой человека	347
<i>Сокиржинская О.О.</i> Изучение восприятия времени методом воспроизведения	349
<i>Стриж О.Н.</i> Особенности изучения социального времени в социологии: структура, свойства и классификация	352
<i>Тарасова А.Ф.</i> Применение метода 7РО Е.Д. Марченко в психологии. Взаимодействие времени с мозгом человека	354
<i>Титарчук А.И.</i> Психологическая концепция времени в учении Аврелия Августина	356
<i>Хижняк А.В.</i> Темпоральность коллективного социального действия	359
<i>Цуканова Ю.Б.</i> Собственная единица времени, как фактор устойчивости к зрительным иллюзиям	362
<i>Чернова Е.А.</i> Время в современном научном дискурсе: социологический аспект	364

Секция IV. ВРЕМЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНТЕКСТАХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ 368

<i>Билоножко Е.П.</i> К вопросу временной направленности как идеологии (на примере критики прогрессивного видения развития семьи Робертом Нисбетом)	368
<i>Грищук В.В.</i> Гипотеза о двухмерности времени: практическое применение	370
<i>Качаев Н.А.</i> Время как фактор развития человека	371
<i>Кичигина В.В.</i> Книга «ИрлЕМ» Е.Д. Марченко как социокультурный феномен (художественные особенности сюжета «книги из времени»)	373
<i>Коларж И.Я.</i> Время как объект науки: субстанциональный подход к изучению времени	375
<i>Кравчук Н.О.</i> Проблема соотношения «прошлое-настоящее-будущее» в контексте тоталитарной идеологии	377
<i>Марченко Е.В.</i> Пространство и время в контексте философии образования	379

Матыцин А.И. Время в пространстве украинской иконы XVI века	383
Медведская Л.Е. Предпосылки «гендерной революции» 1725 года в России: темпоральный аспект	385
Мормуль О.Г. Социокультурный аспект времени	388
Прокончук Д.В. Ускорение жизненного времени в постмодерную эпоху	390
Сусская О.А. Изменение традиционных представлений о пространстве и времени в современных исследованиях информационного пространства	393
Чудова А.Н. Глокальность времени в кросс-культурном менеджменте	395
Чудова Л.Н. Время — деньги или новая экономическая категория	398

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

ЧАС У ДЗЕРКАЛІ НАУКИ

1-ша Міжнародна наукова
міждисциплінарна конференція
(19 березня 2011 р.)

МАТЕРІАЛИ ВИСТУПІВ

(УКРАЇНСЬКОЮ ТА РОСІЙСЬКОЮ МОВАМИ)

*Дизайн обкладинки – В. С. Соловійов
Загальна редакція – Л. Й. Зубрицька*

Підписано до друку 15.03.2011. Формат 60x84^{1/16}
Друк офсетний. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Умовн. друк. арк. 22,95.

Видавництво «Центр учбової літератури»
вул. Електриків, 23 м. Київ 04176
тел./факс 044-425-01-34
тел.: 044-425-20-63; 425-04-47; 451-65-95
800-501-68-00 (безкоштовно в межах України)
e-mail: office@uabook.com
сайт: www.cul.com.ua

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 2458 від 30.03.2006